

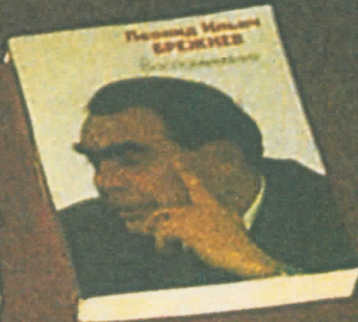

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№17(23)
1991г. 1руб.

Владимир ЛЫСЕНКО

МОЖНО ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ, УГРОБИВ ЭКОНОМИКУ. НО ЗАЧЕМ?

Владимир Лысенко. 35 лет, народный депутат РСФСР. Закончил истфак МГУ. Кандидат философских наук. С 82-го года — преподаватель МАИ. В 85-м году — организует политический студенческий клуб. Один из создателей московского отделения «Мемориала», работая в котором изживал в себе остатки официальной идеологии. Конец 80-х — участие в создании Демплатформы в КПСС, выход из КПСС на XXVIII съезде. Сопредседатель Республиканской партии России. Председатель Консультативного совета Демократического конгресса. Член Координационного совета движения «Демократическая Россия».

К минувшей зиме рост раздражения и политической апатии на фоне жесточайшего социального кризиса стал очевиден, чем и попытались воспользоваться консерваторы, предприняв попытку разрушения парламентских структур в Балтийских республиках. По счастью, произошла осечка, замешательство в их рядах. И демократы, наконец, поняли, что, если и дальше они будут действовать каждый сам по себе, — потеряют все, что наработали за пять лет. Был созван и начал работать Демократический конгресс.

Очевидно, что приход демократов к власти и создание ими чисто демократического правительства для осуществления радикальных реформ в нашей стране в ближайшем будущем маловероятны. Что, собственно, и под-

тверждает ряд неудач демократического движения в этом направлении. У нас были неплохие шансы, если бы удалось склонить еще на XXVIII съезде КПСС Горбачева к отставке с поста генсека, выдвинуть от Демплатформы Яковлева в руководители партии и таким образом расколоть КПСС, этого гигантского монстра, лежащего поперек любых преобразований. Этот вариант готовился, но не удался. И следующая возможность — альянс Ельцин — Горбачев по программе «500 дней» была также упущена. Прибавьте сюда резкое за последние месяцы ухудшение обстановки, обнищание в результате ценовой реформы огромных масс людей, что в какой-то степени просто нивелирует их отношение сегодня к самым различным партиям и лидерам.

В республиках постепенно осознали, что добиться свободы в одном отдельно взятом провозглашенном государстве — невозможно. И потому за пять месяцев работы Демократического конгресса, при всех разногласиях, удалось наладить прочные рабочие отношения между лидерами демократических партий в республиках, — там, где демократия у власти, и там, где она составляет сильную оппозицию режиму. Это гарантирует дальнейшее укрепление связей между субъектами нынешнего Союза, как бы ни сложилась его судьба в дальнейшем.

Российский референдум и внеочередной съезд подтвердили поддержку народом демократического движения и способность его к организации и действию. Съезд консолидировал демократические силы, удалось отстоять Ельцина, добиться для него усиленных полномочий, перераспределения власти, назначить дату выборов Президента России. Победа очевидная. Но скорее морального плана.

Большинство полномочий, предоставленных Ельцину, остаются на бумаге. 85 процентов экономики сосредоточено в руках центра. 99 процентов кадров милиции подчиняется МВД СССР. Бумага есть, а реальной власти в России по-прежнему нет, нет материальных, людских и властных ресурсов для реализации программы Ельцина. Очевидно, что в такой ситуации после внеочередного съезда положение в экономике могло только ухудшиться.

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЬЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esopews, Швейцария
Факс: 41.21-311.45.11
Тел.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Esopews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 26.04.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак 738

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Можно взять власть, угробив экономику.
Но зачем?
(В.Лысенко)

ВЛАСТЬ

- 4 «...От тоталитаризма нас спасет лишь новая концепция безопасности»
(В.Рубанов)

ПОДОПЛЕКА

- 10 Алма-атинский синдром
(В.Кариюкин)

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

- 13 Интервью с Сергеем Григорьянцем, редактором настоящей «Гласности»
(Ю.Гончаров)

ЗОНА

- 16 Несчастные страны опасны
(Е.Кулаков)

ЖИЗНЬ

- 24 Почему фунт лиха?
(Л.Максимова)

АРХИВ

- 36 Вожди и толпа
(А.Цирульников)

РЕЦЕНЗИЯ

- 39 А с другой стороны...
(Ю.Богомолов)

ВЕСЫ

- 43 Оркестр без права неудачи
(А.Ефимова)

РАССКАЗ

- 54 Но строк печальных не смываю...
(В.Левятов)

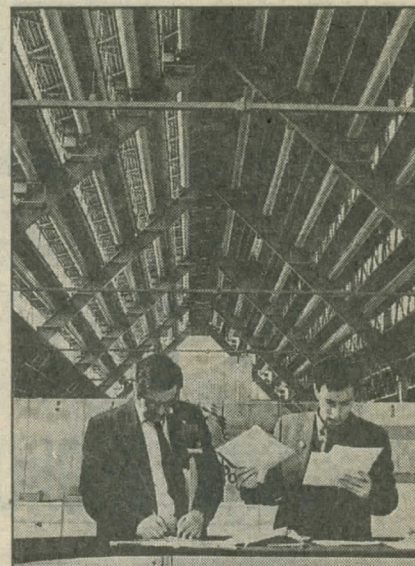
ПОДОПЛЕКА

- 59 Сотрудничество между СССР и Кувейтом будет развиваться. Но только не в военной области
(В.Ерленков)

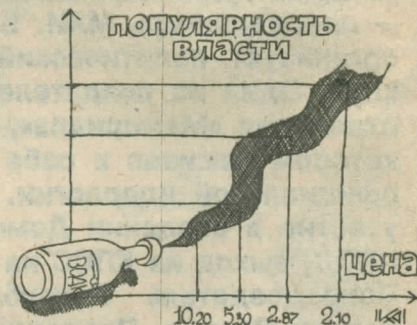
Первая страница обложки — фото И.Рогачевского

Вторая страница обложки — фотоколлаж — В.Мельникова

С.32-33 — фото О.Литвинова

- 22 Один из главных законов рынка: товар должен быть доступен для покупки кому угодно, всем в одинаковой степени, и цена должна определяться спросом, а не личной договоренностью.

- 19 Каждый новый вид дефицита, резко изъятый из оборота, становится причиной множества последующих...

49 Вспоминаю Олега Дала
(М.Козаков)

А коммунисты уже готовят счет — полномочия дали, а где результат?

В этой обстановке и с такой перспективой понятны основные разногласия в демократическом движении. Они касаются, прежде всего, отношения к нынешней власти. Радикальная часть демократического движения высказывается резко против каких бы то ни было переговоров с властями, за их устранение при помощи всеобщей стачки и гражданского неповиновения. Возражения умеренных радикалов — если это и произойдет, то после «смещения» экономика будет в таком состоянии, что демократическому лидеру для осуществления программы останутся только диктаторские методы. Вчерашние союзники в рабочем движении, например, тогда станут нашими врагами. Вариант тупикий.

При всем объемном счете демократии к Горбачеву, резко сместившемуся вправо, на защиту военно-промышленного комплекса и КПСС, у него были сильнейшие ограничители, которые не позволяли ему пойти против демократических институтов, созданных при нем. У любого другого лидера из коммунистического лагеря таких ограничений не будет. А значит, с его приходом, что вполне вероятно и на что делают ставку правые, ситуация будет раскручиваться в обратную сторону — разрушение парламентских структур, цензура, репрессии...

Заслуги Горбачева перед демократией лежат в основном в сфере демонтажа мировых и союзных тоталитарных структур — освобождение Восточной Европы, ослабление советского военно-коммунистического монстра. Слабость Горбачева — в конструктивной, созидательной демократической работе, в которой интересы дела часто им подменялись личными приязнями и обидами, иллюзиями и шатаниями.

В этой обстановке, на мой взгляд, альтернативы идее «круглого стола», за которой выступили на внеочередном съезде республиканская и социал-демократическая фракции и которая вошла в доклад Ельцина, все-таки нет.

Разумеется, это должны быть не болтовня и дискуссии, а реальный договор политических сил, за которыми — миллионы людей. Договор о том, как нынешняя система может почетно и мирно капитулировать и передать власть тем структурам, которые пользуются поддержкой населения и имеют программу реформ. Правительство Павлова должно быть заменено на правительство, состоящее из людей, пользующихся доверием в республиках и в России, способных к преобразованиям и демонтажу союзных структур, которые давно живут своей особой, далекой и малополезной для страны жизнью. Условия ухода нынешних союзных властителей могут быть вполне почетны. Во всяком случае, без преследований в будущем.

Разумеется, решения такого «круглого стола» по закону вовсе не будут обязательны для высших органов власти. Но авторитетом его, при условии участия представителей ведущих политических сил, не сможет пренебречь ни Верховный Совет, ни Съезд народных депутатов СССР. Президент и Генеральный секретарь КПСС, представители демократического движения, стачкомы — вот реальные

участники такого «круглого стола». Причем, подчеркну, представители рабочего движения на сегодня — вполне самостоятельная, серьезная политическая сила.

Нас обвиняют в том, что демократы якобы манипулируют шахтерским движением. Но забастовка шахтеров началась без нашего ведома, фактически она была спровоцирована официальными профсоюзами — мол, требуем повышения зарплаты, мы вас поддержим. Забастовки покатались, нарастая как снежный ком. А профсоюзы, эта опора самых консервативных сил в КПСС, организуют всеобщую стачку. В общем-то эти действия вполне понятны — использовать лозунги демократов, подладиться под шахтерское движение, в экономическом хаосе сместить власть, и снова — «Слава КПСС!».

Конечно, демократическое движение налаживает связь с шахтерами, находит общий язык, стремится к совместным действиям с тем, чтобы придать этой очень серьезной, возможно, даже решающей, политической силе гибкость, ориентацию на действия с предвидением последствий. Ведь сила забастовочного движения не только в том, чтобы, когда уже невмоготу, остановить производство, но в тех требованиях, которые выдвигаются или снимаются с повестки дня. Например, приостановление забастовок на период выбора Президента России работает на пользу демократии, тогда как усиление развала экономики России сегодня оказывается на руку противникам демократических изменений и сторонникам диктатуры.

В то же время поддержка стачкомов, заявления межпарламентской конференции демократических сил о готовности к кампании гражданского неповиновения в ответ на угрозы группы «Союз» добиваться введения в СССР чрезвычайного положения — единственная гарантия предотвратить в стране гражданскую войну, разруху, политические репрессии.

И все же надо попытаться дать шанс нынешним руководящим структурам уйти мирно. Надо попытаться сделать это конституционным, законным путем. Предложения распустить Верховный Совет, Съезд при отсутствии законных механизмов такого роспуска — это по сути предложения большевизировать демократическое движение, наставить его на путь известный: разок пренебречь законом во имя будущей законности. Караул устал. И ясно, что следует за этим. Поэтому «круглый стол» по изложенной уже схеме — единственная возможность разрешить кризис мирным путем, выйти на новый уровень демократии и преобразований.

Для России эти преобразования, их последовательность и направления определены. Принятие Закона о президентстве. Избрание прямым голосованием Президента России и в тот же день таким же образом мэров крупных демократических центров — Москвы, Ленинграда, Свердловска. Так создается основа демократической сильной исполнительной власти, которая затем усиливается такими же выборами на местном городском и районном уровне.

Это позволило бы уже к концу года — зимой провести реформы, намеченные Российским парламентом. Это путь в будущее. И он пока еще возможен.

Владимир РУБАНОВ

«...ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА НАС СПАСЕТ ЛИШЬ НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ»

В моем представлении диктатура связывается не с внезапной военной акцией заговорщиков, а с инерцией тоталитаризма и отягощенной наследственностью нашего общественного сознания, с маргинализацией и люмпенизацией населения. Его поведение в значительной мере определяется не фундаментальными экономическими интересами (откуда им взяться без собственности!), а сиюминутными, неустойчивыми настроениями. Но из разгула анархии, как известно, рождается тиран. Измученное, издерганное, подогретое как стихийными, так и спровоцированными конфликтами общество само, без больших усилий со стороны «кандидатов в диктаторы» может востребовать «твердую руку». Общество серьезно больно. И оно может по инерции скатиться обратно к диктатуре. Потому что свобода — это прежде всего внутреннее состояние людей, а не дар от властей предержавших. Республику, как говорили во время Французской революции, объявить недолго, где взять республиканцев?

Перестройка принесла нам новую лексику. Красивые, конечно, термины: «правовое государство», «гражданское общество», «легитимность власти»... Но если у общества существует убеждение, что право — это то, что приказывает власть, тогда все эти «юридические штучки» представляются неактуальной экзотикой. Поэтому идея создания «комитетов спасения» оказывается людям ближе, чем трудный и последовательный путь правового строительства. Многие ведь (и «левые», и «правые») полагают: будет в руках власть, а уж законы-то напишем. «Вышедшие из окопов» как раз на этом и спекулируют. Но ведь диктатура и есть возвышение власти над правом.

Посмотрите, что сегодня происходит. Последние акты союзной власти разве не являются демонстрацией целесообразности над закон-

ностью? Это не случайно. Наши «строители правового государства» учились-то ведь по теориям Вышинского.

Неоднократные попытки ухода от диктатуры у нас не удавались и пока не удадутся. А техника откатов отражена прекрасно. Больших усилий не нужно, чтобы от неудавшихся попыток управлять методами политического убеждения возвратиться к столь привычным методам государственного принуждения. Зададимся вопросом: что нужно сегодня изменить, чтобы возвратилась диктатура? Да ничего, оказывается, существенного. Всего лишь метод управления. Структуры-то с традиционными функциями все на месте. Больших ли усилий это потребует? Самую малость. Просто перестать мимикрировать под демократию. Для этого достаточно свернуть телепрограммы с политическими шоу и сделать более «объективной» гласность.

Теперь о положении в системе власти и «поведении» тех структур, с функционированием которых связано обеспечение диктаторского режима. Взор, конечно же, обращается сразу к армии, КГБ и МВД. Как они эволюционируют?

Ясно, что для «подавления экстремистов» армия должна получить возможность выходить из казарм и научиться выполнению функций военной администрации. Приказы двух министров и Указ о совместном патрулировании как раз и создают «правовую основу» для выведения военных на улицу. Не следует также забывать, что Карабах и другие районы особого управления уже позволили армейскому руководству приобрести навыки решения комендантских задач в условиях военного положения.

Возьмем КГБ СССР. Указами Президента об участии органов КГБ в борьбе с экономическим саботажем,

организованной преступностью и коррупцией, привлечением чекистов к охране банков созданы предпосылки для взятия под административный контроль хозяйственной деятельности. «Всесоюзная перепись тушенки» и другие меры «наведения порядка» в экономике компетентными органами также уже осуществлены. Так что проблем с созданием силовых планово-распределительных структур при переходе к чрезвычайному положению не предвидится.

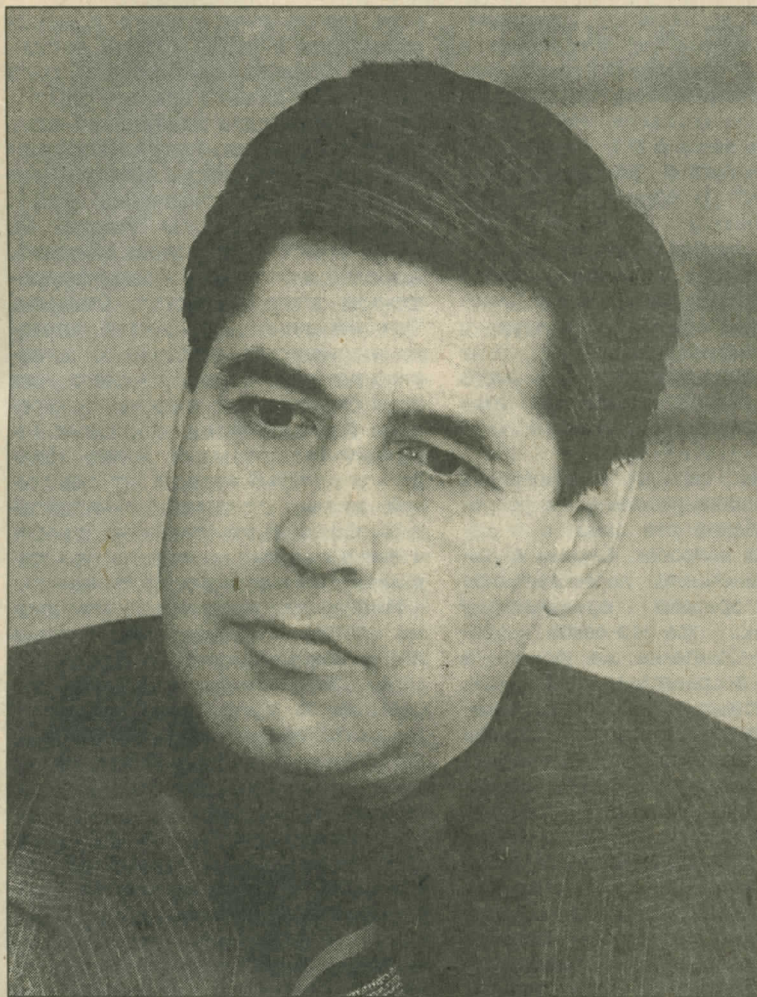
Какой из всего этого можно сделать прогноз по поводу наступления диктатуры? С учетом сказанного, да и анализа событий самого последнего времени, точнее было бы применительно к диктатуре вести речь не о прогнозе ее наступления, а о диагнозе существующих реальностей.

Диктатура правящего в нашей стране социального слоя никуда и не уходила. Она лишь мимикрировала и пыталась приобрести легитимность. Но как только жесткие требования законности стали сковывать эту власть, сразу были отложены в сторону «белые перчатки», а видные места в верхних этажах заняли юристы, способные оправдывать государственный произвол как способ наведения порядка. В цене оказались юристы не только способные, а на все способные. Верховный Совет СССР уже неоднократно и словами, а еще больше делами подтвердил, что лозунг «Пусть рухнет мир, но торжествует юстиция!» — не про нас. Не до того, мол.

Больше всего в парламентских слушаниях по поводу литовских (а еще ранее и тбилисских) событий меня потрясла та нравственная слепота, которая не позволяет людям, вершащим судьбу народа, провести грань между теми, кто готов «умирать за идею», и теми, кто способен «убивать за нее».

Случайно ли все это? Нет, конечно. Это свойственно тоталитаризму.

Владимир Рубанов,
ответственный сотрудник Государственного
комитета РСФСР по обороне и безопасности

Пользуясь случаем, хотел бы высказать свою точку зрения вот по какому поводу.

Тоталитаризм сохраняется в немалой мере благодаря действию системы обеспечения безопасности страны. А значит, без глубокой реформы сформировавшейся системы не могут быть созданы гарантии от возврата самых грубых форм диктатуры. Однако как только кем-то затрагивается эта проблема, так сразу начинаются обвинения в подрыве обороноспособности страны, беззастенчивая спекуляция на патриотических чувствах граждан. Ясно, что без охранительных структур мы не обойдемся. И никто ведь с этим не спорит. Но вот для каких целей и в каких формах они применяются — в этом суть вопроса. Ведь одно дело — защищать граждан силой государст-

ва. И совсем другое — осуществлять под этим предлогом над ними насилие в интересах тех, кто формирует и проводит политику тоталитаризма.

Шесть лет попыток совершенствования сложившейся в СССР модели общественно-государственного устройства убеждают лишь в одном: сформировавшиеся структуры власти и социальные институты неспособны к преобразованиям. Они обладают поистине самоубийственной антидемократической закостенелостью. И самым опасным для страны является отождествление ее безопасности с защитой именно этих исторически обреченных структур. Сегодня, когда мы находимся на грани катастрофы, стало совершенно очевидно, что смысл сохранения Отечества заключается в обеспечении нормальных условий существо-

вания народа, а не в охране власти от возмущенных требований отчаявшихся людей.

Советский Союз как будто не жалел сил и средств для обеспечения безопасности страны. Что же в итоге? Государство, накопившее колоссальный запас военной мощи, оказалось крайне уязвимым по отношению к внутренним проблемам и кризисам — политическим, экономическим, экологическим, демографическим, к нравственному разложению, технологическому отставанию и интеллектуальной деградации. Проблемы безопасности страны сегодня обострились до императива «как выжить». И уже абсолютно ясно, что выживание не обеспечивается количеством танков и боеголовок, что угроза экономического краха и внутренней дезинтеграции на порядок выше опасности военной агрессии. Из этого необходимо делать выводы. Прежде всего нужно сменить фундаментальные представления о безопасности страны и ее приоритетах. Новое политическое мышление требует ведь не только перемен дипломатического характера, но также принципиальных внутренних изменений структуры и функций армии, органов КГБ, других элементов системы безопасности, переориентации их целей и задач.

Для того чтобы спланировать назревшие реформы, нужна новая концепция безопасности страны. Она должна быть построена не на силовых представлениях о способах решения внутренних и внешних проблем, а на гармонизации интересов. Утверждаю, что это не теоретический, как пытаются представить некоторые высокие деятели, а первостепенной важности политический вопрос. Что же сделано для его решения? Ничего. Председатель КГБ СССР при обсуждении в Верховном Совете законопроекта об органах КГБ заявил, что новой концепции безопасности страны нет и в ближайшем времени не предвидится. Но ведь общеизвестно, что во многих странах стратегии национальной безопасности являются исходящими к власти главами государств как первостепенные политические решения. И это правильно. Потому что куда же можно завести страну, если не иметь четкого представления о ее жизненно важных интересах, угрозах их реализации, средствах и методах отражения опасностей и преодоления кризисов?

Причина заявления Крючкова,

думается, не в сложности разработки концепции безопасности, а в нежелании менять такую систему обеспечения безопасности, которая продолжает верой и правдой обслуживать тоталитаризм и вельможных политиков.

Первые же осложнения международной и внутренней обстановки в стране показали, как легко происходит реставрация традиций изоляционизма и «классового подхода», как быстро реанимируется психология социальной озлобленности, производится сортировка общества на «наших» и «ненаших», как по одному лишь намеку приводится в дело стоящая под парами карательная машина.

Посмотрите, ведь не успели оглянуться, как уже вновь в ходу объяснение провалов в политике и экономике происками империализма. И ничего. Проходит. Лидеры демократических движений уже проштампованы ярлыком «так называемые». Вчерашние «инакомыслящие» после кратковременных дозволений на политический плюрализм названы «деструктивными силами».

А кто же это у нас «конструктивные силы»? Да это же до боли знакомые вчерашние специалисты по борьбе с идеологическими диверсиями и разоблачениям «кампаний по защите так называемых прав человека» за рубежом.

Неконституционность многих нормативных актов и практических мер КГБ СССР признает (правда, внутренними документами) Комитет Верховного Совета СССР по обороне и государственной безопасности. Нарушения есть. А виновных, как водится, нет. Еще пример. Комитет конституционного надзора СССР признал несоответствующей Конституции СССР практику применения неопубликованных нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан. К числу таких актов относятся и всевозможные инструкции по допуску к секретам, выезду за границу, проведению негласных мероприятий. С 1 марта 1991 года они должны были потерять юридическую силу. Но шевельнули ли наши могущественные ведомства хоть одним пальцем для введения своей деятельности в конституционные рамки? Опубликовали хоть что-то? Конечно, нет. И не потому, что в подлежащих опубликованию документах содержатся сведения стратегического характера. А потому, что «государственной тайной» является механизм деления людей по сортам, исключения для но-

менклатуры и негласно санкционируемый произвол по отношению к остальным советским гражданам. Или обратите внимание, как давят на общественное сознание, чтобы быстрее принять закон о КГБ. Просто трагическая забота о гражданских правах! Почему? Да потому, что нашему неизбалованному осведомленностью о спецслужбах обществу уже сам факт гласного документа вроде подарка. На то и расчет. А фактически этот закон сохраняет структуру с прежними функциями, легализует творимый ими произвол. Для этого достаточно сравнить закон 1991 года с сов. секретным положением 1959 года.

Концепция охраны правопорядка в нашей стране нацелена на репрессию. Особенно это заметно в хозяйственных вопросах. Страны с рыночной экономикой первостепенное значение придают юридическому обеспечению коммерческой деятельности. Советские же юристы в основном сосредоточены в карательной системе и занимаются выявлением правонарушителей. Именно такое понимание защиты экономики продемонстрировали компетентные органы в нашумевших и раздуваемых делах АНТа или «о 140 миллиардах». Очевидно, определение новой роли правоохранительных органов в системе рыночной экономики — важнейший вопрос перестройки системы безопасности. Но у меня складывается впечатление, что «врачевателям общества» нужен не хирургический скальпель для лечения болезней, а топор против неугодных. Все последние указы свидетельствуют об уповании на насилие, государственное принуждение, уголовную репрессию.

Теперь об оборонном элементе системы безопасности. Милитаризация привела к формированию в стране наряду с могущественным военно-промышленным комплексом комплекса военно-академического и военно-идеологического. И если первые два комплекса конверсируем, то последний при возвращении страны к нормальной жизни обречен и уже этим опасен. Но его опасность еще и в выпускаемой продукции — мифах и самоубийственных доктринах, иррационализации общественного сознания. Благодаря подобным доктринам страна оказалась втянутой в афганскую и другие авантюры, а наши жизненные интересы — связанными с самыми непопулярными диктаторскими режимами во всех регионах мира. Заклинаниями именно

этих «попов марксистского прихода» создавался в нашей стране авторитет С. Хусейна как верного друга СССР «и защитника арабов». Даже в момент всеобщего возмущения всего мира действиями этого вскормленного с нашей помощью кровожадного маньяка верная защитница наших трудящихся «Советская Россия» не могла скрыть к нему своих симпатий. А заодно и огорчений в связи с поражением этого «арабского Сталина». Чуть наметилась трещина в советско-американских отношениях, и военно-идеологический комплекс уже ищет способы посорить нас со странами Запада. Потому, что, только отгородившись от мира, можно убеждать угнетенный народ в его счастливой жизни, списывать милитаризацию общества на «внешнюю угрозу», а экономические провалы — на «подрывную деятельность противника».

Именно эти идеологи тоталитаризма постоянно рисуют нам зловещие планы империализма, не давая возможности советским гражданам знакомиться с доктринами, концепциями и стратегиями национальной безопасности других стран. Потому что из этих документов одурачиваемым советским гражданам стало бы ясно, что основой долговременной мощи США провозглашается вовсе не захват СССР, а экономическое благосостояние собственного народа. Потому что если потребности национальной безопасности демократических государств превышают их возможности, то эти потребности ограничиваются. А проблемы национальной безопасности решаются политическими средствами. Потому что ни один здравомыслящий человек не делает замок дороже охраняемых ценностей. Разумная, соответствующая национальным интересам политика безопасности основывается не только и не столько на внешнем балансе сил, Безопасность страны достигается рациональным внутренним соотношением военной и экономической мощи страны. Только самосохраняющийся со своим оборонным достатком тоталитаризм превращает экономику страны в постоянный худеющий остаток. Но люди уже начинают, кажется, это понимать. И не пугаться зычных окриков при попытках разобраться в проблемах нашей безопасности...

Записал Сергей МЕЛЬНИК

СВОБОДЫ, ПРАВА И ГРАНИЦЫ

Занятое это дело — сегодня, после шести лет гласности и перестройки, посмотреть на отечественные достижения по части юридического оформления политических прав и свобод и их реализации. Конституционная свобода слова расцвела пышным цветом. Пересмотрена антидисконтентная статья 70 (по УК РСФСР), «каравшая» политическое инакомыслие. Закон о печати запретил цензуру, открыл рынок для массы изданий. В стране половодье митингов, собраний, манифестаций, демонстраций.

Прогресс — по сравнению с временами, что именуются застойными, — поражает воображение. И все-таки ощущение конституционной неполноценности державы нашей не покидает. Оно тем сильнее, когда обращаясь к опыту той страны, изучение конституционного права которой составляет мою специальность. Речь идет о США.

Свободы слова, печати, собраний — это те классические свободы, что в цивилизованном мире считаются естественными, неотъемлемо принадлежащими человеку. В США эти наипервейшие политические свободы закреплены в первой же статье Билля о правах, действующего с 1791 года. Причем авторы этого краткого (всего десять статей), но монументального документа не даровали свободы гражданам, записав, что, например, «государство гарантирует гражданам свободу слова», а запретили самому государству посягать на них как на естественно принадлежащие человеку. Конституционные предписания поэтому категоричны: **«Конгресс не должен издавать ни одного закона»**, который ограничил бы свободу слова, печати, собраний.

А что же у нас с изданием законов по поводу свобод, щедро декларируемых Конституцией? — задаю себе вопрос, наблюдая конституционно-правовое развитие нашей страны.

и можно ли в США...

... привлечь человека к уголовной

ответственности, скажем, за оскорбление чести и достоинства Президента?

Лидер «Демократического союза» Валерия Новодворская была отдана под суд за публичное оскорбление чести и достоинства Президента СССР и за надругательство над Государственным флагом СССР (в знак политического протеста Новодворская подожгла флаг свечой). Московский городской суд не нашел в действиях подсудимой состава преступления по первому обвинению (в оскорблении чести Президента), поскольку в ее высказываниях отсутствовали *нецензурные выражения*. Однако в надругательстве над государственным флагом Новодворская была признана виновной и осуждена.

Итак, с одной стороны — конституционно декларируемая свобода выражения мнений, критики государства и его должностных лиц, с другой — ограничения свободы слова если это слово звучит в адрес Президента. Советский верховный законодатель не видит ничего зазорного, с точки зрения Конституции, в создании вокруг Президента некой «особой зоны», в которой выражающий мнение обязывается (под страхом уголовного наказания) придержать язык и... не выражаться. А что же в США?

А в США тоже юридически «особая зона» вокруг государства, правительства и его должностных лиц. Только по природе своей прямо противоположная той, что в нашей державе, — для критики правительства и любых его деятелей, выражения политического протеста по поводу политики государства, акций должностных лиц американец вправе не выбирать выражения и использовать такие, которые мы называем нецензурными (поскольку в США цензуры нет, то подобные выражения там называются «непристойными», «оскорбительными», «агрессивными», «грязными»).

Сие юридическое правило было установлено Верховным судом США в 1971 году по иску Козна к штату Калифорния. Пол Козн, антивоенный активист, был осужден за публичное

ношение куртки с надписью **FUCK THE DRAFT** (по советским меркам, первое слово в надписи — нецензурное, и автор не отваживается воспроизвести на страницах журнала его русский перевод). «Оскорбительным» словом молодой человек выразил свое отношение к набору в армию на вьетнамскую войну. Общественный порядок он не нарушал, надпись на куртке также не провоцировала беспорядки, и, как указал Верховный суд, действие, к которому призывала надпись, никак не могло быть осуществлено...

Толкуя понятие свободы слова в порядке конституционного надзора, Верховный суд постановил, что, выражая свое отношение к политике государства и его должностных лиц, гражданин Соединенных Штатов Америки может высказываться как угодно оскорбительно.

И что же, спрашивал я знакомых американских юристов, встанет человек против Белого дома и может безбоязненно костерить Президента за его политику любым грязным словом? И полиции или ФБР рядом не окажется «для пресечения»?

Да, ответили мне, может, безбоязненно, любым грязным словом. Только ведь дурной вкус это, грязно ругаться, да еще на людях, а так, с точки зрения конституционного права, нормально. Насчет полиции... ФБР там точно не будет — у них заботы поважнее, чем дурным вкусом заниматься, а вот полиция наверняка придет. Чтобы оградить этого малого от тех почитающих Президента, но несдержанных граждан, которым вдруг «невзначай» захотелось бы намять бока сквернослову. Но только чтобы оградить, а не «пресекать».

Разрешая гражданам на вполне конституционной основе публично бранить государство и государственных деятелей, Верховный суд, хранитель устоев конституционализма, выделяет как особую ценность для человека и общества полную свободу слова именно по политическим вопросам. В этой сфере человек не должен бояться выразить свое мнение свободно, даже если оно облакается в непристойные словеса. Ну а похабщина в общественном месте, обращенная не на государство, а на других граждан, конечно, наказуема.

В.А.ВЛАСИХИН,
кандидат юридических наук

Рязань — Выкса

РУПОР БУДЕТ БОЛЬШЕ...

Ультраправое издание «Что делать» — рупор Объединенного фронта трудящихся словно родилось заново. Еще недавно эта всесоюзная газета печаталась на ксероксе, а теперь — поди ж ты! — перешла сразу на офсет. Солидный тираж — 12 тысяч экземпляров — печатается отныне в Рязанской областной типографии, которая является собственностью «ума и чести» нашей эпохи.

Тут, правда, накладочка вышла: «Что делать» поносит не только «ре-негата» Ельцина, но и «ведущего антинародную политику» Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева.

«Плюрализм»? Да нет, эта зараза хозяевам типографии не страшна. Независимую газету «Рязанский вестник», зарегистрированную еще в прошлом году, они по-прежнему отказываются печатать. «Вестник», как ленинская «Искра», вынужден издаваться «там» — на базе прибалтийской газеты «Содействие».

Андрей КУЗНЕЦОВ

«... ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ТОЖЕ»

Свершилось! В городе Выксе Нижегородской области появилась первая частная коммунистическая газета под названием «Совесть». Учредителем ее стала инициативная группа коммунистов, стоящих на марксистской платформе. Ими был отвергнут предварительный вариант названия газеты — «Партиец».

«Совесть» официально зарегистрирована в горисполкоме. Теперь это необходимо: новое издание планирует наращивать тираж и в ближайшее время перешагнуть за «критическую» отметку — 1000 экземпляров.

Газета издается за счет спонсоров. Кто они? Редактор «Совести» А.Федин заявил: это коммерческая тайна.

А.С.

Керчь

ГОРОД-ГЕРОЙ НЕ СДАЕТСЯ НА МИЛОСТЬ БАНДИТАМ!

Верховный Совет Украины начал недавно перестройку. Не волнуйтесь — на этот раз лишь системы лечебно-трудовых профилакториев. Опустел керченский ЛТП. Что с ним делать? Под жилье, детсад, театр — не годится. В добротном здании можно разместить заведение, близкое по профилю почившему ЛТП. Например, воспитательно-трудовую колонию для несовершеннолетних.

Детской ВТК в Крыму до сих пор нет, и малолетних разбойников (а их с каждым годом становится все больше) отправляют после суда куда подальше: в Самбор, в Ковель, в Дубну. В том, что это ненормально, убеждены сегодня и в облисполкоме, и в УВД области: рвутся и без того непорочные родственные узы, «воспитание» вдали от дома сводится на нет. А в здании керченского ЛТП места хватило бы всем. Но...

«Это не наши проблемы, везите их хоть в Сибирь, но в Керчи колонии не бывать», — решили депутаты, забыв, что каждый десятый несовершеннолетний преступник в Крыму — керчанин. На предложение МВД СССР о ВТК в Керчи председатель горисполкома Д.Мартынюк и первый секретарь горкома КПСС А.Сафронцев ответили пространным письмом: керченские власти, оказывается, более

всего озабочены тем, что ВТК станет «руководящим и направляющим центром», откуда будет координироваться городские погромы, разбои и грабежи. Не бывать городу-герою штаб-квартирой крымской мафии! Как говорится, все это было бы смешно...

Виктор ОЛЕНЧУК

Петрозаводск

ОПЯТЬ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ — ФИНСКИЕ ВОЙСКА

В июне нынешнего года в Петрозаводск прибудет вторая группа финских ветеранов второй мировой войны, чтобы встретиться с бывшими воинами Советской Армии — ветеранами Карельского фронта. Первая такая встреча уже состоялась в прошлом году. Ее инициаторы — сотрудник фирмы «Карелия-Матка» Рейно Матикайнен (от них) и заместитель главного технолога объединения «Онежский тракторный завод» Эрланд Кемпинен (от нас). Благодаря усилиям этих людей солдаты, стрелявшие друг в друга пятьдесят лет назад, встретились как друзья.

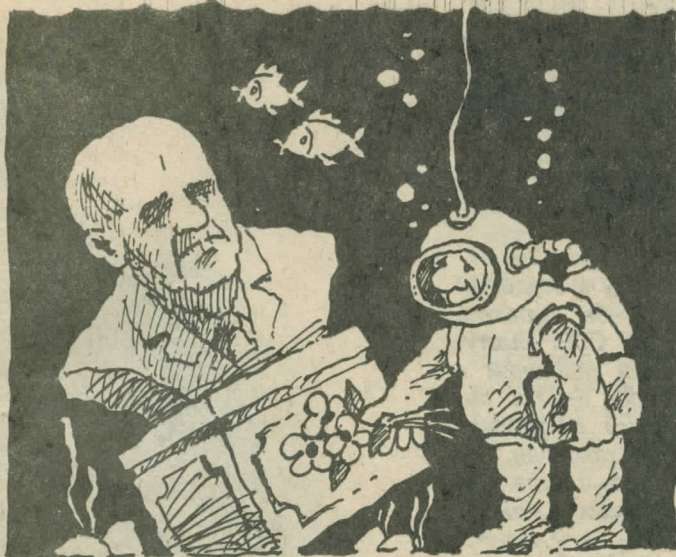
Ветераны устроили тогда даже развеселый пикник на одном из бывших военных плацдармов, у заросшего окопа. Благодаря финской закуске и русской водке взаимопонимание было полным.

Ольга СИДЛОВСКАЯ

Рисунок В.Иванова

Липецк СОВСЕМ ОБНАГЛЕЛИ!

В предыдущем выпуске «Осколков» мы сообщили о том, что в Ярославле неизвестными бандитами была угнана служебная машина, на которой ездил редактор областной партийной газеты «Северный рабочий».

Похожее сообщение получено из Липецка. Тоже «Волга», тоже с номерами, которые ни с какими другими спутать невозможно, тоже чрезвычайное нахальство преступников и их полное наплевательство на «сильных мира сего». Различия: во-первых, липецкий автомобиль принадлежал не редактору газеты, а «целому» заместителю председателя облисполкома (ничего святого не осталось!). Во-вторых, нападение совершено не вечером, а среди бела дня (!). В-третьих, бандиты угрожали водителю служебного автотранспорта не ножом, а обрезам. В-четвертых, несчастного водителя, оказавшегося крайним, не избивали до полусмерти, как в Ярославле, а «всего лишь» оставили связанным посреди леса. Наконец, в-пятых, Липецкий облисполком надеется все же на возвращение красавицы-«Волги» (благо Управление внутренних дел — в его подчинении), в то время как ярославцы надежду потеряли. Тем не менее ни тот ни другой автомобиль не найден. Кто на очереди?

Николай КРИЧЕВСКИЙ

Воронеж — Красноярск

ПАМЯТНИКИ ОСКВЕРНЯЮТ...

Хулиганы действовали грубо. Молотком разбили каменную чашу на памятнике «жертвам белого террора», установленном неподалеку от зданий УВД, КГБ и горисполкома. Оставили следы у подножия, отпечатки пальцев на самом памятнике (когда лезли вверх, цеплялись, естественно, руками), словно специально провоцируя скандал. Но — тишина. Воронежские геростраты до сих пор не найдены. Наверное, не хватает улик. Например, бумажки с адресом и фамилиями хулиганов, заботливо прикрепленной к подножию.

Руслан БАРАНОВ

...И ДЕМОНТИРУЮТ

Этого события давно ждали в городе на Енисее. Местная общественность всячески пыталась приблизить миг прощания центральной площади с бюстом дважды героя Константина Устиновича Черненко. Несколько раз «генсека на час» обливали краской. Каждый раз после реставрации он возвращался на место. Наконец, местные власти решились... Многострадальный бюст, говорят, хранится теперь в запасниках краеведческого

музея. Злые языки предлагают установить бюст где положено — то есть на родине героя. А поскольку родное село Константина Устиновича находится сейчас на дне водохранилища, памятник в этом случае будет застрахован от «актов вандализма». Выбрать место поглубже — и концы в воду.

Николай СОЧИНСКИЙ

Ярославль

КТО КОГО ЗАСУДИТ?

В течение нескольких месяцев Ярославль будоражат страсти вокруг так называемого «дела Митина»: местный Народный фронт то и дело проводит митинги в защиту этого человека, а работники прокуратуры то и дело выступают с опровержениями его высказываний.

Виктор Митин, бывший следователь РОВД, а ныне — председатель юридического кооператива «Правовед» и активист ярославского Народного фронта, обвинен в хищении общественного имущества в особо крупном размере, в неоднократном вымогательстве кооперативного имущества и должностном подлоге. В Ярославском областном суде оглашен приговор по этому делу. Митин осужден на шесть лет лишения свободы с конфискацией имущества и отбыванием срока в ВТК усиленного режима.

Однако Митин утверждает, что дело против него было сфабриковано в ответ на его разоблачения относительно деятельности руководителей прокуратуры и УВД. По его словам, за «длинный» язык он был уволен из правоохранительных органов и нынешнее «дело» — не первое, организованное прокуратурой. Все предъявленные ему обвинения Митин объявил вымыслом. Он берется документально доказать факт фабрикации «дела».

Похоже, приговором суда завершился лишь первый этап этого скандального процесса: экс-следователь подал протест в Верховный суд РСФСР.

Юрий ДАВЫДОЧКИН

Осколки собирал Кирилл РЫБАК
Наш телефон 921-52-78

Виктор КАРЮКИН

АЛМА-АТИНСКИЙ СИНДРОМ

«Декабристы». Так зовут в Казахстане тех, кто в 1986 году в студеный месяц декабрь вышел на площади и улицы столицы, чтобы выразить свое недовольство решением пленума ЦК КП Казахской ССР. Выступление алмаатинцев послужило толчком для подобных волнений в других городах республики. Очаги напряженности удалось быстро локализовать, только прибегнув к помощи подразделений внутренних войск, армии, милиции и дружинников. Порядок был восстановлен. Решение, против которого выступили тысячи людей, осталось в силе. Самих участников событий начали обвинять во всех мыслимых и немыслимых грехах.

Вокруг декабрьских событий 86-го года в Алма-Ате до сих пор чувствуется некий информационный вакуум. Попытаемся его заполнить хотя бы по прошествии времени.

Мухтар ШАХАНОВ, член Верховного Совета СССР, поэт:

«Логика очень проста. Если объяснить, что на площади были одни хулиганы, алкоголики и наркоманы, значит, против них можно использовать любую силу. Можно стянуть в Алматы войска и применить против демонстрантов саперные лопатки. Можно устроить массовое избиение и дать указание тысячам дружинников вооружиться арматурой, железными прутьями. Можно наштамповать сколько угодно уголовных дел».

Уже тогда, в 1986-м, на заре «строительства правового государства», впервые после провозглашенного в стране курса на перестройку, партийная номенклатура испробовала свою силу, объединившись с армией, КГБ и МВД. Чтобы данный союз был более прочным, его обильно окропили кровью мирных граждан.

Демократы спокойно проглотили горькую пилюлю в обертке казахского национального экстремизма. Вполне вероятно, они сознательно не обратили внимания на события в Алма-Ате, надеясь встать на ноги, окрепнуть и уж после сквитаться. Увы, за Алма-Атой последовали Тбилиси, Баку, Ош, Прибалтика.

В декабрьских событиях решающую роль сыграл пленум ЦК КП Казахстана, на котором Д.А. Кунаева освободили от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии республики в связи с уходом на пенсию. На вакан-

тный пост Москва рекомендовала своего человека, не связанного с казахским народом ни культурой, ни традициями.

А.Г.СТАТЕНИН, бывший управляющий делами ЦК КП Казахстана:

«О том, что Д.Кунаев собирается на пенсию, было известно давно. Перед пленумом узнали, что центр посылает к нам Г.В.Колбина. Кто такой? Подняли справочники. Познакомились».

Не соглашаться с решением Москвы не имело смысла. Поэтому никаких эксцессов на пленуме не произошло. Голосовали за Колбина единогласно».

Никто не мог предположить о последствиях решения, принятого в заоблачных высях партийного аппарата. Казахстан всегда рассматривали как удобный трамплин для прыжка на следующую ступень политической карьеры. Из двадцати двух первых секретарей компартии республики за все годы ее существования только четыре были казахами.

С мнением местного населения никогда не считались. Более того — его просто не замечали.

...О решении пленума ЦК КП Казахстана передали по республиканскому радио 16 декабря в 15.00. И уже вечером в управление внутренних дел города и КГБ республики поступили сведения о недовольстве среди коренного населения.

Примерно в восемь утра следующего дня первые группы молодежи собрались на площади имени Бреж-

Фото А.Утробина

нева перед зданием ЦК Компартии Казахстана. Демонстранты не выступали против того, чтобы к руководству республикой пришел человек русской национальности. Они требовали избрать руководителя, хорошо знающего Казахстан и его проблемы.

Демонстранты требовали, чтобы к ним вышел Кунаев и объяснил, что произошло.

Кстати, очевидцы утверждают, что Динмухамед Ахмедович Кунаев был тем единственным человеком, который мог каким-то образом повлиять на ситуацию, успокоив людей. По словам самого Кунаева, он находился некоторое время в приемной Колбина в надежде, что ему разрешат выступить перед молодежью. Однако его отослали, сказав, что разберутся сами.

Еще все можно было исправить, но власти и не собирались искать мирных политических выходов из создавшейся ситуации. О том, чтобы признать свою ошибку, не было и речи.

Когда тогдашний член Политбюро М.С.Соломенцев прилетел в Алма-Ату, он так и заявил: «Что же, прикажете собирать новый пленум?» Члены Бюро ЦК КП Казахстана пожалы плечами и промолчали.

К половине десятого утра 17 декабря информацию передали в МВД СССР и дежурную часть КГБ СССР. К центру города подтянулись подразделения МВД. По алма-атинскому гарнизону объявили боеготовность номер один. Перекрыли железнодорожные вокзалы и аэропорты.

Только страхом за собственную политическую карьеру можно объяснить столь неадекватные меры. Дальше — больше. К вечеру на площади появились пожарные машины, бронетранспортеры, военная техника. Обстановка продолжала накаляться. Начались стычки.

Комиссия Президиума Верховного Совета Казахской ССР по декабрьским событиям 1986 года располагает сведениями, что бывший министр внутренних дел СССР А.В.Власов принял решение о переброске в Алма-Ату спецподразделений внутренних войск из других районов страны по согласованию с Политбюро.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОМИССИИ:

«На площадь прибыли воинские части. Экипировка — бронезилеты, каски, щиты, дубинки. В двух спецмашинах находились спецсредства — дымовые шашки, сигнальные ракеты, слезоточивый газ «Черемуха», боевые патроны. Воинской части было

придано отделение служебно-розыскных собак.

В 17.00 на площадь прибыл личный состав АВКПУ КГБ СССР в количестве 600 человек, экипированный малыми саперными лопатками (позже, как известно, именно так вооружили солдат в Тбилиси). Приказ на выдвижение курсантов-пограничников отдан председателем КГБ СССР Чебриковым по просьбе председателя КГБ Каз.ССР Мирошника.

Установлено, что до 17.00 17 декабря в Алма-Ате проходила мирная политическая демонстрация. Руководство республики, недовольное нежелательным развитием событий, противопоставило демонстрантам силу. Реакцию населения нетрудно было предугадать. Молодежь начала прорываться на площадь. Волнения перекинулись на весь город.

«В 22.00 для разгона людей пустили две колонны пожарных машин. Толпа забросала их камнями. 17 машин повреждено, две подожжено. 30 пожарников получили ранения.

В 23.30 — 00.30 проведена операция по разгону демонстрантов с применением малых саперных лопаток, дубинок и служебных собак».

К.ХАЛМУРАТОВ, участник событий:

«На площади пообещали, что, если разойдемся, никто трогать нас не станет. Поверили. Я отправился домой и по дороге встретил девушек, которые попросили проводить их. Мы шутили, ни о чем плохом не думали.

Впереди также шли люди. Мы не успели далеко отойти от площади. На повороте дорогу нам перегородили два автобуса, полные дружинников и курсантов, в основном русской национальности. Они выскочили, налетели на толпу и начали всех подряд избивать.

Мы с девушками побежали. Одна из них упала в железобетонный арык, у нее пошла кровь. Я хотел подобрать упавшую, но подоспевшие курсанты принялись нас бить. Тогда я прикрыв собой девушку. Так нас вместе и подняли. Забросили в подъехавшие «Жигули».

У автобуса автомобиль остановился, и мне приказали выйти. Нет, отвечаю, пока девушку домой не отвезете, я ее не оставлю. Естественно, из машины меня выкинули и избili до потери сознания.

Слух о варварском разгоне очень быстро переполошил весь город. Никто толком ничего не знал, но к площади стали пробиваться студен-

ты, вооружаясь по дороге палками, камнями, прутьями.

18 декабря в половине второго ночи состоялся партийно-хозяйственный актив города и области. Присутствовавшим объявили, что Михаил Горбачев информирован о событиях в Алма-Ате и очень озабочен. Озабочены были и сами республиканские партийные руководители. Ситуация становилась неуправляемой. После продолжительных дебатов предложили вывести на улицы рабочих. Идея показалась заманчивой. Ее приняли.

По разным данным, было поднято от десяти до пятнадцати тысяч дружинников, которых вооружали изготовленными на заводах металлическими изделиями, обрезками арматуры, заточками, латунными трубами. Выдавали все это в зданиях райкомов партии. Да и охраняли дружинники в основном партийную собственность.

По сути тогдашнее руководство республики, а также КГБ и МВД спровоцировали межнациональные столкновения в городе, подобрав дружинников русской национальности.
М.Д.КАЛМАТАЕВ, бывший начальник политуправления МВД Казахской ССР:

«Когда утром 18 декабря я увидел, как обращаются с задержанными сотрудниками МВД, я был возмущен: задержанные лежали на земле лицом вниз, не поднимая головы. Никого не вели в машины по-человечески. Обязательно волокли за ноги или за волосы, не разбирая — парень это или девушка. Многие из них были избиты, окровавлены.

Я лично доложил, что происходят массовые нарушения законности. При разговоре присутствовал министр внутренних дел Казахстана Князев. Реакция на мой рапорт была крайне негативной, и он был воспринят как проявление национализма».

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОМИССИИ:

«Рапорты, как правило, подписывались не теми работниками милиции, которые доставили задержанных, а дежурными по отделу.

По существу это сводилось к тому, что в заранее отпечатанные бланки вносились фамилия доставленного и его домашний адрес. Основания задержания тоже заранее сформулированы и напечатаны на бланке: «Находясь на площади, оказывали злостное неповиновение распоряжениям руководителей ЦК КП Казахстана, Правительства Казахской ССР, Прокуратуры Казахской ССР и Министра внутренних дел — уйти с

площади и не провоцировать беспорядки».

К.ЖАЛМУРАТОВ:

Факты не подтвердились, но слухи до населения дойти успели. Казахский национальный экстремизм. Миф, внедренный Колбиным и его окружением в сознание русских, позднее был закреплен на уровне ЦК КПСС.

Д.А.КУНАЕВ:

«Нет ничего хуже, когда чьи-то ошибки сваливают на народ. Казахский народ избегает безрезультатных споров и всегда с уважением относился к своим соседям.

Решение о «казахском национализме» ЦК отменило. Правда, сделало это скромно и без должной огласки. Из обращения ко всем жителям Казахстана и страны, подписанного лидерами 17 крупнейших общественных объединений республики:

«16 октября 1990 года в присутствии членов Казахстанского общественного комитета по правам человека, других представителей общественных объединений, а также корреспондентов центральных газет народный депутат СССР М.Шаханов беседовал с двумя бывшими военнослужащими, которые сделали официальное заявление о массовых жертвах при разгоне демонстрантов и сообщили о гибели 168 человек».

Только по официальным данным, число пострадавших в те декабрьские дни перевалило за тысячу. А сколько человек не обратилось за медицинской помощью из опасения быть привлеченными к уголовной ответственности за участие в массовых беспорядках?

Однако не все генералы безропотно и с угодливой поспешностью отдавали приказы на подавление выступления мирных граждан. Так, командующий Среднеазиатским военным округом В.Н.Лобов отказался вводить войска в Алма-Ату и лишь под давлением из центра приказал 18 декабря усилить оцепление здания ЦК курсантами высшего общевоинского командного училища. К чести курсантов и их командиров, в «боевых действиях» участия они не принимали.

Член Политбюро ЦК КПСС М.С.Соломенцев по существу дал установку на ужесточение репрессий: «Когда показали орудия борьбы, с чем они вышли для бесчинства, это вызвало широкий отклик, и люди скоро уловили, поняли, что произошло».

Но оценка должна быть самой строгой, требовательной, и выводы

должны быть, чтобы это было хорошим уроком для всех».

К уголовной и административной ответственности привлекали за что угодно, лишь бы задержанный был казахской национальности. Уголовно-процессуальный кодекс нарушался на каждом шагу, что привело к массовой фабрикации уголовных дел на заведомо невиновных людей.

И в это же время секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана бодро, покомсомольски, отчитывался со страниц «Комсомольской правды», что за участие в событиях 17–18 декабря 1986 года 787 человек были исключены из членов ВЛКСМ, 1138 получили комсомольские взыскания, 271 — отчислен из учебных заведений. Как-то размах!

Сегодня имена главных виновников трагедии известны и даже обнародованы на республиканском уровне. Среди них Г.В.Колбин, бывший первый секретарь ЦК КП Казахстана, ставший председателем Комитета народного контроля СССР и членом Верховного Совета СССР; М.С.Соломенцев, бывший член Политбюро ЦК КПСС; В.М.Чебриков, бывший член Политбюро ЦК КПСС, бывший председатель КГБ СССР; Е.З.Разумов, бывший первый зам. заведующего Отделом оргпартиработы ЦК КПСС; А.В.Власов, бывший министр внутренних дел СССР, ныне зав. отделом ЦК КПСС; В.М.Мирошник, бывший председатель КГБ Казахстана, ныне зам.начальника управления КГБ СССР, и другие.

Из обращения к Верховному Совету Казахской ССР:

«Все организаторы и виновники жестокого подавления выступления молодежи и судебных репрессий по-прежнему занимают свои руководящие посты. Более того, наиболее «отличившихся» из них демонстративно повышают в должности».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

За мужество и самоотверженность, проявленные при подавлении массовых беспорядков, боевым орденом Красной Звезды награжден бывший министр внутренних дел Казахской ССР Г.Н. Князев.

1586 сотрудников МВД Казахстана поощрены почетными грамотами, знаками «За отличную службу», «Отличник милиции», денежными премиями и благодарностями.

Алма-Ата — Москва

ДОЛГИЙ СРОК АПОЛИТИЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

— Сергей Иванович, у вас была мирная профессия — литературовед. И работа интересная — литература русской эмиграции, все-таки, а не местные классики, творцы широкомасштабного образа положительного героя. Одно время вы работали в приличном по тем временам журнале «Юность». Ваши статьи печатали в «Советской Энциклопедии». И вдруг...

— В первый раз я был арестован в 1975 году. Формально был обвинен в распространении антисоветской литературы по статье 190 прим и в обмене картин из своей коллекции на магнитофон, что было квалифицировано как спекуляция в особо крупных размерах. На самом деле я не занимался никакой политической деятельностью в это время, наивно считая, что литература может стоять в стороне от общественной жизни. Я довольно много переписывался с русскими писателями, жившими в Париже, получал оттуда книги — в конце 60-х годов они еще проходили по почте в Советский Союз. Наконец, у меня дед был довольно известным деятелем эмиграции: до войны — ведущим режиссером «Ла Скала», а после войны — оперным режиссером «Гранд-Опера» в Париже. И КГБ очень хотелось меня использовать. Договаривались до того, что, мол, у них в аппарате довольно много армян... После двухлетних уговоров они решили меня испугать. Они были просто уверены, что когда я окажусь перед выбором (тем более,

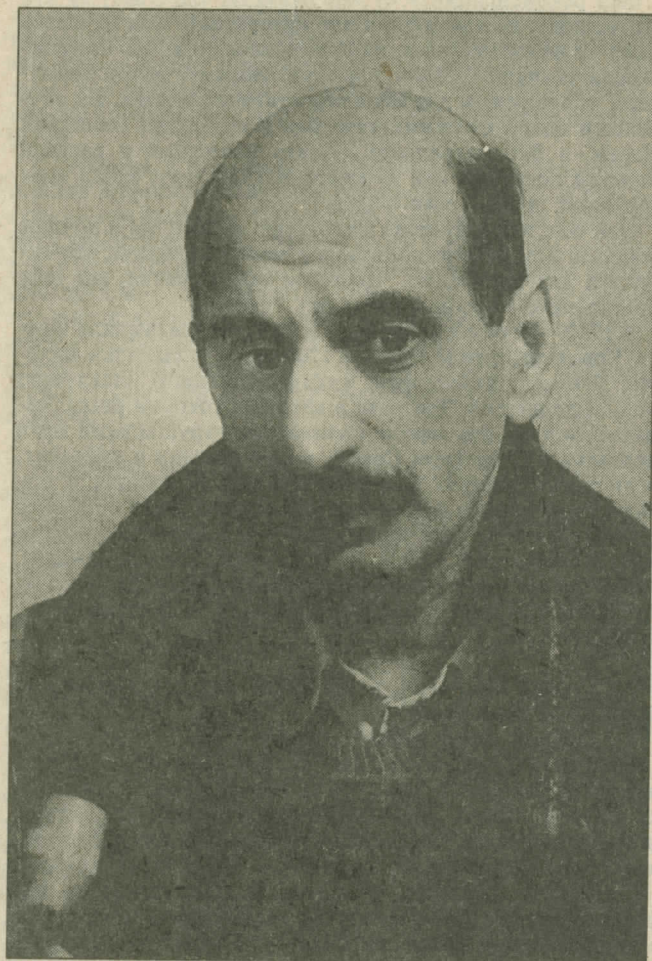

Фото В. Кантора

**Интервью с Сергеем Григорьянцем,
редактором настоящей «Гласности»**

что я был абсолютно аполитичным человеком) — сидеть или с ними сотрудничать, — то тут уж все станет для меня очевидно. И меня довольно долго продолжали уговаривать уже в тюрьме, чтобы я написал статью в «Литературную газету» о том, кто такой Синявский (в это время уехавший), о том, кто такой Виктор Некрасов... Мне даже предлагали дачу в Красногорске (где тогда жил сам Косыгин), сулили какие-то замечательные заработки с помощью Московской филармонии — репризы для праздничных концертов писать... Вероятно, замечательные предложения, но как-то они меня не заинтересовали, и тогда следствие начало попросту фальсифицировать против меня обвинения. В конце концов дали мне пять лет, хотя и продолжали еще ездить в лагерь.

Сначала поместили меня в лагерь под Москвой, чтобы ездить было удобнее. И уже в это время они предлагали мне работать в Третьяковской галерее. И когда я с интересом спросил: «А что, в Третьяковке все работают по ва-

шей рекомендации?» — мне сказали: «Нет-нет, ну что вы, не все... но вам же так это интересно!» Тем не менее я как-то не соблазнился. Дело кончилось тем, что меня перевели сначала в Чистопольскую тюрьму, потом оказалось, что ее режим для меня недостаточно жесток, и я очутился в одной из самых тяжелых и страшных советских тюрем, в Верхнеуральске, — это известный в русской истории политический централ. В 1980 году, когда срок кончился, я был освобожден.

Они мне важную вещь объяснили: может, ты и хочешь остаться в стороне от политики и намерен считать, что она вредна литературе, но, чтобы ты так и считал, мы тебя просто ткнем носом во всю эту грязь.

В 1982—83 годах я уже был, после арестов сначала Ивана Ковалева, потом Алексея Смирнова и высылки Валерия Тольца, редактором информационного бюллетеня «В», выходившего три раза в месяц, в котором рассказывалось о том, что сейчас называется нарушениями прав человека в Советском Союзе, т.е. об арестах и допросах, о тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах и т.д. Жил я в это время в Боровске и арестован был в общем-то случайно, где-то года через три после первого моего «срока». Вначале следователи не понимали, чем я занимался. Но потом все выяснилось, и на этот раз я получил уже семь лет плюс три года ссылки по статье 70 — и снова попал в Чистополь...

— Сергей Иванович, расскажите, как создавался ваш журнал «Гласность»?

— Первый номер вышел в июне 1987-го.

Редакция состояла большей частью из людей, которые издавали бюллетень «В». У всех нас было ощущение, что в новых условиях роль независимой печати возрастает, а не уменьшается. Поскольку в начале 80-х годов мы издавали информационный бюллетень, то первоначально и «Гласность» называли бюллетенем; планировалось выпускать его три раза в месяц. Но очень скоро мы осознали, что необходима более широкая аудитория, более широкий круг авторов и, наконец, освещение проблем не только правозащитных, но и многих других — таких, как экология, положение малых народностей. Выяснилось, что необходимо издание, помещающее не только информационные, но и аналитические материалы, все большее место в «Гласности» стали занимать серьезные исследовательские статьи — с одной стороны, допустим, Селюнина и Стреляного, с другой стороны — Восленского, Геллера... Сформировался тип журнала — ежемесячника объемом 20 издательских листов, то есть 300 с лишним страниц, и при этом абсолютно независимого. Во время так называемого партийного бума он таким — независимым — и остался.

С 1988 года мы серьезно начали заниматься также кино съемкой.

В условиях, когда демократическое движение, как многим казалось, было инспирировано властью (правительством и КГБ), мы не видели возможности сотрудничать, как мы тогда говорили, с «правительственными демократами». И левая часть советского руководства, и правая вызвали у нас недоверие. Однако сейчас, когда руководители прекратили всякие разговоры о демократии, у нас уже нет основания отгораживаться от этих сотен тысяч и миллионов людей. Происходит довольно заметное движение навстречу друг другу. С этим как раз связана и регистрация журнала и вообще сближение с теми демократическими силами, которые участвовали в официально признаваемых структурах, а сейчас быстро превращаются в

оппозиционные силы. С одной стороны, радио «Интернациональ», с другой стороны — «Эхо Москвы», так мы создаем совместную радиостанцию, так — с «Авторским телевидением» и рядом других официальных и неофициальных групп — обдумываем проект кабельного телевидения. Есть и другие направления работы.

— Не столь давно в Москве появилась газета «Гласность», издаваемая ЦК КПСС. Как вы относитесь к «плагиату»?

— Репутация нашей «Гласности» — вполне определенная, на ней пытаются спекулировать, к ней пробуют призываться.

Популярность нашего журнала в США хотели использовать, создав довольно гнусную газетку «Гласность», первоначально выходившую раз в три месяца, а потом и вовсе захиревшую. То же самое произошло в Англии, еще где-то.

Наконец, этот пиратский прием повторил ЦК КПСС, учредив свою «Гласность» — уже в Москве, столице СССР. Здесь столько же цинизма, сколько и элементарного бандинизма.

В Польше замминистра культуры с негодованием мне сказала: «Я заплатила большие деньги за подписку, а мне подсовывают какую-то гадость вместо вашего журнала». Из Таганрога недавно я получил письмо, в котором человек требует, чтобы ему переоформили подписку, потому что он хотел получать журнал «Гласность» Григорьянца — а получает нечто противоположное...

На мой взгляд, газета ЦК обречена и погибнет сама по себе, хотя мы, в чисто педагогических целях, подаем на ЦК КПСС в суд в согласии с Законом 1928 года о фирмах, — и это, кстати говоря, является одной из причин, побудивших нас зарегистрировать журнал. Закон этот предусматривает наказание за кражу фирменных знаков и названий, выплату компенсации за причиненный материальный и моральный ущерб. Для нас является вполне серьезным моральным ущербом то, что кто-то может представить, будто это мы занимаемся таким безобразием, каким занимается газета ЦК КПСС. Само сопоставление с ней — оскорбление.

— Ваша деятельность во времена так называемой перестройки вызывала неоднократное раздражение советских властей.

— За годы перестройки меня арестовывали уже три раза. В начале 1988 года редакцию просто разгромили.

Это довольно любопытная и, кстати говоря, характерная для демократии времен перестройки история. Мы наступили на мозоль тогдашнему премьеру Рыжкову, а в какой-то мере — и всему советскому руководству. Н.И.Рыжков разъезжал тогда по Европе и Скандинавии, уверяя правительственные круги и предпринимателей в том, что буквально через два-три месяца Советский Союз вступит в период полного процветания. Мы опубликовали в «Гласности» две статьи, которые с большим удовольствием перепечатали скандинавские газеты. Одна из статей (моя) была посвящена болезненному вопросу о территориальном споре Норвегии и Советского Союза по поводу шельфа Баренцева моря. Поскольку есть основания полагать, что там залежи нефти, этот вопрос не простой и очень опасный. Если бы Советский Союз, с его дикой технологией, начал разработки на больших глубинах, в чудовищных климатических условиях, наверняка было бы загублено все побережье.

Но гораздо более важной оказалась вторая статья — Василия Селюнина, где, анализируя рыжковские экономи-

ческие планы, автор приходил к выводу, что ни к чему, кроме катастрофы, они привести не могут. И Рыжкова на пресс-конференциях, а может быть, и на каких-то официальных встречах начали довольно часто спрашивать: что же вы уверяете о скорых необыкновенных достижениях Советского Союза, а ваши экономисты и журналисты думают совсем иначе. Как потом мне рассказывали, Рыжков позвонил в Москву Талызину, в то время начальнику Госплана, и потребовал, чтобы статья Селюнина была немедленно опровергнута. Талызин передал это поручение сотрудникам института Госплана. На следующий день они пришли к нему и объяснили, что статью Селюнина научно опровергнуть невозможно.

Тогда было решено опровергнуть ее советскими методами. Как мне передавали, несколько членов Политбюро и секретарей ЦК, обсуждая этот вопрос, пришли к выводу, что Григорьянцу надо объяснить, чтобы вел себя потише. Для этого в Кратово, на дачу, где помещалась в то время редакция, было отправлено 160 милиционеров из Москвы, а кроме них — еще и сотрудники КГБ, прокуратуры, и вообще кого там только не было! И эта несчастная дача была буквально разгромлена. Безо всяких законных оснований, даже без постановления об обыске...

Никакой не было описи имущества, ничего не было! Все было попросту украдено. Это был нормальный советский грабеж, в котором принимал участие прокурор. Украли наши личные вещи, не говоря уже о компьютере, архиве... Четверых сотрудников редакции сразу арестовали, обвинив, кажется, в избиении каких-то старушек. Замечательно, что сообщение ТАСС о нашем аресте появилось до того, как мы были арестованы!..

Но самое страшное было впереди.

Я не берусь утверждать, но, тем не менее, есть существенные подозрения, что разгромом редакции тогда не ограничились. Приблизительно через неделю при странных обстоятельствах утонул человек, который на ксероксе размножал «Гласность».

Я уже говорил, что наш журнал издавался и задается в основном людьми, побывавшими в советских лагерях и тюрьмах. У нас в быту живы некоторые лагерные традиции, и в частности следующая: никому не надо знать того, что его непосредственно не касается. Я, например, даже не знал, кто печатает журнал, несмотря на то, что был его редактором. И вот, человек, печатающий «Гласность», утонул как раз в то время, когда разгромили редакцию. Само по себе это совпадение выглядело бы достаточно подозрительным, но особенно подозрительным оно стало казаться после того, как к его напарнику пришли сотрудники КГБ и велели, чтобы он немедленно убирался с работы, если не хочет очень крупных неприятностей, намекнув на судьбу его товарища... После этого месяца три или четыре в Москве не находилось человека, который согласился бы печатать «Гласность». Люди, работающие на ксероксах, говорили мне и Андрею Шелкову, что Солженицына печатать не опасно, а «Гласность» опасно — и никто не соглашался... И все-таки время смертельного тотального страха в нашей стране ушло!..

— А сейчас вы чувствуете «заботу отеческую»?

— Периодически у меня возникают проблемы с поездками за границу. Около двух лет назад меня первый раз выпустили для получения премии Международной федерации издателей «Золотое перо свободы», и с тех пор я довольно много времени провожу за границей. Выезжать в ряде случаев было не просто: меня высаживали из самолета, заказанные мне билеты из-за ошибки в компьютере

оказывались неоплаченными... Самые разнообразные и невероятные ситуации. Например, в конце марта я получил приглашение, отправленное мне в сентябре. Как правило, все приглашения доходят после того, как оканчиваются конференция или съезд, на которые меня приглашают...

Случаются и куда более неприятные вещи. Минувшей осенью зверски избили двух распространителей «Гласности» — они попали в 1-Градскую больницу. Оба были избиты милиционерами, сначала один, а через день — другой. Один был избит сотрудниками 2-го отделения милиции, другой — офицерами с Петровки. И первый и второй продавали «Гласность», имея на это официально оформленные разрешения, и стояли среди других распространителей независимой прессы, но милиционеры выбрали именно их. В общем, нельзя пожаловаться на невнимательность властей...

— Каковы, на ваш взгляд, перспективы Гласности — в кавычках и без?

— Перспективы нашего журнала — это действительно перспективы демократического движения в стране. С перспективами журнала непосредственно связаны и бронетранспортеры, и ОМОН на улицах, и возможность врваться в любое служебное помещение в полном соответствии с указами президента. В значительной степени мы, к сожалению, возвращаемся к обстановке, в лучшем случае, начала 80-х годов, а в худшем — 30-х, и, соответственно, мы не можем безучастно относиться к тому, что сегодня делают с гласностью в нашей стране, что делают с самой страной. Перспективы, непосредственно относящиеся к работе редакции, заключаются в том, что в ней может произойти смена состава. Один из сотрудников «Гласности» мне недавно сказал, что его родные очень боятся и хотят уехать из страны. Несколько человек, не работающих в журнале, наоборот, звонили и спрашивали: не пришло ли время вернуться или начать работать в «Гласности»?

Они считают, что в такой обстановке (а характер ее сейчас ясен для всех) наш журнал для многих людей является самым естественным местом в общественной жизни. Я повторяю, теперь «Гласность» — это не только журнал, теперь это Фонд, работающий во всех направлениях информации. Пока о результатах этой деятельности судить трудно. Покажет время.

Беседу вел

Юрий

ГОНЧАРОВ

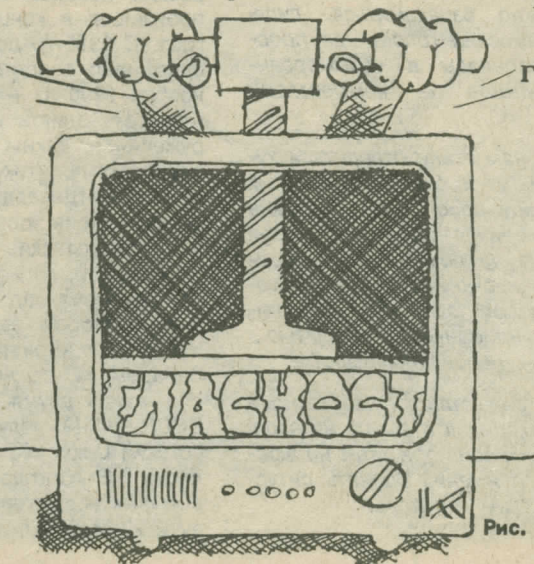

Рис. А.Казачкова

НЕСЧАСТНЫЕ СТРАНЫ ОПАСНЫ

Необходимое оправдание нашего иностранного собеседника, пожелавшего остаться неизвестным.

В официальных средствах массовой информации — снова всплеск антизападных настроений. Всплыли полужабытые «ястребы» из Пентагона, «американская военщина» и «определенные круги Запада».

Из киосков Союзпечати исчезли иностранные газеты и журналы, и теперь с собственно западной точкой зрения можно ознакомиться, лишь слушая «вражеские голоса» да просматривая переводы в «Коммерсантъ». Остальное — комментарии ТАСС.

В мире к нам стали относиться хуже. Почему? Тут-то бы и послушать их самих. Но вот посол США господин Мэтлок осмелился заявить о своей точке зрения на помощь бастующим шахтерам — и был подвергнут жестокой обструкции, освистан коммунистической периодической печатью... Чтоб другим неповадно было?

Военный специалист, работающий в СССР, согласился ответить на наши вопросы, но просил при этом не афишировать его имени. Оценить ситуацию может сам читатель.

— Уважаемый господин, не секрет, что на Западе к нам относятся «теплее» или «холоднее» в зависимости от того, насколько аккуратно мы разоружаемся. Так насколько, на ваш взгляд, стабильна наша политика в этой области?

— Очень нестабильна. Последний резкий поворот в линии Горбачева произошел в конце осени прошлого года. С 1985-го до этого момента он сдерживал сопротивление правых, с ноября 1990-го — опять дал им возможность влиять на процессы разоружения и, таким образом, на вашу внешнюю политику. Все изменилось с уходом Шеварднадзе. Отныне политику снова определяют военные, а не гражданские и не политики.

Например, есть три пункта в вопросах контроля над обычным вооружением, которые заблокировали дальнейшие переговоры между СССР и Западом, и это не просто разногласия между двумя супердержавами — СССР и США: получилось так, что Советский Союз оказался в полной изоляции. В Договоре о сокращении обычных вооружений в Европе участвуют 22 стороны, и 21 участник проти-

востоит одному-единственному — Советскому Союзу, который настаивает на собственной интерпретации текста Договора.

Первый пункт — это переброска военной техники за Урал. «Правда» прокомментировала это так:

«Действительно, на середину 1988 года в Европе находилось 41,5 тысячи танков. Накануне подписания парижских соглашений СССР стал оперировать цифрой 21 тысяча... Где же еще 20 тысяч, спрашивают сегодня на Западе... Неужели там так быстро забыли... об односторонней инициативе СССР по сокращению вооруженных сил, которая была объявлена почти 2,5 года назад? В результате еще до подписания парижских соглашений... было отправлено за Урал для перевооружения и дообеспечения войск 8 тысяч, на базах хранения в Западной Сибири и Средней Азии размещено 8,4 тысячи, а около 4 тысяч танков было пушено на металллом. Если сложить эти цифры, получим искомые 20 тысяч танков».

Однако при этом Генеральный Штаб ВС СССР забывает упомянуть о другой технике — десятках тысяч бронемашин, артиллерии. Всего, по нашим данным, — более чем 60 тысяч единиц крупного вооружения, которые на момент подписания Договора были передислоцированы за Урал и, таким образом, выведены из-под действия Договора, спасены от уничтожения.

Формально это не против буквы Договора. Но это против его духа. И все, что Запад сегодня хочет, — это чтобы Генштаб объяснил, что он намеревается делать с этим оружием там, за Уралом. Нам не безразлично.

Второй пункт, на котором застопорились переговоры, — это информация, данные. Мы на Западе рассчитывали, что инспекции будут подлежать от тысячи до двух тысяч ваших военных объектов. Вы же позволяете посетить лишь половину из тех, что мы ожидали. Что на остальных? На Западе есть вопросы по этому поводу... Ну, это не что-то экстраординарное, такое случается на переговорах, но такая закрытость и секретность сильно затрудняет взаимопонимание.

— В Советском Союзе сейчас насажается представление, что наши военные тоже перестроились и стали открытыми и доступными. Что думают по этому поводу на Западе?

— Факты говорят немного о другом. Такие важные вопросы, как вопросы разоружения, должны обсуждаться

очень, очень широко в обществе. Пока что этого нет.

И, наконец, третий, самый критический пункт. Советская сторона интерпретирует текст Договора таким образом, что под его действие не подпадают определенные виды вооружения, используемые в ВМС и РВСН (ракетных войсках стратегического назначения): бронемашины, танки, артиллерия. Настаивает на исключении слов «техника и вооружение» из текста Договора, потому что это означает также и военно-морские части, и ракетные (на сокращение которых СССР идти не хочет). Но в тексте договора записано, что под его действие подпадают «ВСЕ ОБЫЧНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ» в Европе. «ВСЕ».

Неясность образовалась еще на предварительных переговорах. Тогда в предварительном тексте было записано: «обычные вооружения НАЗЕМНОГО БАЗИРОВАНИЯ».

— **Насколько мне известно, это произошло потому, что Соединенные Штаты, чья боевая мощь в Европе представлена в основном именно вооружением, базирующимся на кораблях, настаивали на этом.**

— Да, конечно. Советский Союз долго сопротивлялся, но в конце концов согласился. И в окончательном варианте стоит именно формулировка «базирующиеся на земле». Сегодня же СССР снова отказывается эту формулировку признавать и переподчиняет три дивизии Сухопутных войск войскам береговой охраны. Таким образом, по советской версии прочтения Договора получается, что эти три дивизии не подлежат сокращению (потому что они — «военно-морские»), а по тексту Договора — что подлежат (потому что эти дивизии все же базируются на земле).

Это тупик. Большинство остальных участников Договора о сокращении обычных вооружений отказались ратифицировать его, пока Советский Союз не признает неправомерность своих притязаний.

— **Запад «пошел на принцип» в этих трех пунктах...**

— Это действительно принцип. Это знак, что наш партнер оперирует другими категориями. А мы должны говорить на одном языке. В Договоре записано: «ВСЕ вооружения». А все — это все.

— Кажется, Уинстон Черчилль назвал советскую политику «дракой бульдогов под ковром». Кто, на ваш взгляд, сегодня с кем дерется?

— Противостояние существует не

на высшем уровне, не на уровне гражданской власти. На парижском «саммите» все были согласны: поляки, немцы, югославы — даже русские! Горбачев был согласен, Шеварднадзе был согласен — не согласен, кажется, только Генштаб. Причем не просто не согласен. Танки за Урал были переброшены осенью. Затем 19 ноября советская сторона в Вене предложила свои данные (по количеству инспектируемых объектов). А потом, в декабре, как было сообщено западной прессой, Генштаб отказался «подсчитать» те три дивизии за войска наземного базирования. А двумя неделями позже — Шеварднадзе ушел. Есть связь?

— **Значит, военные сопротивляются. А мы-то, видя их лица на переговорах, вздыхали облегченно: думали, они согласны...**

— Они не согласны по серьезным психологическим причинам, я их понимаю. Но я не думаю, что они все-таки и организованно сопротивляются. Просто у них другие планы.

Например, Горбачев подписывает договор о разоружении, которое должно произойти в течение двух лет. Все счастливы, все аплодируют. Но военные должны его реализовать! Они должны, выйдя с переговоров, создать планы, разработать технологии и уничтожить это оружие, и сделать это достаточно экономно и безопасно. И очень трудно для них делать это быстро. Ведь тогда многие из них потеряют работу.

Кроме того, очень трудно чисто психологически согласиться с тем, что ваши военные должны уничтожить гораздо больше вооружений, чем другие страны. Но кто больше

всех их создал, должен и больше уничтожить.

Так что основная борьба разворачивается именно из-за сроков. Я так понимаю эту борьбу. Маршал Ахромеев говорит: «Давайте делать это постепенно», академик Арбатов отвечает: «Нет, мы обещали поспешить...»

Военные, возможно, и не могут сейчас пойти на сокращение тех 60 тысяч единиц боевой техники — у них просто нет для этого возможностей, нет денег, нет технологий, нет времени на их разработку. Но вместо того, чтобы сказать на переговорах: «Дайте нам чуть больше времени», они говорят: «Эти вооружения не подлежат сокращению. И вообще их не существует в природе».

— Выходит, Горбачев пообещал Западу слишком много?

— Слишком много и слишком быстро. Оказалось, что сделать все это нереально — по крайней мере, для советских военных. Возьмем для примера химическое оружие. Единственный завод, который — как все надеялись — может уничтожить химическое оружие, сооружался в Чапаевске. Но еще до того, как он был открыт, местное население вышло на демонстрации и вынудило местные советские власти запретить его. Где теперь уничтожать оружие? Будьте уверены, люди везде больше будут заботиться о собственном здоровье, чем об уничтожении чьего-то оружия.

— А как решают эту проблему другие участники соглашений по контролю за вооружениями?

— По-разному. Например, насколько я знаю, единственный в Америке завод по переработке химического оружия находится на атолле Джон-

стон, в Тихом океане, за тысячи миль от ближайшего жилья. А если на территории какого-то штата есть любой военный объект, который может причинить вред природе, то правительство США выплачивает населению большие деньги или же восстанавливает все поврежденное и разрушенное...

— Но что были в таком случае заявления Горбачева, его обещания Западу? Действительно ли он, по вашему мнению, намеревается выполнить то, что обещал на переговорах по разоружению?

— Да. Возьмите декабрь 1987-го, Вашингтон. Горбачев подписал договор об уничтожении ракет среднего радиуса действия. И уже в мае этого года и американцы, и русские уничтожат последнюю такую ракету. Это действительно очень важно и очень показательно. Но вот в июне 1990-го Горбачев подписал Договор об уничтожении химического оружия, где обещал начать его в 1992 году. Но теперь у него нет завода в Чапаевске... А только для того, чтобы построить другой завод (если кто-то и согласится на это), необходимо, как сообщается в вашей прессе, три года и пятьдесят миллионов рублей.

— Но это не политика, это уже экономика...

Это экономика политики. Надо подсчитывать свои ресурсы, свои деньги и свои возможности.

А что вы можете сказать о качестве нашего вооружения, которое было продемонстрировано в иракской войне? Точнее, о последствиях?

Ну, это, как говорят, зависит от водителя. Но вопрос о войне в Заливе действительно очень серьезен. Когда войска союзников — тысячи

танков, вертолетов, десятки дивизий — вошли в Саудовскую Аравию, так близко к вашим границам, Генштабу ВС СССР это не могло понравиться. И, кто знает, может быть, именно тогда у ваших военных возникли идеи по поводу тех самых трех пунктов преткновения. Ведь Варшавского Договора больше не существует, и вашим военным кажется, что они окружены «потенциальным противником».

Но это не так. «Потенциальные противники» остались в прошлом. Теперь вы окружены, так сказать, потенциальными друзьями. Вам нужна наша экономическая помощь, и мы хотим вам помогать... Это выгодно для всех.

— Есть прямо противоположная версия: Запад как раз и не хочет нам помогать, потому что мы — противник...

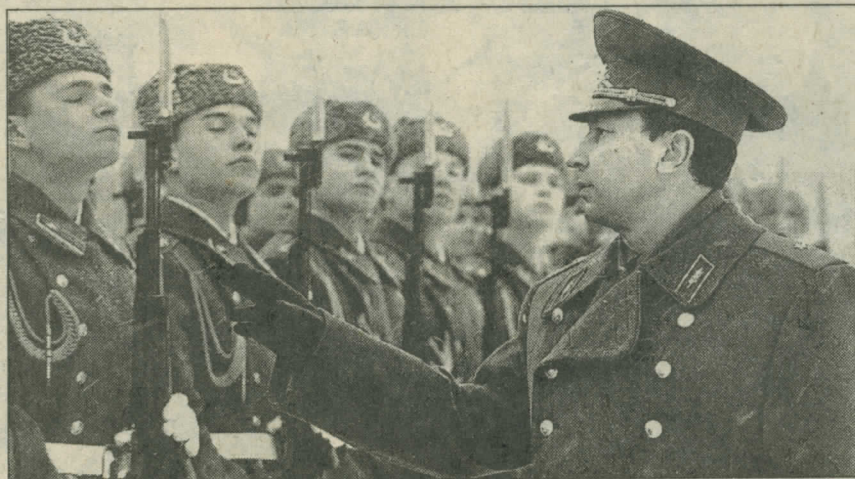
— Нет. Мы хотим вам помогать, и мы будем вам помогать, потому что богатый, здоровый, счастливый Советский Союз — это лучший сосед. Несчастные страны опасны. Вам нужны лекарства, вам иногда нужны даже продукты...

— И, кстати, нам нужна помощь в уничтожении нашего оружия. Начальник управления химических войск МО СССР генерал-майор Евстафьев недавно через прессу объяснил, почему военные тянут с уничтожением химического оружия. Оказывается, у Министерства обороны нет ни технологий, ни денег, ни желания это делать, о чем открыто и заявил генерал.

— Может быть, наибольшую помощь мы могли бы оказать вам именно в уничтожении оружия. Генерал-майор Евстафьев пишет в своей статье, что только для создания безопасной технологии уничтожения люизита (одного из основных отравляющих веществ, находящихся на вооружении в Советской Армии. — Е.К.) Министерству обороны потребуется несколько лет. А у нас уже есть такие технологии!

Что странно: всем это выгодно. Вам выгодно, нам выгодно. Военным выгодно тоже, пусть в другие сроки — о сроках можно договориться. Но все снова упирается в эти три пункта. Без ратификации Договора о сокращении обычных вооружений встали другие переговоры. Они встали, как затвор на лесосплаве. Одно бревно упирается в дно, и весь плот встает поперек реки...

Беседовал Евгений КУЛАКОВ

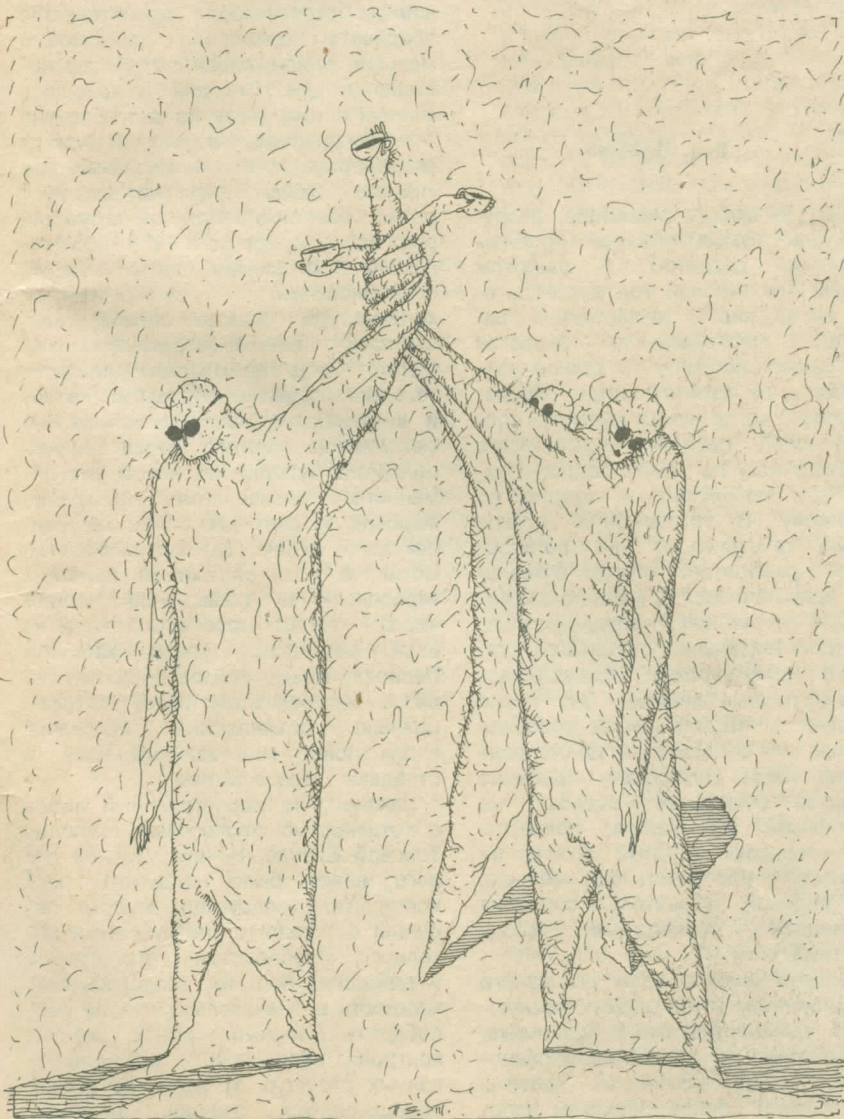

Михаил ГЛОБАЧЕВ

МЫ, ОНИ И ВОДКА

Шесть лет назад на наших улицах вдруг стало меньше пьяных. Сегодня на них появляется все больше солдат и военной техники. Есть ли связь? И в чем она?

Рассуждения о том, что общественный кризис вызван запаздыванием экономической реформы, а та пробуковывала из-за слома старых, хотя бы как-то работавших хозяйственных механизмов при отсутствии должной замены, постепенно стали общим местом. Так же незаметно они сошли на нет, когда окончательно стало ясно, что высшая власть не очень-то и стремилась к такой замене. Но среди этих рассуждений затерялось одно простейшее соображение: что именно положило начало невиданному за последние сорок лет разорению потребительских корзин во всей стране?

На подходах к этой теме либеральная публицистика в подходящий момент отметилась дружно и страстно, потом сочла ее исчерпанной и умолкла, ухитрившись не сказать главного. Речь идет о первом законодательном акте перестройки: постановлениях и указе о борьбе с алкоголизмом.

Сейчас мало кто помнит и вряд ли кому вспоминать охота эти тексты — шедевр бюрократического «жизнеустройства». (Предусматривалось, например, расширенное производство не только «альтернативных» напитков, но и атрибутов художественной самодеятельности.) Народная молва уверенно приписала инициативу трезвенничества главному вождю. Однако устные свидетельства ответственных работников и некоторые публикации утверждают иное: вдохновлял кампанию Егор Лигачев. Горбачев был, судя по всему, лишь сдержанным сторонником новых мер. Упоминания о них во всех его программных речах довольно скупы и лишены того энтузиазма, с каким лидеры КПСС привыкли распространяться о любимых идеологических детищах. Необходимость же разъяснять политику трезвости в прямом общении перед телекамерами как будто тяготила его, а порой и заметно раздражала. Предполагаемая диспозиция косвенно подтвердилась на XIX партконференции, когда Лигачев в пылу полемики с Борисом Ельциным неожиданно для всех — и к явному неудовольствию Горбачева — помянул свои особые заслуги в выдвижении генсека.

Следовательно, поддержка провальной идеи была вынужденной тактической уступкой ценному союзнику в борьбе за власть? «Хотя надобность в этом отсутствовала, ибо другой кандидатуры на этот пост (генерального секретаря. —М.Г.) не

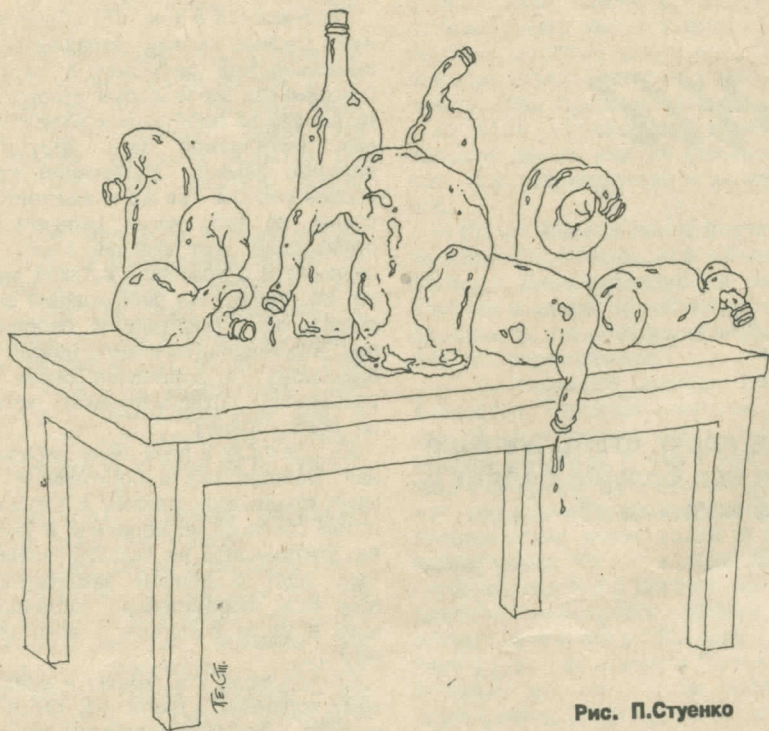

Рис. П. Стенько

было», — как утверждает Виктор Гришин... несколькими строчками выше признав, что существовал «сговор Лигачева и других о выдвигении» («Собеседник», 1991, № 14). Все же вряд ли планы «отрезвления страны» обсуждались в деталях как первоочередная мера до утверждения Горбачева на посту. Скорее проект документа был высочайше одобрен в первые недели новой власти. Уместней говорить о своего рода *пожаловании* — подарке феодального сюзерена вовремя услужившему вассалу.

Шубейка с царского плеча обошлась, без преувеличения, в полцарства. Там, где необходим был путь эволюции — отказ от «экономных» винодельческих технологий, вытеснение сверхприбыльных суррогатов ценными продуктами, наконец, взвешенная пропаганда (если говорить о частных усовершенствованиях, в принципе посильных даже «реальному социализму»), — произошла форсированная ломка «до основанья». Почему же мышление, претендовавшее на новизну (если принять, что такие претензии не рождаются в одночасье), столь четко сработало по старым шаблонам?

Крестовый поход против пьянства — результат не только большевистской веры в возможность «идеально» разверстать социально-политичес-

кую акцию любого масштаба, разрубая узлы самых сложных проблем «хорошим» декретом. В широком смысле это типовой ход руководителя, выращенного тоталитарной системой. Неотъемлемое свойство всех таких систем — *тотальное* реагирование на *частный* сигнал. Образно говоря, когда нужно вылечить вросший ноготь, пациенту вместо этого отрубают ногу по самое бедро, а затем, для профилактики, вторую по циклолотку. В тоталитарной стране выражение «палить из пушки по воробьям» приобретает вполне буквальный, зримый смысл: в маоистском Китае для истребления «вредной» птицы (действительно съедавшей какую-то долю урожая) применялись противорадные зенитки. Это после выяснилось, что пользы от воробьев больше, чем вреда. Увы, и по сей день многие наши сограждане привычно радуются очередной «борьбе», не приносящей им плодов, приветствуют «порядок», который никогда не наступит, — ибо власть еще меньше, чем рядовой обыватель, способна предвидеть последствия своих действий.

Слишком многие язвы нынешнего дня коренятся в тех первых решениях. В административной экономике, пребывающей в неустойчивом равновесии, любые изменения чреватые примитивной цепной реакцией напо-

добие обвала в горах: каждый новый вид дефицита, резко изъятый из оборота, становится причиной множества последующих. Так, нетрудно было предвидеть, что в борьбе с самогонварением власти обязательно навяжут «сдерживающее» рacionamento сахара, начнут громоздить «стратегические» залежи этого продукта, затем на месте прежнего достатка появятся ажиотажный спрос и бешеная спекуляция, возникнут диспропорции в производстве и поставках — вплоть до полного исчезновения сахара из магазинов. Аналогичная ситуация сложится в парфюмерной и фармацевтической промышленности — и так далее по цепочке.

До 2 апреля нынешнего года на это можно было «оптимистически» возражать: товарный кризис вызван в основном стремлением правительства продавать населению как можно меньше, придерживая запасы до повышения цен. Сегодня разделились мнения о том, какое из зол первично — недопроизводство товаров или их «передержка» с разбазариванием «налево». Однако и тут нет противоречия: известно, что галопирующий рост цен на спиртное в 1985—1987 годах не был связан с нормальными потребностями экономической конъюнктуры. Жажда облагодетельствовать военно-затратный госбюджет под прикрытием воспитательных лозунгов обрушила лавину и в финансах, послужив спусковым механизмом крутого витка инфляции. Роль бутылки как всеобщего обменного эквивалента невиданно выросла за счет все более «деревенеющего» рубля. (Тот же неизменный мотив, с похожей схемой действий «врасплох» и объяснений задним числом, четко просматривается во всех финансовых мерах кабинета Павлова; только сейчас обществу гораздо быстрее стало ясно, что официально объявленный противник вновь понес минимальный урон, а страдают беззащитные.)

Наконец, на перестроечный вызов с готовностью откликнулся господин Теневой Бизнес. Ничего удачней для него нельзя было придумать: пока исполнители следующих мудрых решений о борьбе с «нетрудовыми доходами» преследовали огородников и домашних портних, создалась возможность в значительной части высвободить черный рынок из-под контроля официальных корруппированных структур. И здесь по закону сообщающихся сосудов алкоголь-

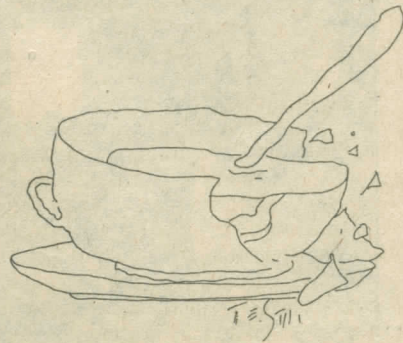

ный бум подпитывал наркобизнес, торговлю живым товаром и все виды поборов, создавая подобие западной «индустрии порока» — но без избытка общедоступных легальных благ.

Тогда же были заложены и многие моральные предпосылки всеобщего одичания. Принуждение к трезвости стало оглушительной пощечиной для законопослушных граждан: ни разу со времен Сталина презрение коммунистической власти к человеку не выражалось столь неприкрыто. Население, в массе своей равнодушное к достижениям газетно-журнальной гласности, ответило циничным озлоблением...

По замыслу идеологов «отрезивловки», достаточно приказать приятельскому застолью сменить графин с водкой на добропорядочный самовар, чтобы общественный урон от пьянства автоматически поменял знак, превратившись в благо «культурного общения». И польза на первых порах, несомненно, была — хотя бы от сокращения выпивок на работе, ставших хроническими и повсеместными в смутную пору вымирания генсеков. Но очевидная, лежавшая на поверхности выгода, о которой победно рапортовали «Правда» и «Наш современник», обернулась скрытым в перспективе разрушением.

Дело за тем обновленным содержанием межчеловеческих связей, которого «социалистический выбор» попросту не предусматривает. Людей связывает либо полнокровный личностный интерес неотчуждаемой собственности (в том числе и духовной), либо наркотик (в том числе идеологический). Третьего, как выяснилось, на самом деле не дано. Утратив ролевой образ щедрого и благодушного собутыльника (а вскоре — и определение верного ленинца), рядовой гражданин Страны Советов начал на глазах обрастать шерстью.

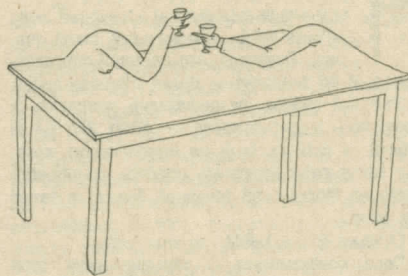

Таково одно из парадоксальных проявлений социальной кооперации. В современном обществе эти формы поведения сложны и многообразны. В традиционных общинах, тем более в жестких рамках тоталитарного режима, при невозможности для большинства свободно выбирать социальную «нишу» — прежде всего место жительства, а стало быть, работу и даже круг партнеров по общению — основное значение сохраняют простейшие, первобытно-ритуальные акты: *разделить* с ближним пищу, вино, табак.

Размах застольного гостеприимства, а также обычай одалживаться сигаретой на улице у прохожих были, как выяснилось, не чертой национального характера, свидетельством «особой душевности» советского человека, но его социально-исторической характеристикой. (Равным образом отсутствие подобных нравов во многих странах Запада вовсе не означает скарденности или замкнутости тамошних жителей.) Административные запреты и дефицит сорвали ритуальную оболочку с простых житейских удовольствий: добычей, доставшейся ценою лишений, так просто делиться уже не захочется.

В стране, у жителей которой экспроприировали все, включая право на интимность, алкоголь каким-то чудом долго оставался единственным полностью суверенным, психологически комфортным и универсально доступным инструментом социализации — возможно, оттого, что после умеренного в привычках Ульянова трое подряд вождей, правивших без малого 60 лет, сами отдавали дань бытовому пьянству. Так или иначе, как только ситуация в своем развитии перешла в абсурд самоотрицания (к середине 80-х участие в застольях стало практически обязанностью во многих социальных группах), она должна была измениться, и в верхах возникла идея трезвости. Но перестроечный социализм оказался так же мало способен предложить полноценную замену, как его «развитой» предшественник.

Общество отреагировало в духе саморегуляции: болезненно-надрывной политизацией, сочинением все новых разрушительных мифов, митинговой активностью на грани массовой истерии. Не являются ли и молодежные рок-психозы заменой привычных форм коллективной разрядки? Во всяком случае, пик массового рок-фанатизма (как и всех про-

чих тусовок неформалов) совпал с периодом «трезвости» — 1986—1988. До этого они были делом ограниченного круга — едва ли из-за одного только административного зажима.

В заключение — небольшое моральное... Плох человек без воли к добру, однако от такого и не ждут ничего. Если же лидер, подав надежду, не оправдывает ее, то он, независимо от личных дарований и трудностей выбора, неминуемо заслужит неприязнь общества — тем сильнейшую, чем весомее был самообман ожиданий. Отступивший реформатор Хрущев избежал подобной участи лишь потому, что стремление к свободе не успело окрепнуть в людях после «железной зимы». Больше такое не сходит кому бы то ни было.

С противоположной стороны, по законам социальной психологии, происходит еще один вид цепной реакции: пострадавший с течением времени вызывает все большую неприязнь у обидчика. Любые действия в конфликте с «неблагодарностью» кажутся дозволенными... и уже никто не помнит, с чего, собственно, все началось.

Вспоминается знаменитая трагедия Пушкина. Всем хорош был царь Борис, и о народе пекся, как никто другой, — но единственная подлость на пути к трону свела на нет все благие начинания и предопределила плачевный исход.

Жестокая ирония истории видна и в другом. Майско-июньские указы 1985 года стали *первым* волеизъявлением нового лидера; их фактическая отмена в декабре 1988-го почти в точности совпала с последними конструктивными шагами Горбачева на политической арене (в частности с речью в ООН о новом мировом порядке).

Как писал современный поэт, «все водрузилось на свои посты, все обрело устои и истоки...». Две даты — 1985—1988 — замыкают кривую успехов аппаратной перестройки, словно контур зеленой поллитровки.

При входе мне выдали нагрудный знак: «Гость МТБ». Красненький такой значок. Означает, что со мной торговать нельзя. Я не заплатил за право торговли здесь.

Зеленый значок, разрешающий продавать и покупать — идентификатор, — стоит 250 тысяч рублей. И есть люди (а не организации), которые могут себе позволить роскошь приобрести место на Московской товарной бирже за такую вот цену.

Сколько их — тайна, но они есть.

Пора ознакомиться с терминологией этой странной местности. Тем более, что, судя по всему, все эти полузабытые, полустершиеся слова грозят прочно войти в наш быт: сегодня на МТБ совершается сделок на 2 миллиона рублей — каждый торговый день.

— Биржа — это рынок?

— В каком-то смысле да, — соглашается Ю.Зотов, зав.отделом по связям с общественностью. — Точнее, физическое воплощение рынка. Место, где собираются продавцы и покупатели. Мы — только администрация этого места торгов. Служащим биржи категорически запрещено торговать. Если человек с желтой карточкой (означающей принадлежность к администрации биржи) участвует в торгах, это самое большое нарушение, какое только можно представить. Ведь мы владеем коммерческой информацией, которой не владеют брокеры.

Брокер — посредник. Его нанимает, например, покупатель, чтобы брокер купил для него

товар. И, конечно, все, что касается этой (возможной и желательной) покупки, брокер знает наизуток. Ведущий торги, работник биржи, стоит в биржевом кругу. У него полный список товаров и заявок. Он обязан четко, ясно, внятно объявить предлагаемый на продажу товар, чтобы все брокеры услышали его. Если какого-то брокера устраивает товар и цена, он говорит: «Покупаю» — или показывает это специальным жестом. Ведущий записывает, и торги продолжают.

Внешне все довольно просто. Но какой смысл во всей этой секретности? Брокер знает одно, но не знает другое, ведущий торги знает все, но никому ничего не говорит, хотя все равно приходит время — и выкрикивает это очень громко...

Один из главных законов рынка: товар должен быть доступен для покупки кому угодно, всем в одинаковой степени, и цена должна определяться спросом, а не личной договоренностью. Что ж, по-своему демократично.

Но, согласитесь, все же странная это по нашим меркам профессия: стоять и слушать выкрики в биржевом кругу (кстати, «биржевые круги» — это не сборище дельцов; это — стойки, где «пасутся» брокеры, слушая оглашаемые объявления). Что же это за времяпровождение такое? Не лишний ли он вообще на бирже, этот посредник?

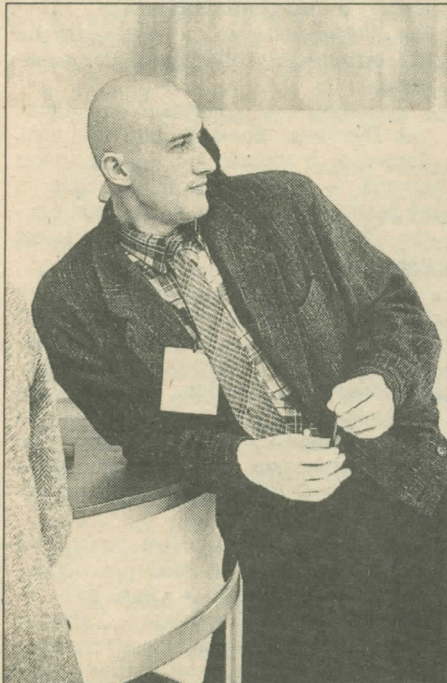
— Это кажется парадоксом, но это так: биржа работает на понижение цены, — Армен Ка-

зарян, представитель брокерской фирмы «Российские брокеры» (мы к фирмам еще вернемся), объясняет все очень экспрессивно. — Вот смотри! Ко мне обратился клиент, хочет что-то продать — допустим, вот эту шариковую ручку. Она сегодня стоит рубль пятьдесят. Но клиент говорит: слушай, вот их тысяча штук, продай их по два рубля... Ты ему долго и нежно объясняешь: во-первых, здесь не аукцион; во-вторых, твоя ручка уже лежит везде по рубль пятьдесят... Он — нет, я знаю, что купят и за два. Ну, не купят, объясняешь. Нет, купят, говорит. Ладно. Подписываем бумаги, выставляю я ее на торги. И вот целый месяц она висит на торгах, эта ручка за два рубля. Все смеются, подходят ко мне: слушай, это ты продаешь эту ручку? И что, правда за два рубля?.. Ну, вместо ручки может быть компьютер, или телефакс, или женские пальто — но товар есть товар.

— Много у тебя сейчас таких «ручек»?

— Сейчас занимаюсь только одной сделкой. Несколько дней назад здесь был выставлен на продажу бензин. 20 тысяч тонн. Цена сумасшедшая — тысяча рублей за тонну, 80 копеек за литр. Но я нашел покупателя на этот бензин, подготовил все документы — а на торгах его уже не объявляют! Оказалось, брокер, который продавал тогда этот бензин, сейчас обзывает телефоны, пытается дозвониться до своего клиента. Ждет подтверждения, что можно продать... Я тоже жду.

ДЕНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

— То есть сделка — явление достаточно редкое на бирже?

— Сейчас — да. По компьютерам, насколько я знаю, официально не было ни одной...

— Официально?..

— Да, потому что втихую те же фирмы продают намного дешевле. А почему-то на биржу выставляют дорого... — Им кажется, что если на бирже будет выставлен товар, компьютер среднего класса за 43-45 тысяч, то они втихую могут сказать: смотри, на бирже за сколько, а мы тебе дешевле продаем...

— И много сделок совершается в обход биржи?

— Сами брокеры этого не хотят. Поверьте. Потому что чем больше будет официальных контрактов, заключенных на бирже, тем престижнее будет наша работа, тем выгоднее будет наш имидж, тем больше будет у нас клиентов... Вот с этим бензином. Мы уже знаем друга друга, информация о том предложении бензина была даже напечатана в «Коммерсанте». Но когда мы встретились с тем брокером, который его продает, первое же условие, которое мы друг другу поставили, — это сделать сделку на торгах. Чтобы эта цена пошла официально как биржевая, чтобы был прецедент, чтобы была так называемая «котировка» — как этот товар котируется на бирже. Нам же потом будет легче убеждать своих клиентов. Такой-то товар был

продан такого-то числа на такой-то бирже. Это уже ориентировочная цена, на сегодня. Она может изменяться, но она есть.

Типичное занятие брокера, таким образом, — уговоры клиента. Что цена, которую спрашивают за товар, хорошая, что товар ему нужен... Причем товар клиенту действительно нужен, но он думает, что его обманывают.

Купить все почему-то хотят по оптовой государственной цене, которая была еще в прошлом году, а продать — по бешеной коммерческой. Разница — в три-четыре раза. И как объяснить продавцу, что по такой цене нельзя продавать, и как объяснить покупателю, что по такой цене товара нет? Поэтому сейчас на МТБ, по оценке Армена, сделок совершается ничтожно мало — три-четыре в день. Зато — оптом...

...Между разбитым на «биржевые круги» операционным залом и буфетом — стеклянная стена. Стекло до самого пола, и не сплошное, с проемами — чтобы брокеры, вышедшие попить кофе, могли слышать удары гонга, сзывающего на торги.

Но большинство спокойно пьют свой кофе и даже кушают куриные ножки. Поразительное равнодушие к биржевой деятельности! Пять минут перерыва закончились, и началась торговая сессия (всего их в день четыре, по 25 минут), а в зале не так уж много брокеров. А ведь зарегистрировано их почти двести пятьдесят! Да и те, что слушают объявления о продаже, какие-то вялые...

— Да я все это уже слышала на прошлых торгах, — пренебрежительно машет рукой Марина Митина, начальник отдела снабжения ПО «Спецтруд». Пренебрежение получается у нее грациозно, но ее фирма пока что не заключила ни одной сделки. — Нас интересует сырье, текстиль, а этого нет... Мы тут купили на МТБ место, можем на каждый биржевой круг по два брокера выставлять, но пока необходимости не было... Все равно в конце года получим дивиденд, независимо от того, провели или нет какие-нибудь операции. Мы же деньги вложили!

— Ну а личная у вас есть заинтересованность?

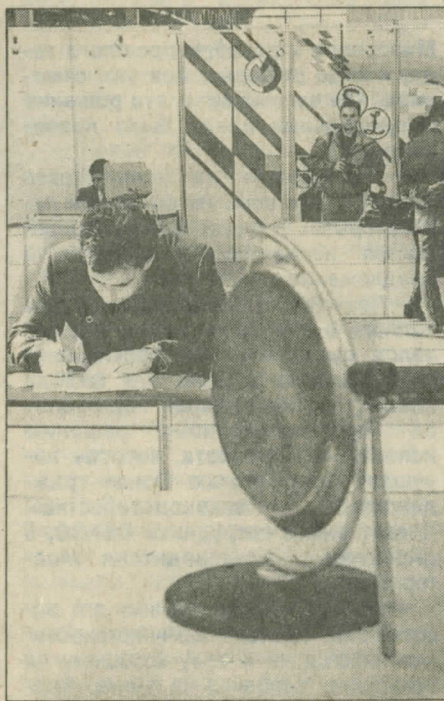
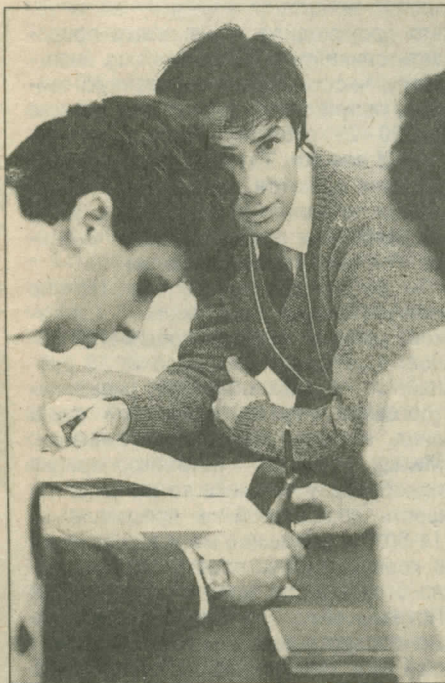
— Да нет, я вклад получаю. У нас вообще работа другая, просто на торги ездим во вторник и четверг. Я лично ничем не рискую, может быть, это и расхолаживает.

Табличку «Гость МТБ» строгие ребята на входе с меня сняли. А жаль. Красивое все-таки место — биржа, по-своему элегантно. Большие деньги, которыми оперируют здесь, создают вокруг себя некую ароматно-озоновую атмосферу. Здесь и полы чище, и кофе вкусней, и рубашки белоснежнее, и девушки красивей. Или это все только кажется?

Евгений АНИН

Фото В.Шишова

ОЧЕРКИ БИРЖЕВЫХ НРАВОВ

В Москве — двадцать шесть колхозных рынков. Татьяна Горюнова руководит Черемушкинским и, как мне сказали в Московском городском потребительском обществе, она — одна из самых опытных директоров.

— Татьяна Владимировна, давайте прежде всего поговорим о ценах и вспомним 2 апреля. Вы ощутили реформу на прилавках рынка?

— Разумеется. Если бы магазины поразили покупателей изобилием, можно было бы ожидать некоторого снижения цен и у нас: зачем покупать мясо на базаре за 25 рублей, когда его в достатке в гастрономах? Но ведь этого не произошло. Наивно было полагать, что рынок никак не отреагирует на реформу цен. Он отреагировал: они повысились в тот же самый день. Поросенок молочный — 250 рублей, свежие помидоры — от 25 до 30 рублей, огурцы — по 10—15, столько же стали просить за яблоки. Заметно подорожали творог — 25 рублей за килограмм, сметана — 25—30 рублей, подсолнечное масло, сало... Ну и, естественно, кило мяса — 40—50 рублей...

— Как я поняла, предельная цена на мясо — 15 рублей, — установленная постановлением исполкома

Моссовета в декабре прошлого года, в ходе реформы цен уже отменена. Как вы считаете, это решение о предельных ценах было правомерным?

— Государство не имеет права устанавливать цены на рынке. Он потому и рынок, что цены на нем определяются исключительно спросом и предложением.

— Поэтому-то Борис Маилов, ваш коллега с Рижского рынка, и отказался выполнять это постановление, вывесив в день его выхода плакат, что не намерен подчиняться «противозаконному решению исполкома Моссовета, которое нарушает 40-ю статью Основ гражданского законодательства». Плакат сняли сотрудники ОБХСС, а директора — руководителя Мосгорпо...

— Но суд, между прочим, его восстановил. Голое администрирование никогда ни к чему хорошему не приводило, особенно на рынке. Ведь

что происходило — не желая продавать свинину по 15 рублей за килограмм, частник солил зарезанную свинью, получал сало и продавал его уже за 20—25 рублей.

— И все же, Татьяна Владимировна, мне кажется, резон в постановлении исполкома был: сбить цену на мясо. Вы представляете, сколько бы оно стоило сегодня?

— Не больше, чем сегодня. Но мне по-человечески было жаль и частных, которых обязали продавать парное, еще «дышащее» мясо за 15 рублей. А потребкооперация рядышком торговала мерзлой говядиной всего лишь на пятьдесят копеек дешевле. Между прочим, потребкооперация приобрела у частника то же мясо по шесть с полтиной, а продавала за 14-50. Да домашнее мясо в сравнении с кооперативным просто обязано было стоить в три-четыре раза дороже! Потребкооперация превратилась в монополиста-перекупщика, который про конкуренцию в рядах и про

снижение рыночных цен и думать не думает.

— Если смотреть с точки зрения экономиста-рыночника, вы, Татьяна Владимировна, безусловно, правы. Но я все же разделяю мнение руководителей Моссовета: если нет свободного рынка, надо осторожно относиться к свободному ценообразованию. Кроме того, ваши частники в обиде не остались: за сданное мясо могли приобрести дефицитные товары.

— Конечно, это был хороший стимул, и он действовал. Но все же далеко не каждый продавец был в восторге. Например, привез частник, кстати, наш постоянный клиент, несколько баранов. Я ему говорю: хотите в торговле-закупочное предприятие по 6-50 за килограмм сдать? Отвечает: у меня на месте по 7-50 брали, знал бы — не вез. Я ему: зато можете ценную вещь купить. Он говорит: я — старый, у меня все уже есть, большего не надо, я дом хотел обновить. Не уверена, что многие повезут свою баранину в столицу лишь в надежде купить по «базарной» квитанции телевизор или холодильник. Человеку, может, и надо-то всего пару килограммов конфет для ребенка. Он нам мясо, а мы ему взамен — свои визитки, талоны и купоны... Не потому ли меньше сейчас продавцов из Прибалтики, с Украины, из Молдовы, Узбекистана, да и наши традиционные поставщики из Подмоскovie тоже не очень спешат? Шутка ли — цены в приказном порядке ограничили!

— А кто основной клиент рынка?

— Об этом можно судить по торговле мясом. Рынки Москвы продают его примерно один процент от общего потребления, поэтому нетрудно подсчитать, сколько горожан пользуется продуктами с базара. Это — высокооплачиваемые покупатели, иностранцы и рядовые, так сказать, москвичи, у которых предстоит семейное торжество. А ведь еще несколько лет назад рынком пользовалась почти каждая вторая семья, особенно летом, в пору овощей и фруктов. Ну разве многие могут сегодня позволить себе купить несколько листиков петрушки за рубль?

— А ваша собственная прибыль — на уровне рыночных цен?

— Все почему-то думают — раз такие цены, значит, администрация в миллионных доходах кулается. Трудно, наверное, поверить, но годовая прибыль нашего рынка — всего 200—250 тысяч рублей. Высокие цены устанавливает продавец, а не ад-

министрация, и выручку он кладет к себе в карман, а не в нашу кассу. Мы имеем мизерные разовые сборы и небольшие доходы от разных услуг, предоставляемых продавцам: за торговое место, весы, санитарную одежду, хранение вещей, гостиницу. А сейчас, когда значительно возросли расценки за свет, воду, стирку, ремонт, боюсь, что многие рынки могут стать убыточными.

— Тогда и вы поступите так, как все, — повысите цены за свои услуги?

— Именно так уже и сделали — с 10 апреля торговое место стоит 3 рубля вместо 40 копеек. В исполкоме нам еще предложили брать налог с цены. Скажем, продаешь мясо за 15 рублей — плати налог 5 процентов, продаешь за 40 — в два раза больше. На первый взгляд, все вроде просто, но подскажите, где мне взять такую армию налоговых инспекторов? Кроме того, на рынке не может быть стабильной цены с утра до вечера, как в овощном магазине. Изменился спрос — и торговец тут же меняет цену на свой товар. Я не могу поставить возле каждого продавца по контролеру, который бы сразу производил перерасчет налогов. Не сомневаюсь, что иной частник будет скрывать, сколько товара он привез, припрятывать его. Зачем же заведомо ставить людей под удар, заставляя их своими не очень продуманными мерами тоже манипулировать, искусственно завышать цены. На вопрос, почему продает дорого, продавец тут же ответит, что торговал бы дешево, но должен возместить налог. Вот и весь разговор.

— Какой же выход?

— Выход, на мой взгляд, в том, чтобы рынок стал малым предприятием. Как только заговорили об этом, сразу разгорелся спор: кто будет хозяином столичных рынков?

— До недавнего времени вашим хозяином был филиал Центросоюза — Мосгорпо.

— До 1987 года московские рынки находились в подчинении Главмосторга, и это было, пожалуй, самое компетентное руководство. Говорю об этом не понаслышке — директором работаю уже почти десять лет. Затем постановлением правительства нас передали безвозмездно организации потребительской кооперации — сначала в непосредственное подчинение Центросоюзу, а год спустя, когда было создано Мосгорпо, вошли в его состав. Но в минувшем декабре Моссовет решил забрать

рынки назад, мотивируя тем, что Центросоюз за все это время не навел там необходимый порядок.

— Он в самом деле не навел?

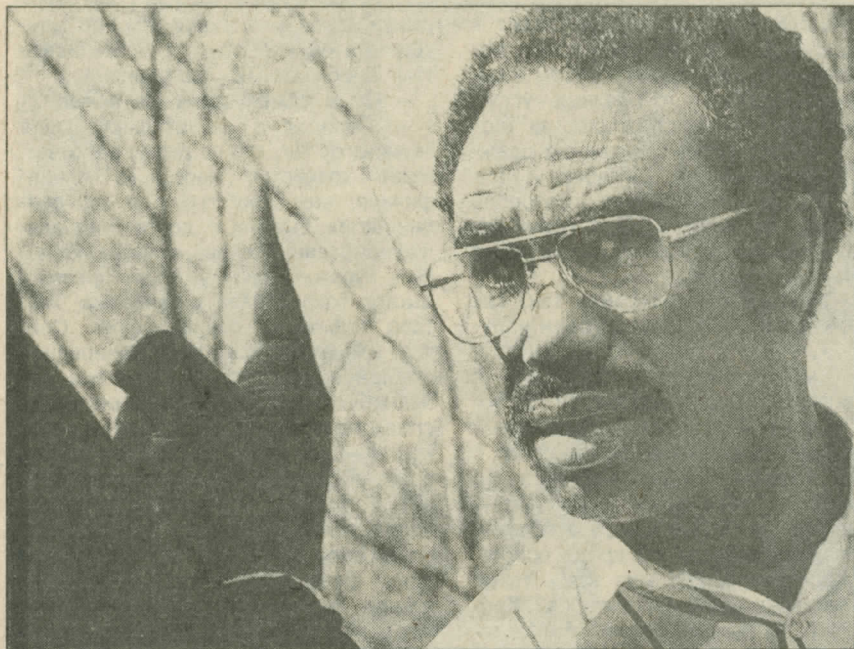
— Порядок в значительной мере зависит от тех, кто на рынке работает. Наше хозяйство настолько специфичное, что разобраться в его особенностях быстро и достаточно квалифицированно очень сложно. И новый куратор, вникнув, как правило, быстро охладел: энтузиазма хватало только на ознакомление. Сейчас мы оказались перед очередной сменой начальства, на этот раз планируют передать в ведение райисполкомов. Не уверена, что это самый лучший вариант: местная власть видит в рынках прежде всего торговую площадь, которую можно использовать не только для продажи сельхозпродуктов. Но тут вдруг возникли разногласия: Центросоюз, получив, как помните, рынки безвозмездно, теперь настаивает на их выкупе. И никто пока толком не знает, чья это собственность, как ее передавать и за сколько. И главное — кому? В исполкоме Моссовета, похоже, прислушались к мнению директоров рынков и начатую было передачу приостановили. А по-моему, управление должно быть централизованным.

— Все вокруг стремятся к независимости, самостоятельности, изо всех сил стараются избавиться от

Фото Ю.Штукина

ведомственного диктата, а вы, кажется, наоборот, — ищите себе «министерскую» крышу?

— Потому что без этой, как вы сказали, «крыши» нам выжить нелегко. Речь не о диктате, а о деловом сотрудничестве. Например, второй год мы занимаемся ремонтом рынка. И все приходится доставать буквально с боем или хитростью: и никакой помощи, кроме финансовой, мы от Центросоюза не получили. Другой пример: для уборки помещений позарез необходима поломочная машина, а их делает только один завод в стране, и то не для рынков, разумеется, — для метро. Я ходила по разным станциям, но только начинала говорить, кто я и откуда, изумлению, удивлению, а то и возмущению моих собеседников не было предела: да вы что!..

— Так и не достали машину?

— Достала, но давайте не будем уточнять как. А ведь будь у нас «крыша» или, говоря современным языком, какая-нибудь ассоциация, может, даже концерн московских рынков, эти и многие другие проблемы, а они есть у каждого директора, решить было бы значительно проще.

— Но эти проблемы может решить исполком...

— ...у которого разных других дел выше головы. Рыночным хозяйством должны заниматься профессионалы.

— В начале вы сказали, что на

рынке можно купить все. А есть ли дефицит?

— Мой ответ, наверное, удивит, но на рынке, как во всем нашем обществе, главный дефицит сейчас — доброта... Раньше рынки были веселыми и лукавыми, сегодня стали серьезными и хитрыми, подчас даже злыми. Покупатели недовольны продавцами, продавцы — покупателями. Те и другие недовольны дирекцией и жи-

знью, которая одних заставляет драть бешеные цены, других — опустошать кошелек. На рынках, в отличие от магазинов, очередей почти не бывает, но атмосфера «магазинного скандала» витает и в наших павильонах. Такова сейчас жизнь.

— Татьяна Владимировна, а где вы покупаете продукты?

— Кое-что приобретаю на нашем рынке, потому что раньше семи-восьми часов вечера уйти домой не получается, тут уж не до магазинов. Но по рядам, как правило, сама не хожу, прошу наших женщин. Не потому что гордая. Именно потому, что директор, и не хожу. Продавцы у нас в основном постоянные, знают меня в лицо и когда хочу купить что-то для себя, начинают суетиться, выбирать лучший кусок, сбавлять цену...

— Ну а разве плохо — получить хороший кусок?

— Покупателю я только этого и желаю. Но когда потом к тебе в кабинет приходит этот продавец и начинает многозначительно просить лучшее место или еще что-то, я предпочитаю купить хороший кусок на другом рынке.

— И последний вопрос, Татьяна Владимировна: почему сегодня на вашем рынке фунт лиха?

— Я же вам говорила: подорожало все!

Беседу вела Л.МАКСИМОВА

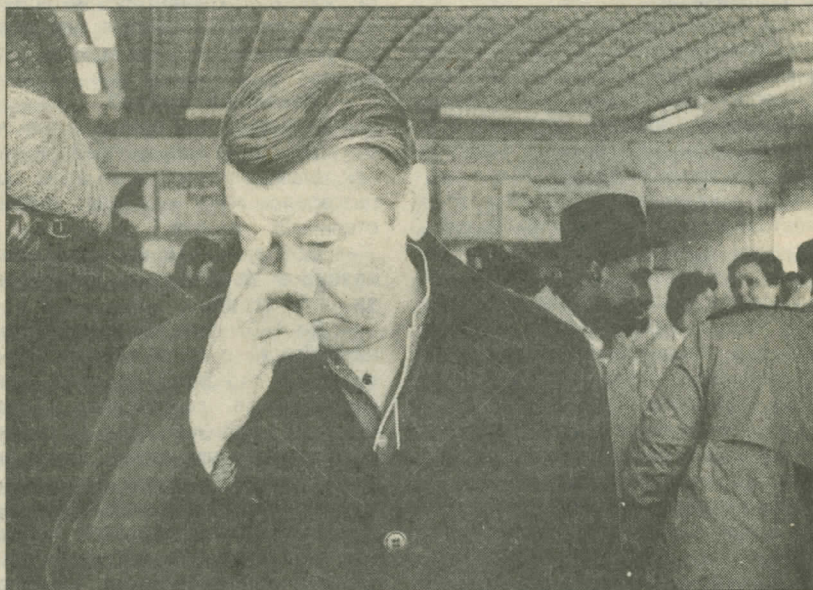

Фото Ю.Штукина

Ростов

ОНА И МАРОДЕР

27 семей остались без крова и имущества в результате пожара, который был в самом центре Ростова. Пострадавшим предложили временное жилье, но те остались им недовольны, о чем сообщили на сессии горсовета. Тогда депутаты скинулись «в шапку» и передали погорельцам 932 рубля.

Но, видно, эта мера не преисполнила пострадавших благостью. Стало известно, что одна из хозяек, посетив свою квартиру на второй день после пожара, застала там молодого и здорового мародера, который рылся в вещах, выбирая что-нибудь поцелее. Разгоряченная — и, кстати, немолодая — женщина вцепилась парню в волосы, и он от неожиданности упал. Тогда она стала бить упавшего мародера ногами и била, пока ноги не онемели. Подоспевшие омовцы мешать расправе не стали.

Сергей СИНЕОК

«Молодость Сибири»

КРЫСЫ ВЫДЕРЖАЛИ

Малое предприятие «Актис», созданное на базе Новосибирского института химии твердого тела и переработки сырья, приступило к разработке новых видов косметики. На крысах было испытано девять цветов теней, четыре цвета румян, зверьков также мазали помадой и кремами. Крысы опыты выдержали. Теперь «Актис» ищет добровольцев среди женщин.

Севастополь

ЖАЖДА

Жажда, похоже, ожидает вскоре жителей Севастополя. Холодная вода подается по районам города по три часа, горячая — два раза в неделю. Но и то с перебоями: в некоторых домах целый месяц не было горячей воды. «Необходимо беречь не только каждый литр, но и каждую чашку воды, хотя это вопроса не решит», — сказал по такому поводу председатель горсовета И.Ермаков.

А чтобы вопрос решился, надо срочно подвести к Севастополю днепровскую воду, то есть построить водовод вместе с очистными сооружениями. Вода городу в таком случае будет стоить 55,5 миллиона рублей.

Горсовет, прикинув, что это очень накладно, предложил горожанам заработать эти деньги на ленинском субботнике.

Сергей СВЕТЛИЦКИЙ

Москва

ПТИЧЕК ЖАЛКО...

Еще не так давно в буфете знаменитого Московского театра кукол щебетали канарейки и волнистые попугайчики, радуя детей и их родителей, закусывающих в антракте. Птички пели себе и никого не трогали. Но вот с некоторых пор стали исчезать — прямо из большой клетки, причем во время антракта.

Удивившись такому странному факту, администрация решила спрятать пичужек от греха подальше в просторный кабинет директора театра. Сейчас пернатые чирикают и заливаются, радуя только администрацию, которая и сама не в восторге от этой вынужденной меры — но ведь надо было сохранить оставшихся птиц.

Теперь во время антрактов зрители фланируют — между прочим со стаканами в руках — в непосредственной близости от золотых рыбок, которые доверчиво плавают в двух низеньких бассейнах.

Е.А.

Киев

ВЗРЫВНАЯ КАРЬЕРА

На страницах «Известий» заведующий отделом атомной энергетики Бюро по топливно-энергетическому комплексу Г.Копчинский заявил, что если не строить новые АЭС, то «основная ответственность за обеспечение населения и промышленности электроэнергией и теплом будет возложена на местные органы власти».

Не все знают о карьере автора этих решительных слов об ответственности. Копчинский начал работать в энергетике на пуске трагически известной Чернобыльской АЭС. И лично отвечал за ее ядерную безопасность в качестве заместителя главного инженера станции. Потом руководил Смоленской АЭС. Оттуда перебрался в ЦК КПСС и, как работник ЦК, «активно участвовал в ликвидации(?) последствий аварии на ЧАЭС», был даже награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ну а теперь стал руководителем всей ядерной энергетики страны.

Энергетическая программа СССР направлена на приоритетное развитие атомной энергетики. А копчинские даром свой хлеб не едят. Для дальнейшего продвижения по служебной лестнице им нужны новые АЭС.

«Комсомольское знамя»

Осколки собирала Елена
АВЕРИНА
Наш телефон 928-70-79

Рис. В.Иванова

СТРАСТИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ

Итак, действующие лица: ИГРОК, ЖУРНАЛИСТЫ, ПОДВЫПИВШИЙ ЗАВСЕГДАТАЙ, КРУПЬЕ, ОХРАНА, МЕНЕДЖЕРЫ, БОЛЬШИЕ ЛЮДИ, ШУЛЕРА: «ШАРАПОВ», «ГОЛОС ПРАВИТЕЛЬСТВА» и другие.
Место и время: казино «Москва», 1991.

Нас было трое. Вернее, сначала только двое — журналисты «Комсомолки» Даша и Сережа. Третий навязался сам. Он уверял, что в казино без него ходу нет: он в рулетке собаку съел. Памятуя русское правило, что на троих всегда лучше, мы захватили его с собой. Знакомьтесь — герой романа Ф.Достоевского «Игрок». В дальнейшем мы так и будем его называть, просто — игрок.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Известно, что в казино принято рассчитывать настоящие деньги, а не их суррогатами, поэтому в гостиницу «Ленинградская», где расположено казино «Москва», мы явились, отяжеленные тридцатью долларами, которые после долгих согласований отпустила на эксперимент родная редакция.

БДИТЕЛЬНЫЙ ЮНОША (у входа): В первый раз у нас?

(Мы радостно киваем головой.)

БДИТЕЛЬНЫЙ: И вы, что же, советские граждане?

(Уже не так радостно признаемся мы в этом.)

БДИТЕЛЬНЫЙ (запечалившись): Нет, серьезно, у вас паспорт советский?

Мы (застенчиво): Да, он самый.

БДИТЕЛЬНЫЙ огорченно разводит руками и достает бумаженцию, где черным по белому разъясняется полная невозможность для нас попасть в заманчивое заведение. Делать нечего, играем в открытую и показываем редакционные удостоверения.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Появляется менеджер зала мистер Чарльз Бисон и запросто, по-хозяйски освобождает нас от всех запретов, а заодно и от непосильной платы за вход — 10 долларов с носа.

С дрожью и благоговением входим в запретный оазис. Ба! Да тут знакомые все лица! Иностранцев в зале — от силы три китайца, остальные — все больше «сочувствующие»: фарца московская, кооперация ростовская, «мафия» кавказская и прочая, прочая...

Вспоминаем грозное предупреждение на входе. Да, видать, кроме гражданства тут существуют какие-то иные критерии. Кстати, трудно удержаться и не процитировать ту замечательную бумажку, которую должны подписывать гости казино.

Документ: «Администрация... напоминает Вам, что в соответствии с действующим законодательством граждане СССР не имеют права принимать участия в азартных играх, а также заниматься операциями с иностранной валютой на территории СССР».

ДАША: Вот так. Ставить кошке сливки и просить ее не пить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ИГРОК: Как это ни смешно, что я так много жду от рулетки, но мне кажется, еще смешнее рутинное мнение, что глупо и нечестно ждать чего-нибудь от игры...

Собравшиеся в зале казино наверняка чего-то ожидают от вечера. Хорошие костюмы, хороший одеколон, скромные, но тяжелые перстни. Женщин мало, но все при деле или при ком-то. Негромкое жужжание игроков и крутящихся шариков, прерываемое восклицанием крупье, по правилам заведения — по-английски. Впрочем, это не шокирует играющих соотечественников: двадцати английских

слов достаточно, чтобы следить за игрой. Не у всех, правда, и с двадцатью нормально. Надменный повелитель непредсказуемого шарика произносит приговор: «Сикстин, ред!»

ЮЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК (откуда-то сбоку просит разъяснений): Эй, слушай, что он сказал, а?

ВСЕ (вполголоса): Шестнадцать, красное.

Новообращенный «иностранец» удовлетворен.

Эмоции по поводу проигрыша или выигрыша проявлять не рекомендуется — словно тень, дефилирует среди разгоряченных игроков неестественно могучий вышибала и прислушивается к монотонному рокоту зала: нет ли какого скандала?

Глядя, как спокойно порхают из кармана на стол стодолларовые купюры, вспоминаются, словно видеожелание, дебаты союзного парламента.

ГОЛОС ПРАВИТЕЛЬСТВА: «Нет у нас валюты, товарищи!»

Может, у кого и нет, а в казино с этим все нормально.

На несколько минут авторы расслабились, потягивая знаменитый по «ихним» фильмам напиток — ну чем не похождение Володи Шарапова, которому угрозык выдал сто рублей, чтобы продержаться в «Астории».

ВОЛОДЯ ШАРАПОВ: Дайте-ка, девушка, еще чашечку кофе. Мне тут до-о-олго сидеть.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Появляется очаровательный менеджер Чарльз Бисон.

ЧАРЛЬЗ: Очень прошу вас, не играйте! Продуетесь и уйдете ни с чем.

ИГРОК: И почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег, например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один, но какое мне до того дело?

Мы: Скажите, мистер Бисон, почему вы такой спокойный, неужели сами никогда не играли?

ЧАРЛЬЗ: Играл, конечно. И проигрывал довольно крупные суммы. Но 18 лет назад игорный бизнес стал моей профессией, а в таком сумасшедшем месте, как казино, кто-то должен иметь трезвую голову. Ваши игроки своим поведением у стола не отличаются от своих собратьев во всем мире: азарт — дело интернациональное. Исключение составляют китайцы, которые считаются самыми заядлыми в игре. Кстати, мне ни разу не доводилось слышать о самоубийствах после проигрыша и сталкиваться с проблемой фальшивых фишек...

Мы: И даже в Союзе?

ЧАРЛЬЗ: И даже здесь.

Сомнение авторов:

Ну и дела! В стране, где подделывается все, начиная от талонов на водку и кончая результатами голосования, до сих пор не нашлось умельцев смастерить пластика-

ссовые безделушки, которые обмениваются на доллары? Впрочем, казино-то у нас без году неделя. Все еще впереди. (Взгляд у менеджера всепонимающий, спокойный и безнадежно грустный. Ему-то уж точно известно, что играть мы все равно будем...)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Проталкиваемся к столу. Долго обсуждаем вслух, куда лучше поставить наши жалкие «командировочные». Соседи добродушно посмеиваются. Еще бы, бесплатное шоу — «лохи» пришли.

ИГРОК: Сначала вся эта штука была для меня тарабарской грамотой, я только догадывался и различал кое-как, что ставки бывают на числа, на чет и нечет и на цвета.

Наконец, решаемся и ставим две двухдолларовые фишки на дюжину. Так мелко здесь никто не играет. В основном на игровом поле стопки фишек достоинством 10, 20, 50 долларов, которые смотрятся тарелками против наших «пуговиц». Нашу ставку покрывает чем-то солидным какой-то бледный юноша, не спускающий своего горячего взгляда с новичков. Мотив понятный: по теории нам должно повезти.

Запрыгал по заветным цифиркам шарик и... наши фишки уходят заведению. Снова ставим на дюжину — от 13 до 24.

ДАША: Мне сейчас был внутренний голос.

СЕРГЕЙ (с интересом): И что сказал?
ДАША: Надо поставить на дюжину от 1 до 12.

Мы передвигаем фишки на первую дюжину. Но фортуна поворачивается к нам спиной, и роковой шарик тормозит на цифре 15.

СЕРГЕЙ (рычит): Дашка, в гробу я видал твой внутренний голос.

Следивший за нашей игрой сосед плюнул на это дело как на безнадежное. Страсти накалились. Следует последняя воля дамы.

ДАША: Ну давай поставим на красное, умоляю!

И снова катится шарик, выпадает траурное черное, унося в ненасытную утробу казино наши денежки. Эх, встретишь бы в темном переулке того умника, который первый заявил, что новичкам везет.

Чертовски хочется продолжать игру, но, увы, — ставить больше нечего. Вспомнилась фраза одного шулера о том, что у игрока в жилах течет шампанское, а не кровь. Ах, как он был прав!

Мы выворачиваем карманы, выскребаям двести рублей только полученной зарплатой — кто-то же должен в этом заведении продавать доллары. Товарищ слева дает нам верную наводку: вон к тому подойдите, меняет один к тридцати. Да мы готовы и к пятидесяти, лишь бы продолжить игру, но указанный джентльмен шарахается от нас, как от зачумленных, опасаясь провокации. Мы падшие люди в этом уютном зальчике. За двести рублей мы не можем купить здесь даже стакан сока!

Новые люди всегда привлекают внима-

ние, и наше скромное появление вызывает интерес у соседа по столику — мужчины, привлекательного во всех отношениях. После хорошей порции джина он доволен жизнью и не прочь поболтать. Представляется просто: «Завсегдай». Разговор идет «за жисть».

В это время наш столик атакует компания пожилых проституток. Сплетничают, курят, строят глазки, с наслаждением едят дешевую лапшу в красивых баночках («Наконец-то горяченького хоть раз в сутки поели!»), в последнем безнадежном приступе кокетства задирают подошвы платьев. Короче, картина под названием «Бойцы вспоминают минувшие дни».

ЗАВСЕГДАТАЙ (обращаясь к нам): Нет ничего грустнее старой проститутки. Она похожа на списанную полковую лошадь, которая, услышав звук трубы, бьет копытом и рвется в бой.

ДАША: А что же они делают здесь, в казино?

ЗАВСЕГДАТАЙ: В три часа ночи казино остается фактически единственной точкой общепита в Москве, которая еще работает. Здесь можно выпить, неплохо закутить, отдохнуть — вот и подъезжает в разгар ночи вся московская шушера.

В это время можно подзаработать и пенсионеркам.

Во время разговора с Завсегдаем в зал подваливает новая партия девочек — молодых, очень дорого одетых. Некоторые тут же начинают играть — осторожно, по маленькой. Одну — гибкую и роскошную белую — тут же «снимают». Уходит покорно, но с достоинством.

ЗАВСЕГДАТАЙ (оживляясь): Это прибыли девочки из «Солярки» (валютный бар гостиницы «Космос»). Недавно одну из них «замочили» — нашли в подъезде дома мертвой. Ходят слухи, что это работа кого-то из здешних.

Вообще с местными людьми нужно держать ухо востро. Была одна тут девочка Леночка (на регистрации работала — собирала входную плату), пыталась дружить с крупными воротилами, в основном

чеченцами, но обчистили нашу Леночку собственные же друзья, а теперь ее и след простыл.

Завсегдай умоляет, отдавая должное джину с тоником. За соседним столиком одна из девиц энергично скупает доллары за рубли.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

И снова игра...

Дамам всегда легче жить, и Даша, вытаскивая заначку в два доллара, снова вступает в игру.

ИГРОК: Я решительно не вижу ничего грязного в желании выиграть поскорее и побольше.

ЗАВСЕГДАТАЙ (шепчет): Обратите внимание на горячего восточного мужчину. Это Ахмет, представитель очень сильной группировки. Рядом крутятся человек пять-шесть шестерок на «подхвате» — ловчат, подсказывают, при любой возможности могут и фишки спереть. Ахмету сегодня страшно не везет — пытается отыграть.

ИМПОЗАНТНЫЙ МУЖЧИНА (напирает сзади и непрерывно дает советы, сам не играет): Ставьте на 12, чуёт мое сердце — сердце — сейчас выскочит 12. Эх, ну что же вы! А теперь на вторую дюжину, я умоляю!

ДАША: Отстаньте. Я сама знаю, на что ставить, и не говорите под руку.

КОММЕНТАРИЙ ЗАВСЕГДАТАЯ: Тот, что все время советовал, — большая шишка, американский миллионер советского происхождения, зовут Чарли.

ДАША: Какой же он миллионер, если так мелочится. «Ставьте, — говорит, — по два доллара».

ЗАВСЕГДАТАЙ: А миллионеры — они всегда такие, скуповатые. Сам Чарли мало играет, женщинам больше пяти долларов на игру не дает...

Время близится к двум ночи — наступает час некоронованных королей большого города. Приехал Шеф (как его все назы-

вают) — чеченец лет сорока, в шелковой рубашке, но без галстука.

ЗАВСЕГДАТАЙ: Это вам уже не шушера. Большой человек, как зовут — не скажу, «король» Орехова-Борисова.

МЫ: А приличные люди здесь бывают?

ЗАВСЕГДАТАЙ: Безусловно. Вот, например (указывает на молодого человека с орлиным носом и прилизанными светлыми волосами), — это комсомольский работник Дзержинского района. Хитрый мужик, играет только в карты, очень осторожно — обычно выигрывает сто долларов и сматывается.

МЫ: Что же он, комсомольскую кассу просаживает?

ЗАВСЕГДАТАЙ: Не берусь судить. А вот пришла гордость советского дзюдо — те два баяна, не обезображенные интеллект...

ГОЛОС БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ МУРА: Казино — весьма питательная среда для уголовного контингента. Эх, прикрыть бы весь этот вертеп! Мало того, что собирается там одно жулье, так еще и подоходные городу платят очень низкие. Я уж не говорю о том, какое влияние все это оказывает на честных тружеников. Нет, нам такие заведения не нужны.

ИГРОК: Рулетка — это игра по преимуществу русская...

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Уже серело утро, когда закрылись за нами тяжелые двери казино. Таксист, потребовавший всего четвертак за проезд, оказался просто благодетелем. Все-таки рублями взял. Исчезли за поворотом сверкающие огни вывески, и показалось, что с первым криком петухов сгинет призрачное ночное заведение, чтобы следующей ночью возродиться, словно феникс из пепла, и снова здесь соберутся призрачные люди, которых можно увидеть только ночью...

***

А если честно, то нам понравилась возможность играть — несмотря на полное фиаско.

Правда, мы думали: отчего бы не открыть казино, пусть рангом пониже, и для простых смертных с «деревянными» в руках? Страсть к игре всегда была истинно русской чертой, вспомним, как боготворили рулетку классики родной литературы и как классики марксизма-ленинизма пытались вытравить азарт из души народа. И что же вышло? Все эти кошмарные десятилетия игорный бизнес, законсервированный в подполье, не затухал ни на минуту. Разве бы пострадало государство от получаемых налогов с игорных заведений, доступных любому?

Иногда кажется, что кончилось время лицемерия. И мы поставили на кон свою последнюю фишку...

В казино играли и грустили

Д.АСЛАМОВА,
С.ФРОЛОВ

ВСМОТРИТЕСЬ В ЭТИ ЛИЦА

В НИХ НАША БОЛЬ И ОТЧАЯНИЕ

ПОМОГИТЕ ХОТЯ БЫ ОДНОМУ!

Эти дети еще не понимают, что природа и безответственность взрослых сделали их, как и тысячи других детишек Гомельской области, заложниками ядерного Апокалипсиса. Небольшая по размерам область приняла на себя почти 40 % общего количества радионуклидов, выпавших в результате Чернобыльской трагедии. Поля и сады, леса и реки превратились из традиционных кормильцев в источники скрытой, но реальной опасности. Наши дети лишены радости общения с живой природой. Большую часть времени они проводят в стенах детских садов, школ и квартир. Они больше уже не могут ждать, пока экономика страны и

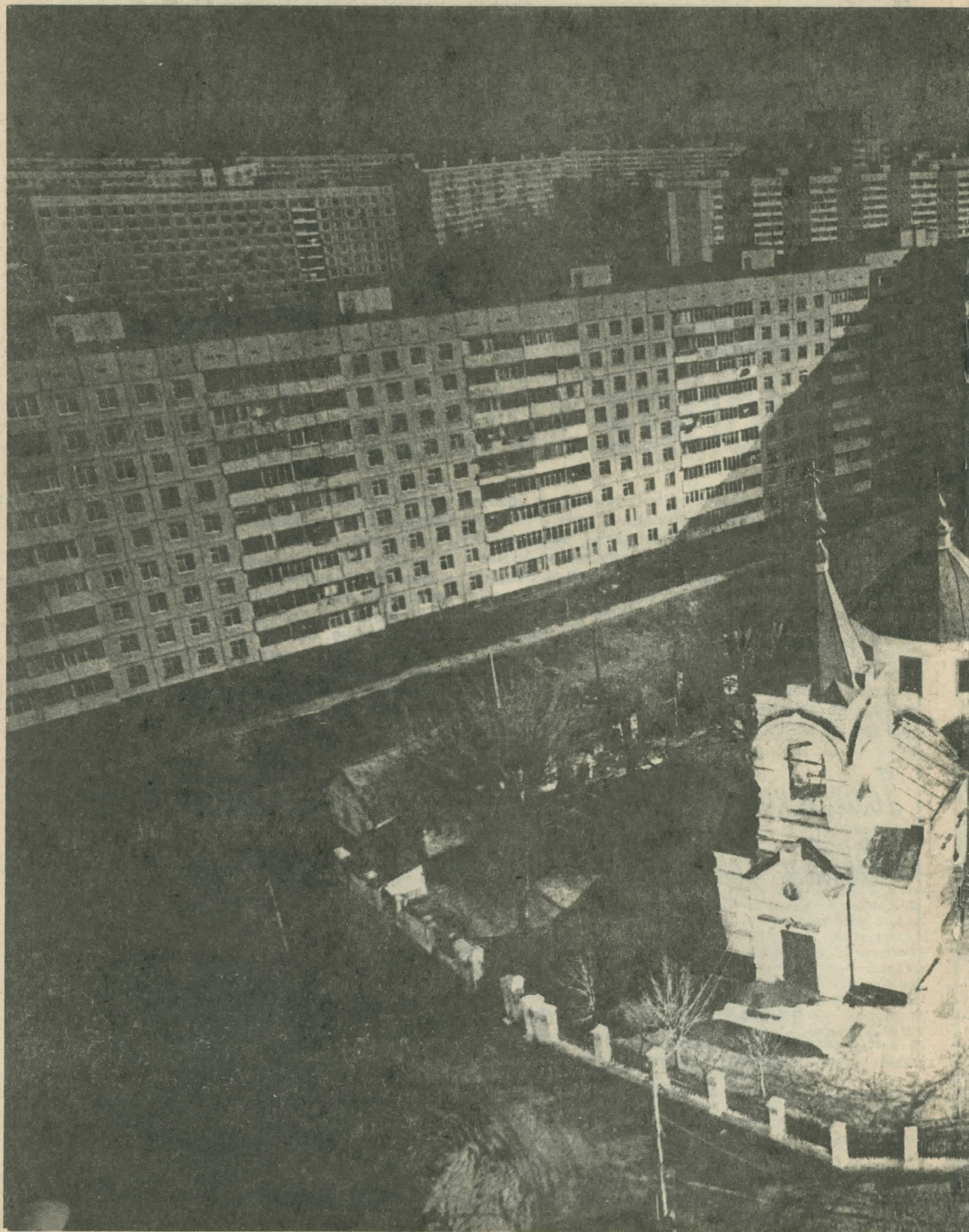
усилия ученых обеспечат их безопасность. Их маленькие сердца взывают о помощи! Гомельское областное отделение благотворительного фонда "Детям Чернобыля" обращается к Вам и в Вашем лице ко всему коллективу с просьбой внести посильный денежный вклад для организации летнего отдыха и лечения детей в чистой зоне. Ориентировочная стоимость оздоровления лишь одного ребенка составляет 500 рублей в месяц. Сегодня Вашей помощи ждут 169 тысяч детей Гомельской области.

*Гомельское областное отделение благотворительного фонда
«Детям Чернобыля» обращается к Вам*

НАШ АДРЕС:
246744, Г.ГОМЕЛЬ, ПР.ЛЕНИНА, 3
Р/С 000609734, ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПСБ
ФОНД "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ"

Михаил ДУБИК

БУДЕМ ДЕРЖАТЬСЯ КОРНЕЙ. НО СНАЧАЛА НАЙДЕМ ИХ

Мой знакомый гостил недавно в Австрии, и в один прекрасный австрийский день имел неосторожность выкурить сигарету в одной из многочисленных комнат большого особняка. Хлебосольные и гостеприимные австрийцы были так возмущены, что едва не выгнали нашего незадачливого соотечественника из дома. «Это кабинет покойного дедушки, заложившего основы благосостояния семьи, — объяснили ему потом. — И нельзя, чтобы дедушкины книги пропитывались табачным дымом». В доме царил всеобъединяющий культ предков. Каждый из живущих в нем сегодня с удовольствием расскажет вам подробную биографию и деда, и прадеда. Знать свое генеалогическое древо — так же естественно, как уметь читать, писать и считать деньги.

Быть может, самое большое преступление Системы заключается в том, что нас лишили предков. Мало того, что их уничтожили физически — убивали память о дедах и прадедах. Гордость за предков вытесняла страх, что они вообще были. Ведь всегда существовала возможность такого поворота руля, при котором твой отец или дед мог оказаться «врагом», «элементом» и «так называемым». ...Какая уж тут тяга к знанию генеалогического древа.

Незадолго перед войной отец моего героя, Георгий Александровский, захотел узнать что-нибудь о судьбе своего отца, священника, бесследно канувшего в 1938 году. Пришел в «компетентные органы» раз, другой, а на третий ему сказали: Ну, что ж, хочешь — заходи. «Зашел» Георгий Александровский надолго — на 9 месяцев. Спас его, как ни странно, приход к власти Берии: некоторых заключенных, ожидавших приговоров, тогда выпустили.

Узнать что-либо об отце Георгий Александровский больше не пытался.

Выжил сам, и на том спасибо. А потом пришло время, и государство обронило свое «реабилитирован посмертно».

Сына Георгия Александровского, Владимира, эта информация не устраивала. Он хотел знать историю своей семьи — хотя бы на протяжении нашего столетия, попытался сложить из догадок, семейных легенд, обрывков воспоминаний живой образ деда, фигуру, которая бы «начала отбрасывать тень». Он попробовал раскрыть семейную тайну: что заставило деда в начале 20-х годов отправить всех своих детей к родственникам и до своей гибели в 1938-м жить вдвоем с женой?

— Прежде чем посылать запрос в прокуратуру, надо было еще выяснить дату и место рождения деда, — вспоминает Владимир Георгиевич. — Я ведь не знал даже этого. Припомнил, что до 1958 года мы жили в Астрахани в старом доме. Поехал туда, попросил хозяев поискать старую домовую книгу. И представьте себе — книга нашлась. Я получил ее за бутылку, а вместе с ней — паспортные данные деда...

Опытные люди посоветовали Владимиру Георгиевичу: ни в коем случае не говори, что знаешь о реабилитации деда. Иначе тебе сразу откажут: государство уже принесло свои извинения — что же вам еще нужно?

Пришлось Александровскому хитрить. Он отправил в органы письмо следующего содержания: какой бы ни была правда, ответьте мне. Пусть даже мой дед был бандитом — я имею право это знать.

Времена для людей с такими вот интересами нынче более-менее благоприятные. Теперь, если приходишь в КГБ выяснять судьбу своих погибших родных, тебя уже не сажают. Напротив, беседуют очень даже вежливо. И тонко дают понять, что ворошить прошлое не стоит. Вот такая лю-

бопытная беседа состоялась у Александровского с полковником КГБ, членом комиссии по реабилитации:

— Пятьдесят лет прошло — чего вам не хватает?

— Мне всего хватает, но я хотел бы знать историю своей семьи. Кем был мой дед?

— У нас данных почти нет. Он закончил астраханскую семинарию — вот, пожалуй, и все. Дело маленькое, кучее. Показать вам мы его не можем...

— А за что дед был арестован?

— А что вам это даст?

— Даст. В «Архипелаге» целая глава посвящена статье 58. Там все расписано.

— Ваш дед был арестован 5.02.1938 г., а 14.02 осужден по статье 58, пункты 8,7,10,11...

— Дед был арестован 3.02. Дело в том, что в этот день родился мой старший брат. Пуганица у вас, и я объясню почему. В 1938 году дела должны были «раскручиваться» за десять дней, так что если вести отсчет от 3.02 — налицо невыполнение плана, а если от 5.02 — перевыполнение...

— Ну, вы все знаете...

— Так в чем же все-таки деда обвиняли?

— Какой-то там заговор — вы же знаете статью...

— Так он что, подрывал транспорт и финансы в г.Астрахани? Или на Сталина покушение готовил? Любопытно было бы узнать.

— Судя по всему, он в проповедях говорил что-то о том, что власть — бесовская и тому подобное. Сами понимаете — по тем временам...

...Прекрасно все понимал Владимир Александровский — и про те времена, и про эти. Органы свои тайны хранят свято, и вот так, «в лоб», до дедушкиного «дела» он вряд ли доберется.

— Кое-что полковник мне все же сообщил, — рассказывает он. — На

допросах дед держался стойко: ни в чем не признался, никого не оболгал, ничего не подписал — даже почерка его в деле нет. В общем, вел себя, как почти все церковники, которые шли до конца и редко ломались. Конечно, было очень приятно узнать такое о своем деде. И все же мне хотелось увидеть его «дело»...

Помог приятель, работавший в КГБ, — сообщил, что в деле вроде бы имеется опись конфискованного имущества. Знакомые — родственники репрессированных — подсказали, что он может добиться возмещения стоимости имущества. Но предупредили, что собрать необходимые документы практически невозможно. Владимир Георгиевич решил попробовать.

— Разумеется, имущество интересовало меня постольку-поскольку. Ведь опись — неотъемлемая часть дела, и я надеялся, что доберусь до него, добившись права получить компенсацию. Поехал к своей 92-летней тете. Да, говорит она мне, помню — забрали серебряную посуду, кресты, книги. Да и все остальное тоже — подчистую. Тут, кстати, я выяснил происхождение хранящихся у меня двух серебряных ложек. Во время обыска домработница сгрэбла со стола ложки-вилки и сунула их в печную трубу — так что это семейная реликвия.

Тетя припомнила даже, что был у деда большой серебряный ковш с надписью «От благодарного духовенства». После этого я и отписал в органы: так и так, прошу вернуть имущество — то-то и то-то, в том числе серебряный ковш такой-то. Там, наверное, были поражены моей информированностью...

Кроме полезной информации Владимир Георгиевич узнал от тети много интересного об истории семьи. В годы первой русской революции дед жил в Капустинском Яре и активно помогал ссыльным. Один из революционеров 15 лет спустя отблагодарил батюшку — вызволил его в 1922 году из тюрьмы после шести месяцев отсидки «за сокрытие церковных ценностей»...

— В этот момент вся разрозненная информация сложилась у меня воедино, — рассказывает Александровский. — Я вспомнил одну деталь из рассказа кагэбэшника: в «деле» со слов деда записано — «жена, других родственников не имею». Мне все стало понятно: дед дважды спасал своих детей — в 1922-м, когда он разогнал их «по родственникам», и в

1938-м, этим своим «других родственников не имею».

Казалось бы — семейная тайна разгадана, связь времен восстановлена... Но Александровского «заключило», как он сам говорит: «Если бы эта одиссея началась лет 15 назад, давно бы уже сидел в психушке с диагнозом «навязчивая идея». Ну, хочется мне посмотреть на это «дело» 1938 года. Не понимаю я, чего они скрывают. Я помню, даже Крючков где-то говорил о том, что они показывают дела...»

А еще хотелось Владимиру Георгиевичу отсудить имущество — доказать таким же, как он, потомкам ограбленных НКВД, что это возможно.

В ноябре 1990 года в Астрахани состоялся первое в жизни Александровского судебное заседание, на котором он должен был подтвердить свои права наследника. Документы для суда он собирал несколько месяцев — хватило и терпения, и опыта работы с бумагами. И, представьте себе, дело выиграл.

Недавно получил Александровс-

фото Ю. Рыбчинского

кий «откуда-то оттуда» бумагу, из которой следует, что имущество деда оценено в 493 рубля с копейками. Цифра эта Владимира Георгиевича чрезвычайно веселит:

— Вы представляете — почти 500 рублей, такие деньги! Интересно. Между прочим, с тех пор как минимум две реформы было — так что стоило бы пару нулей приписать... Впрочем, я давно решил: сколько бы там ни вышло, копейка или миллион — я все пожертвую на восстановление церкви у нас в Одинцово. Дело не в деньгах. Пусть покажут мне опись — тогда разберемся. Я все-таки доберусь до этого «дела». Из принципа...

Не знаю, удастся это Александровскому или нет. Конечно, он многим покажется чудачком, этот человек, потративший почти два года на бумажную работу, на поиски и сопоставление нескольких десятков фактов, давно ставших историей. Но когда наше прошлое с нами, мы реже совершаем ошибки и чаще задумываемся о будущем, которое творим сегодня.

Андрей ЦИРУЛЬНИКОВ

ВОЖДИ И ТОЛПА

МОГЛИ БЫ СОЗДАТЬ
И ИНСТИТУТ АНТИБОЛЬШЕВИЗМА

ГЛУМЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ НАД ТЕЛОМ
УБИТОГО ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА*

Прочтя этот документ времен революции, читатель, наверное, возмутится: зачем печатать такое? Есть грань, переходить которую нормальному человеку не дозволено, — за ней рвота, отторжение. Существует предел возможностей человека воспринимать содеянное человеком же. Зачем нам знать *про это*?

Всеобщего ответа нет. Каждый в отдельности волен отвечать себе — зачем... Авторы публикуемого документа, видимо, имели какой-то свой ответ, раз взялись за эту неблагодарную работу — собрать и систематизировать античеловеческие факты большевистской истории. До недавнего времени мы мало что знали о них, а сегодня их, кажется, с избытком. Но стоит только на время забыть, расслабиться, и история начинает дышать в затылок. Именно такое ощущение возникает от недавно открывшегося архива «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков», архива, о существовании которого давно знал мир.

Особая комиссия при Главнокомандующем Добровольческой Армией на юге России была создана в декабре 1918 — спустя год после Октябрьской революции. К этому времени накопилось уже довольно фактов, требовавших осмысления. Состав комиссии был весьма представительен: работники следственных органов и юстиции, известные в России общественные деятели, члены генерального штаба, представители ведомств иностранных дел, союзных миссий... В своей работе комиссия пользовалась выверенными документальными материалами, опросами потерпевших, свидетелей, досмотрами, выемками — со скрупулезным соблюдением, невзирая на гражданскую войну, всех пунктов Устава уголовного судопроизводства.

31 марта 1918 года под г.Екатеринодаром, занятым большевиками, был убит Командующий Добровольческой Армией, народный герой Генерал Корнилов.

Тело его было отвезено за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая Армия оставила колонию Гнадау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разездов Темрюкского полка.

Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они наткнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидав на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать замедлившаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольческой Армии, которая по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на соборной площади, где проживали гла-

*ЦГАОР, ф.446, оп.2, ед.хр.9, л.5-6. В публикации сохранены орфография и синтаксис подлинника.

Поначалу материалы комиссии носили обрывочный характер. Выявляли отдельные, наиболее яркие проявления злодеяний большевиков — гонения на церковь, убийства, истязания. Так, например, сложилось известное сегодня дело об убийстве царской семьи в Екатеринбурге или распространенная на Кубани «социализация» (официально санкционированное большевиками изнасилование) девиц в возрасте от 16 до 25 лет». Собирая подобный материал, Особая комиссия, по словам ее членов, ставила чисто «агитаторские», «пропагандистские» цели — раскрыть перед обществом аморальность большевиков. Но со временем из кучи фактов стала проступать гораздо более сложная и страшная СИСТЕМА. Членам Особой комиссии стало ясно, что большевизм коверкает не какие-то отдельные стороны жизни, а как тотальная идеология, мировоззрение, практика оказывает воздействие на все человеческое бытие, весь ход русской, а может быть, и мировой истории. К концу гражданской войны большевизм, во всяком случае среди интеллигенции, начал восприниматься как «страшный суд», Апокалипсис. В то время еще не была написана известная ныне бердяевская работа «Истоки и смысл русского коммунизма». Да деятельность Особой комиссии и не претендовала на философию. Но по мере сбора фактического материала цели комиссии стали становиться более чем ли стратегическими: наши расследования, писали они, могут «являться в будущем основой для планомерной борьбы с идеями большевизма, уже воплотившими себя в жизни и давшими известные результаты», служить материалом «для научного исследования этого исторического феномена...»

Думается, пришло время таких исследований. По меньшей мере странно, что до сих пор мы имеем закамуфлированный, с новой вывеской, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, но не имеем института исследования этого «феномена» — социологического, психологического, философского... Между тем собранные Особой комиссией и сгруппированные в ряд разделов материалы могли бы стать хорошей основой Института антибольшевизма. Здесь отражены целые направления злодеяний большевиков: уничтожение демократических и общественных организаций, замена органов судебной власти и закона «революционной совестью», технология массового уничтожения идейных противников, общий и индивидуальный террор как способ возмездия и устрашения, уничтожение свободы совести, слова, собраний, российской системы народного образования, коренных основ семьи... Большой практический интерес для понимания реалий сегодняшнего дня представляет, на наш взгляд, раздел «Экономические мероприятия большевиков», проясняю-

вари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; воздух оглашался отборной бранью, — ругали покойного. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, — не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывели на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей Советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами. Появились фотографии, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части и обрывки разбрасывались кругом. «Тащи на балкон, покажи с балкона», кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: «не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве». Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. «Теть, да он совсем голый», с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине.

Но тут же веревка оборвалась и тело упало на мостовую. Толпа все пребывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать и, когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп без сомнения принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. «Посмотрите и увидите» — приглашал он сомневающихся. Кроме того он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и, что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», — заключил он. И действительно приходится считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади, перед гостиницей Губкина продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: «стой, — буду стрелять из пулемета», — и толпа отхлынула.

щий истоки нынешнего отношения к собственности, такие актуальные явления, как конфискация, ревизия, контрибуция, деморализация рабочего класса и др. А для понимания психологии большевизма, по-моему, очень важен раздел «Характеристика руководителей центральной власти и исполнителей на местах (образовательный ценз, возраст, уголовное прошлое, болезненная наследственность и пр.)».

Конечно, времена другие, и среди тех, кто сегодня отстаивает ценности русского коммунизма, мы вряд ли найдем, как раньше, в городе Таганроге чудную большевистскую верхушку: военного комиссара, отбывшего в старые времена каторгу за убийство, или председателя контрольной комиссии по перевозке «бриллиантов для диктатуры пролетариата» — известного в прошлом грабителя по кличке «Пузырь». И все же... Это хранящееся в архиве, не поддающееся комментариям дело № 6 лично я воспринимаю не только как историю 1918 года. Скорее оно напоминает вечное, каждую минуту готовое ожить снова библейское предание. Из него вырезан Иисус Христос, и главное действующее лицо этой исторической сцены другое — темная страсть, чернь, толпа. То есть мы с вами, какими можем — разум опровергает, а жизнь упрямо доказывает — м о ж е м быть. Или не сможем. Если не позволим подогреть в себе темные страсти, если не послушаем тех, с балконов...

Не менее двух часов тешился народ. Отдан был приказ увести труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка, с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная, шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось, — к трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивая на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки, и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить все работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивший труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженых, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Остановившись у подъездов, ряженые звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

5 апреля в Екатеринодарских «Известиях», на видном месте, была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами: «...в 12 часов дня, отряд т.Сорокина доставил в Екатеринодар из станицы Елизаветинской труп героя и вдохновителя контр-революции — ген.Корнилова». Далее в заметке говорилось: «после фотографирования труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению».

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой Армии прибыли из Екатеринодара в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и полковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой; нашелся в ней один только небольшой кусок соснового гроба.

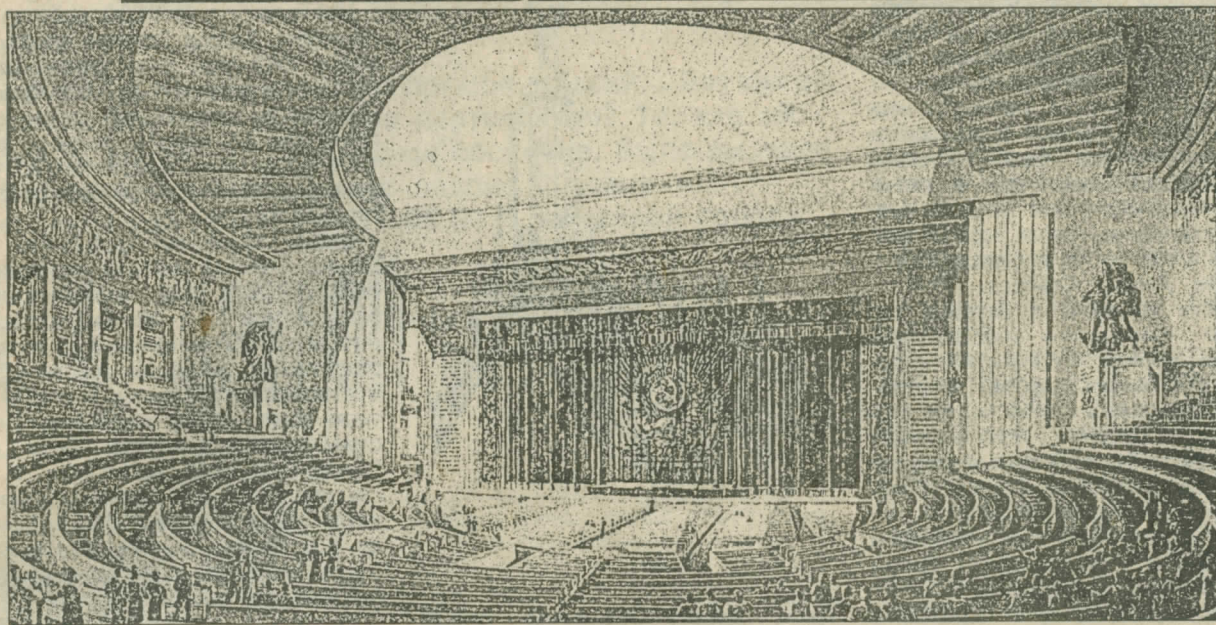
*Председатель Особой комиссии по
расследованию
злодеяний большевиков, состоящей при
Главкомандующем Вооруженными Силами на
юге
России*

(штамп, подпись)

ДВОРЕЦ ПОД КОЛЕСАМИ

Дворец Советов. Чудовищная фантазия, так и не ставшая, к счастью, реальностью. Легендами окутано рождение этого замысла. Легенды складывались о том, каким будет «самое большое в мире здание». И легенды же звучат, когда речь заходит о бесследном исчезновении с лица земли несостоявшегося исполина. Вот потому-то начать этот рассказ я хочу с документа:

«НКВД.

Управление Северного железнодорожного исправительного трудового лагеря СМ04.

11 августа 1942 г. № 1/974.

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее удостоверение инженеру Строительно-мостового отделения № 4 Севжелдорлага НКВД СССР тов.Болохвитиновой Марии Сергеевне в том, что она командировается в гор.Москву на работы по демонтажу конструкций Дворца Советов для мостов Северо-Печерской магистрали.

Начальник Строительно-мостового отделения № 4 Янушевский».

...В один из дней января 1942 года председатель Госплана СССР Сабуров принимал у себя в кабинете заместителя наркома внутренних дел, комиссара госбезопасности III ранга Чернышова и начальника Главного управления лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС

НКВД СССР) комкора Френкеля. Третьим в этой маленькой «делегации» был старший инженер отделения мостов ГУЛЖДС Борис Георгиевич Степанов... Теперь, полвека спустя, он вспоминает:

— Незадолго до войны началось строительство железной дороги Коноша—Котлас—Воркута, называемой Северо-Печерской магистралью. Все работы осуществлял наш главк — ГУЛЖДС. Уже в самые первые месяцы войны определилась срочность этой трассы — страна и ее армия, отрезанные от Донбасса и Бакинских месторождений, остро нуждались в угольных запасах Воркутинского бассейна и нефти Ухты. Строительство железной дороги, на котором трудились тысячи заключенных, шло буквально днем и ночью. Однако задержка могла получиться из-за отсутствия металлических ферм для мостов через многочисленные реки на участке от Котласа до Воркуты. Между тем металлического проката для этой цели найти никак не удавалось. Вот тогда наше начальство и отправилось в Госплан.

«Свободного металла сейчас нет, — отрезал Сабуров. — Единственное, что могу вам предложить, это металлические конструкции Дворца Советов...»

420-метровая громадина по проекту должна была опираться на мощный каркас, для которого в Днепропетровске катали даже особую сталь — марки ДС («Дворец Советов»). Однако к началу войны успели смонтировать лишь небольшую часть каркаса. На дне громадного котлована установили 32 «башмака», на которые должны были опираться гигантские колонны залов первого этажа. Кроме того, частично был собран каркас стилобата — нижнего яруса дворца. «Клетку» этого каркаса высотой почти с десятиэтажный дом успели возвести со стороны Волхонки и под прямым углом к ней на небольшом участке вдоль нынешнего Соимоновского проезда... Вес смонтированных конструкций составлял приблизительно 25 тысяч тонн.

— ...Вот этот металл нам и предложили в Госплане для постройки мостовых ферм на Северо-Печерской

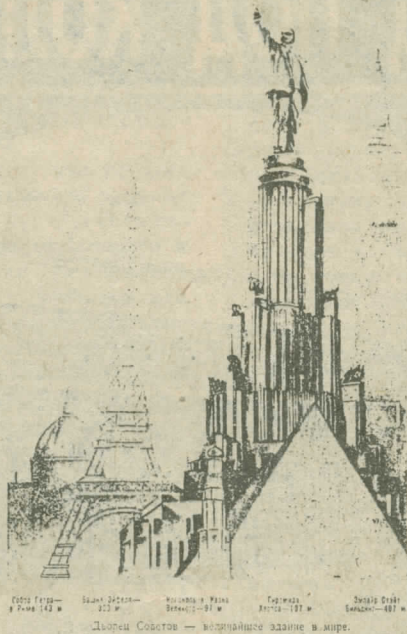

магистрالی. Вопрос благополучно решился буквально в два дня. Так что, я думаю, он был предварительно согласован «в верхах». Говорят, Сталин, одобрив постановление о передаче недостроенного Дворца Советов в ведение ГУЛЖДС, написал: «Выиграем войну, построим заново».

Как бы то ни было, уже через несколько дней в Котласе организовали мостоучасток, где было несколько вольнонаемных инженеров и техников и приблизительно человек двести заключенных. Затем всех их отправили в Москву, на площадку строительства Дворца Советов.

«Зеков» устроили в бараках, где раньше размещались рабочие этой стройки. «Новоселы» сами же и обнесли эти бараки колючей проволокой, оборудовав в самом центре столицы «зону»... Кстати, такой любопытный штрих: все заключенные, трудившиеся на демонтаже Дворца Советов, получали красноармейский паек. А руководившим ими инженерам мостоучастка полагалась только лишь карточка служащего!

Непосредственно к разборке конструкций приступили летом 1942 года. Никакой специальной техники не было. Заклепки срезали автогенном, бетонные заделки крушили ло-

Слева направо: Башня Дворца Советов — высочайшее здание в мире. Дворец Советов — высочайшее здание в мире.

мами. Вместо подъемных кранов использовали сколоченные из бревен и досок укосины. Снятые металлоконструкции на грузовиках везли в Лужники, на бывшую базу строи-

тельства Дворца Советов, и там на специальных погрузочных эстакадах переключивали на железнодорожные платформы.

Мостоучасток ГУЛЖДС работал на площадке Дворца Советов вплоть до весны 1943 года. Были демонтированы все конструкции, за исключением «башмаков» центральной части — их приказали не трогать (видимо, все-таки тогда еще действительно надеялись после победы возобновить строительство).

Около половины «добытого» из Дворца Советов металла передали в НКПС СССР для восстановления разрушенных железнодорожных мостов на освобожденных от немцев территориях. А другая половина демонтированного каркаса — около 10 тысяч тонн — была использована при строительстве мостовых ферм для Северо-Печерской магистрالی. И до сих пор стоят эти железнодорожные мосты через Северную Двину, Выгедду, Усу, Вилядь, Вымь — прекрасный металл марки ДС гарантирует им долгую рабочую жизнь...

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Иллюстрации из домашнего архива Якова ХАМКИНА

ШАМПАНСКОГО НЕ БУДЕТ

В конце мая или начале июня — сроки еще не уточнены — в спорткомплексе «Олимпийский» пройдет первое в совке бизнес-шоу. Точнее, «БМВ бизнес-шоу», которому решили придать трагический поворот и посвятить его жертвам автокатастроф.

Вообще-то идея о бизнес-шоу пришла в голову не магнатам «БМВ», а нашему бизнесмену Сергею Рошально. Он встретился в Москве с представителем фирмы Андре Йезнахом, предложил сделать что-нибудь эдакое совместное и после долгих ожиданий получил факс от президента фирмы с согласием. Платит за все «БМВ». Фирма приглашает исполнителей из-за рубежа, оформляет сцену своими автомобилями и мотоциклами. И организации, имеющие валюту, смогут купить машину,

контракты там какие-нибудь подписать: бизнес-шоу!

Обычно кто платит, тот диктует условия. И «БМВ» продиктовала: никаких спонсоров. А жаль — было бы красиво: Московский завод шампанских вин пожелал войти в долю и прислать на шоу вагон шампанского.

Гордо отвергнув советское шампанское, миллионеры «БМВ» преисполнились нежностью к ГАИ и МВД, которые примут в шоу участие. А все из-за того, что эти ведомства пользуются автомобилями «БМВ». Участие ГАИ и МВД будет заключаться в том, что они предоставят душераздирающие кадры кинохроники, где под не менее душераздирающую музыку будут показаны последствия ужасных аварий.

А в общем все пройдет весело и жизнеутверждающе. Выступит Те-

атр песни Аллы Пугачевой. Будет представлена коллекция одежды «Рошаль мода» и покажет себя скандально известная гей-группа «Рошаль-мод».

А теперь о самом трогательном: в зал на 15 тысяч человек три тысячи пригласят бесплатно. Это будет: уже упомянутые представители ГАИ и МВД и, поскольку в организации участвует журнал «Предприниматель», предприниматели — ведущие бизнесмены страны и народные депутаты. Остальные зрители отдадут за вход 10 рублей.

Так что давайте ждать лета, чтобы за червонец насладиться качественной советской и зарубежной эстрадой и ухватить кусочек красивой жизни.

Но почему же так грустно?

Елена АВЕРИНА

Юрий БОГОМОЛОВ

Сергей Кургинян — человек прямой, резкий... Вот как он выражается: «Что страшнее партократии? Те, кто ей задницы лизал. Это отдельное сословие. Была высокая профессия — облизывание задов». Сказано в «Независимой газете» от 19.02.91 г. на второй полосе,

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

А с другой стороны и на следующей странице того же номера «Независимой» представлена фотография, на которой он — Кургинян — запечатлен рядом с одним из самых высокопоставленных партократов, Юрием Прокофьевым.

И не зная должностей и фамилий сфотографированных, сразу видишь кто есть кто.

Тот, кто в фас, просматривающий поднесенную ему бумагу, — Хозяин. А тот, который в профиль, придерживающий ее двумя пальчиками, — Слуга.

В фас — не то Фамусов, не то Крутицкий.

А в профиль — если не Молчалин, то Глумов.

Впрочем, возможно, это всего лишь поверхностное впечатление. Фотоснимок вообще обманчив: он нередко случайно выдает за фундаментальное. Но ведь и документы, обнародованные «НГ», говорят о том же. И «Политический макет доклада Сайкина», и «Записка т.Воротникову», и прочие инструкции более всего свидетельствуют о том, что их автор из того же сословия, кое так искренне и горячо обличает.

Другое дело, что он эту «высокую профессию» облизывания поставил на новую высоту, прежде невиданную и, более того, — немислимую.

И тут есть смысл обратить внимание уже не на самого Кургиняна, а на то явление, которое он знаменует.

Дело в том, что вместе со сменой образа партократа меняется и конфигурация его тени — советника, отчасти тайного, но во многом и явного.

Прежде какие образы политического функционера были в ходу? Надменно-помпезный человек, читающий по бумажке. Внешними атрибутами его власти были шпалгалка, трибуна и свита. В условиях командно-административного режима такой скудный ассортимент властных признаков был вполне достаточен.

Несамостоятельность политических функционеров обрекала на нетворческий характер их помощников. Что входило в круг их обязанностей? Подыскать подходящую к случаю цитатку, что-нибудь сформулировать, с чем-нибудь сверить... Отсюда и бледность, индивидуальная невыразительность личных помощников и советников тогдашних партократов.

Для широкой публики они просто не существовали. И разговорчивый, страдающий недержанием идей Кургинян в этом качестве тогда был не

возможен. Потому что номенклатурщикам типа Сайкина и Воротникова он был без надобности. Он был для них роскошью, чем-то вроде архитектурного излишества. Им не требовались никакие политические макеты, раз они имели однажды и навсегда политическую подсказку в виде все-сильного учения. А когда вроде бы понадобились, то выяснилось, что воспользоваться ими уже не могут — не так воспитаны.

В условиях рыночной политики те партийные лидеры, что хотят удержаться на плаву, должны брать уроки актерского мастерства, продумывать драматургию публичного поведения и пользоваться услугами профессиональной режиссуры. Кургинян для Прокофьева, Павлова и других аналогичных клиентов — уже не роскошь, а средство передвижения в политическом пространстве и, возможно, выживания в нем.

Как Кравченко — для Президента. Постановочно-режиссерская ступень деятельности нового председателя телерадиокомпании до сих пор оставалась в тени его охранительно-цензорских забот. Но вот он сам, возможно, нечаянно, обмолвился в газете «Куранты» относительно того, что М.С. Горбачеву понадобилось сделать четыре дубля для записи его выступления перед зрителями. От дубля к дублю менялись текст, интонация, поза, пока, наконец, мы не увидели то, что мы увидели. Но дело не в результате, не в том, хорошо или плохо срежиссировано выступление и сыграна роль; дело — в технологии, которая, как мы теперь видим, приоб-

рела художественный характер. И запись, следовательно, имеет совсем другую цель, нежели прежде. Не оскопительную, а эстетическую.

Ради объективности надо признать, что Кравченко, как политический дизайнер, на порядок ниже Кургиняна. Он все-таки из того времени и того племени чиновников, что на подхвате, что умеют заштриховать, высветить, но не сочинить... Мизансценировать, посоветовать Президенту интонацию, порекомендовать ему жест, подсказать слово, — это он может. А вот чтобы предложить шефу перспективу, захватывающую дух, чтобы увлечь исполнителя совершенно новым рисунком старой роли, — на это творческих способностей у Л.П.Кравченко не было, нет и, боюсь, не будет.

Зато они в избытке у Сергея Кургиняна. Потому последний возглавил Экспериментальный Творческий Центр. А первый — только Останкинский телевизионный центр.

Теперь представим, что Молчалин приобрел темперамент Чацкого, не чужд его гражданских амбиций, имеет склонности к философствованию.

Из соединения Молчалина с Чацким вышло то, что Островский назвал Глумовым.

Нынешнему Глумову, понятно, мало театра «На досках». И даже театра как такового. Теперь он геополитик. Он проникает потаенные замыслы транснациональных корпораций, прозревает всевозможные деструкции и уже не просто редактирует трактат Крутицкого «о вреде реформ

вообще», но сочиняет его, пользуясь при этом вполне современным языком для выражения достаточно архаичных идей.

Как и прежде, охотно злословит, угодничая, и угодничает злословя. Ново то, что он не делает тайны из своего «дневника», как, впрочем, и из своей ангажированности. Цинизм для него — всего лишь краска, придающая демонический оттенок его образу.

Инфернальность украшает тайных советников сильных мира сего.

Кургинян пытается произвести впечатление на публику не как Кашипровский посредством вульгарного экстрасенсного давления, нопутем вовлечения ее в игру интеллектуально-азартную. Он все время мечет колоду идей и все время передегивает.

Интеллектуальное шулерство может быть столь же увлекательно, как карточные фокусы. Вот он вам показывает антикоммунистическую карту, и нет таких уничтожительных слов, которыми бы он не заклеил партбюрократию. Но неуловимый логический кульбит, и он уже не находит слов, чтобы воздать должное самоотверженным хозяевам высоких кабинетов.

Впрочем, и на Кургиняна довольно простоты. Ставя политический спектакль, разводя мизансцены, давая указания гримерам и осветителям, он, пожалуй, слишком торопится выйти на аплодисменты. Возможно, это его и погубит.

МегаполиС

предлагает:

Компьютеры
Лазерные принтеры
Сканеры ручные
и автоматические
Стрипперы
Плоттеры всех форматов
Множительную технику

Факсы

и комплектующие.

Осуществляем ремонт
компьютерной техники.

Оплата в рублях

Все с ГАРАНТИЕЙ

Наш телефон: 203-31-68

Для писем: 107078

Москва, ад.ящ. 311

АРЕНДУЕМ ПОМЕЩЕНИЕ
ДЛЯ ОФИСА, СКЛАДА.

ОРКЕСТР БЕЗ ПРАВА НЕУДАЧИ

Потому что первый, независимый,
коммерческий. И симфонический

Мне лично трудно понять: как это она собирается существовать сегодня, «серьезная» музыка? На какое место может претендовать в нашей вконец дисгармоничной жизни? На какую самоокупаемость в условиях тотальной коммерциализации рассчитывать? До высоких ли нам отвлеченностей, до Чайковского, до Бетховена ли, когда неотвязчиво, монополично звучит в нас другая музыка. Журнализм в искусстве владеет душами: политический рок, эстрадный плач-кич по белой гвардии, разнокалиберные пресс-дуэли, спектакли-обличения пороков соцреализма. Остальное вроде бы не для нашей бедности. И вот в такую-то безыллюзорную пору возникает в столице некий независимый, коммерческий, а по определению министра культуры СССР т.Губенко — кооперативный симфонический оркестр. Последняя, министерская характеристика должна бы быть оскорбительной для высокого искусства. Но есть в ней и доля произвольного комплимента. Ибо кооперативное — это то, что находит сбыт. Удивительное дело, при трансляции по ТВ выступлений нового оркестра из Большого зала

Московской консерватории телеоператоры не робели показывать зрителям — зал был полон. Даже на концертах Большого симфонического оркестра Гостелерадио СССР (Всесоюзной теперь телерадиокомпании) или Госоркестра СССР камеры в лучшем случае аккуратно панорамируют по партеру, выбирая наиболее скученные места в зале. Слушателям ведь все равно, на какие средства существует оркестр. Они приходят на любимого дирижера, на новые имена, на свежее прочтение. Но я, увы, не из рядов этой почтенной музыкальной публики, для которой консерватория — часть личной жизни, еженедельный ритуал. Я, журналист, хочу дознаться — каким материальным образом удалось «прекрасное начало» Российскому национальному симфоническому оркестру во главе с блестящим, всемирной известности пианистом М.Плетневым. И в перерыве между репетициями группы валторн и контрабасов задаю свои наивно-меркантильные вопросы директору-распорядителю оркестра Л.Окуню. Разговор происходит в Концертном зале гостиницы «Космос».

— Не слишком ли шикарен этот зал для репетиций начинающего оркестра? Влетает, верно, в копейчку?

— Тысяча рублей за репетиционный день. Дорого. Большой зал консерватории дешевле. Но — Госоркестр, и он-то не стал бы делиться с нами репетиционным временем. А здесь наша монополия. Мы могли бы арендовать отличный зал в гостинице «Измайлово» за 600 рублей. Но захотелось сделать оркестру праздник. Чтобы обычный рабочий день музыканта протекал в приподнятой обста-

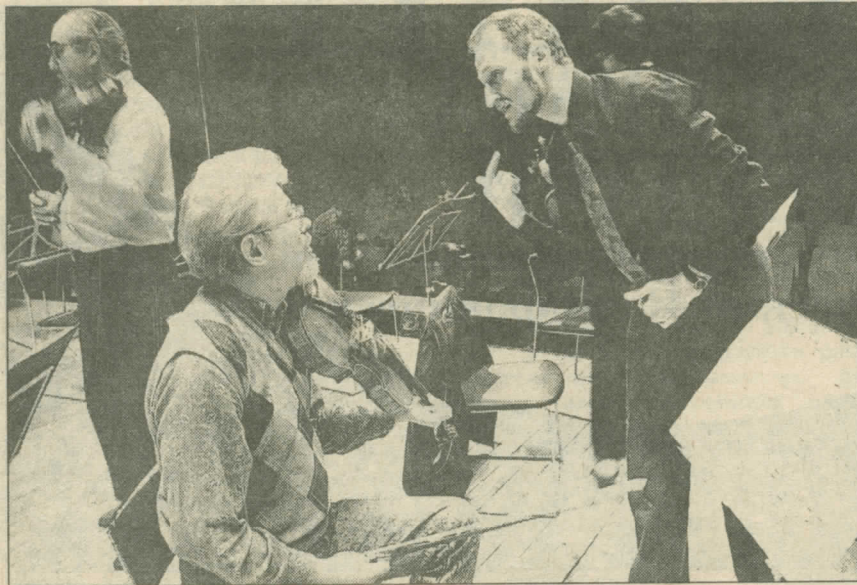
новке. Сюда входя, с порога приобщаешься к вещам несуетным. Это обязывает. Взгляните на сцену. Я знаю очень многие оркестры, я работал в филармонии, был зав. музыкальной частью в театре у Товстоногова, у Райкина. И когда в оркестре завершена репетиция, музыканты шумною толпою быстро разлетаются со сцены. Перед вашим приходом репетировали валторны. Все кончилось, а два музыканта сидят и работают, не отключились еще. Этот настрой на творчество — всегда быть в

форме — отличает оркестр Плетнева.

— Обстановка на репетициях не самая традиционная, и это вдохновляет?

— Оркестр рождался, как рождаются студийные театры. Как явился на свет «Современник» — из подполья, из московских квартир, из мечты. Симфонические оркестры никогда в истории так не собирались. До Октября была императорская филармония, она имела императорский оркестр, где играли лучшие музыканты,

свои и из-за границы. При Советах создавались госоркестры — при радио, при Ленинградской филармонии, при Московской. Сперва объявлялась структура, выделялись деньги, затем назначали дирижера. Потом уже комиссия набирала музыкантов по своему усмотрению.

Здесь происходило все наоборот. Начинателем был музыкант. Известный всему миру Михаил Плетнев. Экстра-класса пианист. Творческая личность такого масштаба, что роля ему просто мал для самовыражения. Он знает семь языков, великолепно рисует. Он — дирижер нового типа. Ему и нескольким его друзьям, что сейчас концертмейстеры в оркестре, пришла идея собрать единомышленников. О том проведала студия «Москва», занимавшаяся прокатом эстрадных номеров — Малинина, Вайкуле, Минаева, имевшая свой счет в банке, определенную сумму свободных денег и две выстоявшие организации — «Интерфест» и Министерство культуры СССР. Директор студии Т. Сухачева встретилась с Плетневым. Поговорили, ну, может, не совсем как Станиславский с Немировичем-Данченко, но альянс состоялся. Сошлись, что создать коммерческий оркестр и студия берется его финансировать. По инициативе студии «Москва» несколько предприятий учредили благотворительный фонд «Артника» («искусство побеждать»), и появилась таким образом финансовая основа под идею Плетнева. Нормальная для начала сумма, чтобы выплачивать музыкантам сравнительно высокую зарплату.

— И тогда пошли слухи по Москве, что вот такой вылез на сцену нехороший оркестр, забирает всех музыкантов из приличных коллективов, заманивая длинным рублем. И министр культуры СССР тогда по телевизору сказал: надо принять меры, чтобы люди из Большого театра не уходили в «какой-то кооперативный оркестр»...

— Все говорили: к нам повалили музыканты, поскольку мы их заинтересовали материально. Да, если в госоркестре у музыканта средний оклад был где-то 300—400 рублей, у нас он — около тысячи. Но там люди кормились зарубежными гастрольями. Знали на два года вперед свое расписание, свое надежное обеспечение. Уходя к нам, они все понимали, что как минимум на год будут обречены на репетиционный период, период становления, что вклиниться в систему запланированных зарубежных гастролей в симфонической музыке у нас очень сложно. Так что не лишком они выиграли в денежных знаках.

Необходима была определенная смелость. Человек имел устойчивость, привычные формы госзащиты, гарантии. Здесь нет госдотаций, зато есть шанс прогореть. Но — шли к Плетневу. Он был магнитом. Шли из другой структуры к творчеству. Все наши концертмейстеры — лауреаты разных конкурсов, многие — доценты консерватории, преподаватели музучилищ, заслуженные артисты автономных республик. И я тоже бы на месте дирижеров госоркестров рвал на себе волосы — у меня забирают все, чем я живу. Как запол-

нить бреши? Все ждали, когда мы провалимся. Пугали музыкантов, будто мы не потянем материально, будто, по верным данным, деньги уже на исходе. А мы, могу уже точно сказать, справились.

Обеспечили людей окладами, помещением, инструментами, фраками — их сейчас дошивают в Финляндии... Вон, смотрите, радость какая — контрабасы пришли из Германии. Только что с таможни. Контрабасисты прыгают, как дети вокруг любимых игрушек. Валютой, между прочим, заплатили. Сам Плетнев на свои купил, на концерты свои за границей бесчисленные. И трубы, и флейты, и кларнеты, вся духовая группа, и еще ударные установки, литавры — на его доллары. Таков уровень. Я не знаю другого дирижера, который бы выложил свои купюры, чтобы купить трубу трубачу...

— Но я правильно понимаю: пока вы живете отнюдь не коммерческим, а благотворительным образом? На средства фонда...

— Коммерческая работа начинается тогда, когда заключается контракт. Идут поездки — идут деньги. В Союзе мы работаем б е с п л а т н о. Принципиально. Только благотворительные концерты. Нет смысла: Госоркестр получает за выступление в консерватории около тысячи рублей. Оплату зала берет на себя, все остальное — дотируется. У него — норма: сделать 11 концертных выступлений в месяц — 11 тысяч, а дальше живет милостью государства. Нам эта тысяча за выступление погоды не сделает. Зато мы можем себе позволить любую программу. Сейчас объявили «Все симфонии Бетховена». Играем их в пользу консерватории, которая рушится. Зато, не получая в Союзе деньги, мы можем поехать куда хотим. Где только есть пригодный зал. Свобода маневра в своей стране. Важно завоевать авторитет. Не так, чтобы сперва нас признали там, а потом приняли здесь.

— Простите, а вы уверены, что вас с симфонической музыкой в советской глубинке ждут не дождутся?

— Наши концерты в Пензе прошли «на ура». Ни одна провинция еще про себя не сказала, что не хочет симфонической музыки. Туда просто валом гонят эстраду. Нельзя все время кушать шоколад, даже если и принять рок-музыку за самое сладкое лакомство. А им уже перекормили, и по радио и на ТВ. На периферии масса живых людей, для которых желанна настоящая музыка. В Тольятти, на

юбилее нашего спонсора Автоваза, мы сыграли 4 концерта. Последний — для детей, и дети лезли на сцену! Ребенка не заставишь хлопать, если ему не нравится. Именно там понимаешь, что мы нужны. А Плетнев — культуртрегер, считает необходимым выступать всюду, где нас ждут.

— В Союзе вам, конечно, нужны меценаты?

— И как можно больше. Среди наших спонсоров сегодня уже такие фирмы, как Автовазбанк, Кредобанк, Интурист. Они нам — деньги, мы — рекламу.

— Когда же вы станете «коммерческими», окупать себя начнете?

— Первая поездка у нас была в Лондон. Мы записали пластинку с известной фирмой «Верджин рекордс» для выпуска на европейский рынок. То есть сделали визитную карточку. На Западе мудрено пробиться незнакомому оркестру. При записи в Лондоне — Би-би-си, представители крупных фирм. Для них мы были неожиданностью — оркестр, взлетевший буквально за 4 месяца с момента рождения. Как сказал президент одной из крупнейших импресарских фирм, «Коламби Артист», господин Вилфорд, наш коллектив вышел на 3-е место в мире, наравне с Берлинской филармонией. Тут же мы получили приглашение от одной фирмы на гастроли по Европе. Когда знаменитый пианист Ива Погорелич, окончивший, кстати, нашу школу при консерватории вместе с Плетневым, увидел снятый о нас фильм, он сказал, что своим именем поможет нам выйти на европейскую сцену. Предложил гастроли в Испании, Португалии. Сейчас едем в Израиль — это будет точная проверка на успех. Сыграв там, получаешь резонанс на весь мир, ибо к этому месту приковано всеобщее внимание.

Ни один симфонический оркестр в Союзе себя не окупает. Вся заработанная валюта идет государству. Нам могут, конечно, обложить безумными налогами, но остальное пойдет на нашу личную жизнь. Мы много чего хотим. Свою базу, например, для жилищного строительства.

— Вы совершенно в себе уверены? Ни капли не боитесь вылететь в трубу? Если, не дай бог, не покорите прихотливую публику...

— То бишь если окажется, что все наше единомыслие, единомыслие, сыгранность — блеф, филькина грамота. Пока любой наш контакт со слушателями доказывал обратное.

Госоркестры беспечно су-

ществуют, даже когда плохо играют. Мы своим появлением спровоцировали их на то, чтобы повысить своим музыкантам зарплату. Будто раньше никто не задумывался над убогими ставками в оркестрах. Вот что значит конкуренция. Госоркестр независим от успеха. Отыграет свой запланированный одиннадцатый в Союзе, потом Госконцерт заделает ему гастроли, и он поедет — по самой низкой сравнительно с ведущими мировыми оркестрами категории оплаты. У нас же нет права быть неинтересными публике. Мы должны иметь разнообразный репертуар. У нас есть, к примеру, четыре маленьких состава: духовой квинтет, духовой квартет и два струнных квартета. Госоркестр — это неизбежно ограниченность репертуара. Диктат художественного руководителя там — тоже не редкость. Когда Светланов выезжал за рубеж, брал с собой людей со стороны. Нужных людей. Помните нашумевшую историю с забастовкой? Вторые скрипки воспротивились «блатным» перед поездкой во Францию. Так он потом эти скрипки наказал путем аттестации. В госоркестрах практикуется такой способ — раз в пять лет проводится аттестация с целью устранения негодных. Сама структура способствует произволу.

Какой, вы спрашиваете, был успех у публики? Тогда оркестр Светланова повез в Париж два концерта Хренникова, что не вызвало особого вдохновения у коллектива. Приходилось, однако, играть. Светланов с Хренниковым в хороших отношениях, он член Союза композиторов. А здесь мы все зависим друг от друга. Дирижер — от каждого из нас, от администратора до кларнетиста, и все

— от публики. Нет, здесь мы Хренникова через силу играть не будем...

— Вы ощущаете внимание к себе со стороны людей государственных? Ведь и товарищ Н.Губенко, и даже премьер-министр В.Павлов с экрана, с трибун часто повторяют о необходимости спасти культуру срочным порядком. Ваш оркестр — национальный, российский — это реальный вариант сохранения национального достояния, музыкальных талантов. Альтернатива их бегству за рубеж...

— Министра культуры СССР мы не единожды приглашали: на презентацию, на концерты. Но министерство не позволяло нам до презентации писать на афишах наше название — Российский национальный симфонический оркестр. Министерство культуры РСФСР тоже не баловало нас. Нас «узаконил» потом сам министр культуры России Ю.Соломин, он-то не пожалел времени, чтобы узнать, послушать новый оркестр.

Существует такая «мюльхаймская инициатива», советско-немецкая, по которой 22 июня произойдет акция примирения, грандиозное действо против войны. Весь мир по «Орбите» услышит прекрасную музыку, способную служить прорывом ко всеобщему братству. Режиссер с советской стороны пригласил нас. А товарищ Губенко наложил запрет на участие оркестра Плетнева в этом международном деле. Не для кооперативного оно, мол, оркестра.

Что ж, противостояние Союза и России проявляется в самых разных формах. А культуре у нас не привывать спасаться силами самой себя, утопающей...

Беседу вела Аэлита ЕФИМОВА

Фото Ю.Штукина

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

«ДОНЕЦК-120.
«XI Международный
фестиваль джазовой
музыки»

Пластинка ВПТО
«Мелодия»

Запись концертов джазовых фестивалей — одна из лучших традиций «Мелодии». Таллинн (тогда еще с одним «н»), Москва, Ленинград, Биштонас, Тбилиси, Электрэнэй, Ярославль — далеко не полный перечень городов, где проводились фестивали, представленные потом на пластинках. Теперь есть в нем и Донецк, отмечавший в 1989 году 120-летие, откуда и появилась цифра «120» в названии. В двойном альбоме представлены семь коллективов и солистов из Калининграда, Донецка, Горловки, Москвы, ГДР и США, среди которых джаз-оркестр «Коллегиум», дисксилэнд В. Колесникова, квинтет С. Иванова, дуэт Т. Набихта и Б. Вреде, М. Альперин, А. Шилкопер, К. Маслак. На пластинке принципиально невозможно передать фестивальную атмосферу, складывающуюся не только из выступлений, но и из репетиций, ночных «джемов», звуков трубы или саксофона, нарушающих тишину гостиничных коридоров, но можно представить самые разные направления, стили и вкусы, чтобы этакая мешанина дала ощущение непохожести импровизационной музыки. Такие записи не просто нужны — они необходимы. Без них фестивальное движение неизбежно станет более скучным, менее праздничным.

А.Г.

Дневник Ч.

ТОВАРИЩЕСТВО СТАНИСЛАВСКИХ

Творческое
объединение
«Товарищество
режиссеров»
СДТ РСФСР,
ген. директор А. Рафиков

«Товарищество» недавно показало в Москве спектакль «Вишневый сад» с участием выписанной из Англии актрисы Кэролайн Блэкистон, для которой реплика Шарлотты из 2-го действия: «Кто я, зачем я, неизвестно», обрела буквальный смысл. Теперь оно обнародовало свои планы, способные воодушевить завзятых скептиков и озадачить ярых оптимистов: возрождение культурных центров российской провинции, поддержка разваливающихся театров, фестиваль «Рубежи», создание Чеховского мемориального центра в Таганроге и проведение там еще одного фестиваля. А еще — открытие благотворительной столовой, установка памятника Чехову в Москве и даже переименование Свердловского района в Чеховский... В свое время «Товарищество», не взяв ни копейки у государства, объединило режиссеров, по разным причинам вытесненных из профессии. Хочется верить, что оно не слишком увлечется коммерческими забавами и не станет монополистом по отношению к «неприсоединившимся», а главное — что членам «Товарищества» удастся поставить несколько хороших спектаклей. Ведь они уверяют, что «Станиславских и Немировичей у нас полно».

Р. Д.

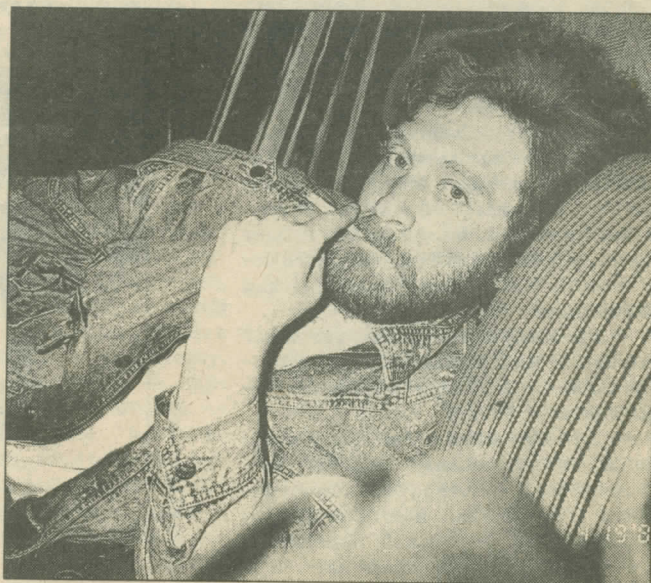
ХОРОШАЯ ВЫСТАВКА

Выставочный зал на
Тверской, 25
Выставка Владимира
БРАЙНИНА

Этот зал долгое время можно было упрекать в отсутствии чуткости к истинным дарованиям. На его стенах находили «приют и почет» переряженные эпигоны соцреализма, незамутненного рефлексией; лощеные, неприлично наивные и вялые пейзажи и натюрморты — словом, весь букет канонических жанров на фоне тематических полотен. Странно было увидеть в этой милой лавочке работы Брайнина, но и познавательное: тем убийственнее стало здесь понятие «качество». По всем иным параметрам его картины совершенно

традиционны. Это городские лирические пейзажи, коими со времен Гварди владеет Венеция и со времен Махаева — Петербург. Но ново в них обаяние, под которое подпадают равно и Академия и «левая» публика. Самый требовательный взгляд отдыхает на его живописных эффектах, сквозь которые проступают прелестные, почти геральдические видения города. Города воображенного, но по многим приметам это — Москва, увиденная как бы сквозь оптику отражений витрины, где выставлен исполинский аквариум. Декоратор по преимуществу, Брайнин берет не салонным шиком, но утонченной, интимной, глубоко субъективной лирикой. И у него хватает вкуса обойтись без потуг на модернизм. Выставка особо привлечет тех, кто ценит искусство не только за «новаторство».

Глеб СМЕРНОВ

САНИТАРНАЯ ЗОНА

«Сэнит Зон» («Бля!»)
Т/о «Рapid», АО «АКВО»,
реж. Е.Гальперин

Во время премьеры фильма в Доме кино одни зрители с возмущением вылетали из зала, другие, слишком близко к сердцу приняв гипертрофированный совковый маразм, восклицали: «Как мы живем!», третьи были почему-то искренне фразированы импровизированным аукционом предметов сангигиены, сопровождавшим презентацию. А иностранцам все понравилось. Так что смело можно утверждать, что мнения разделились. Сошлись они в одном — трехбуквенное слово, вынесенное в подзаголовок, не нравится всем. И мне тоже. Хотя для тех, кто жизнь учил не по учебникам, оно, к сожалению, входит в комплект явлений, называемых социалистической

действительностью. А слово-то — древнее, о чем и дана справка в начальных титрах. Отбросив экспрессию емких выражений и обратившись к источникам, можно узнать диапазон его исконных значений: от «готовности продаться» до «впадения в ересь», между которыми — «вздор», «обман» и «блуд». Режиссер — автор знаменитых «Ералашей» — сделал ожидание некоего «поезда дружбы» в условно-провинциальном городе сквозным сюжетом сатирической комедии, на который нанизал сюжетики, зримо иллюстрирующие смысловой разброс этого самого слова. Но попытка соединить Гайдая с Рязановым привела к тому, что то китч врывается на экран, то действие теряет ритм. Казалось, в многомесячных мытарствах из-за подцензурного названия фильм, что называется, опоздал, но с выходом разнообразных указов, похоже, опять входит в график. Вот этого-то не дай нам Бог.

И.М.

ТОЧНЫЙ ВЫБОР

«Анфиса»
Театр «Современник»,
реж. Г.Волчек

«Современник» выбрал точно. Леонид Андреев — надежный посредник в бурном, но бесполом романе между соблазнительным началом и издерганным концом XX века. Его почерк — жирный, несколько корявый, со старательным нажимом и подчеркиваниями — разбирать куда легче, чем лиловую тайнопись иных русских символистов. Художник А.Фрейбергс выгородил на сцене мир прямолинейный, бесцветный и намеренно бесстильный: серые ширмы-жалюзи, белые двери, марлевый полог, которому, разумеется, предстоит сыграть роль всеобщего савана. На сцене присутствует некая Старуха, символизирующая темное, вечное, всеведущее... Прекрасная Дама Блока нам не по карману. Андреевский символизм — вровень. С появлением М.Нееловой-Анфисы возникает лихорадочный очажок стиля: каверна модерна. Набеленное лицо, в фас — чуть утрированная рагическая маска. В минуты, когда она забывает, что играет героиню трагическую — по-настоящему трагична, но совместить драму женщины и драму эпохи не получается. Актриса не фальшивит, но каменеет внутри. Лучшее в спектакле: черное платье от Зайцева и виртуозная работа А.Леонтьева. Худшее — бессмысленная суэта массовых сцен с надоедливим инфернальным хохотом и неловким маскарадом. Театр пугает, а никому не страшно... Впрочем, «Современник», усилиями Г.Волчек, сохраняет приличную форму. На том и спасибо.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

СТУДИЙЦЫ, ВНИМАНИЕ!

«Доктор Калигари»
США, реж. С.Саядьян

Фильму суждено вызвать яростный вой возмущения у советской видеопублики. Ничего более некоммерческого, очевидно, представить невозможно. Даже главная героиня, вселившая надежду тем, что сразу же разделась, минут через десять одевается и, будто испугавшись комиссии Губенко, не оголяется, хоть убей. Судя по всему, это — снятый на пленку спектакль трупы, которая у нас называлась бы авангардной студией. Наверное, студийцам посмотреть фильм не помешало бы, но надо спешить: насколько мне известно, практически все, кому он попадает в руки, спешат его стереть.

ПРОСТОТА ЛУЧШЕ ВОРОВСТВА

«Глаз орла», часть 2
США, реж. К.Франклин

У фильма два неоспоримых достоинства: во-первых, он короткий, меньше полутора часов, во-вторых, ни на что не претендует. Его авторы явно не стремились войти в пантеон великих и сотворить нетленку. Сюжет прост, дальше некуда. Есть честный американский солдат во Вьетнаме и плохой майор, занимающийся сбытом наркотиков и продажей вьетнамских девушек сутенерам. Было бы намного хуже, если бы режиссер захотел украсить картину философскими вывертами, украденными у Коппола, Стоуна или хотя бы у Джона Уэйна. Кстати, кто-нибудь помнит, про что был первый фильм?

Дневник У.

Михаил КАЗАКОВ

ВСПОМИНАЯ ОЛЕГА ДАЛЯ

ВОТ ТАК ПОЖАЛУЙ...

(...) немного истории.

Роль учителя Марина Мирою предназначалась Олегу еще в 1970 году. И не просто предназначалась, а тогда же был написан и запущен в производство сценарий для ТВ. Но сменилось руководство, и начавшиеся были репетиции были прекращены. Понадобилось семь лет, чтобы пробить «Безымянную звезду» на Свердловской киностудии. (...)

Олегу нравилась комедия М.Себастиана и роль учителя. Ему было 29 лет. Он был улыбчив, открыт людям, мечтателен и при этом актерски и человечески умен. У него было все, чтобы очень легко, в жанре пьесы, водрузив на нос очки, блистательно сыграть Марина Мирою. Но эта возможность тогда, в 70-м году, нам не представилась.

В 1978 году я опять «запускаюсь» с двухсерийным фильмом «Безымянная звезда». Кандидат на роль один — Олег Даль. И вот, после того как он читает написанный Хмеликом сценарий, я получаю от него письмо на 9 страницах. Это очень интересное письмо. Нет, он не отказывался играть, но излагал свою точку зрения

на события, происходящие в сценарии. (...) Всю пьесу он хотел рассмотреть под углом своего тогдашнего мировоззрения, мироощущения и состояния. А я представлял ее как жанр грустной и изящной мелодрамы. Прошли годы. Я стал думать: а можно ли было снять такой фильм, как он хотел? Можно. Только нужно было писать принципиально другой сценарий...

Он строен, этот его план, несмотря на весь сумбур, как он пишет. Все его рассуждения тяготеют к стилистике Тарковского, Бергмана. И вполне понятно, что 1 января 1978 года мой ход ему был неинтересен. Дело не в том, что он стал старше — он мог по возрасту играть эту роль. Дело в том, что улыбаться ему уже было довольно сложно.

Думая о нем, я вспоминаю те светлые минуты, когда мы оба были молодыми... Какой он тогда бывал разный! Он мог быть легким, очаровательным, петь под гитару, шутить, хулиганить. (...) Но уже тогда в нем было одно качество, которое меня удивляло, — иррациональность. С годами оно проявлялось все сильнее и сильнее. (...)

Его переходы от веселья к замкнутости, от беззащитности к высокомерию, как к защитной маске. Его взгляд внутрь себя, приподнятый воротник, какой-то нахохлившийся вид. Иногда прямо в диалоге он вдруг закрывался. У некоторых этот переход происходит незаметно для окружающих, деликатно, мягко. Он же, как правило, уходил резко, неожиданно. Часто многие говорили — мания величия. (...)

А иногда вдруг становился гордым, неприступным и мог даже сказать о себе в третьем лице: «Даль этого не играет». Я вздрагивал в такие моменты: «Да брось ты, не говори о себе так...» — «Да, да, ты прав. Это Броневой так о себе, очень заразительно...»

Мне кажется, что в нем был изначальный трагизм. Как, скажем, в Есенине. Может быть, это связано с природой актерского творчества, с ее направленностью? Я не знаю. Иногда, шутя, я ему говорил: «В тебе не хватает четвертинки еврейской крови, чтобы сказать: «А-а-а...» Здесь очень важна интонация — а-а, черт с ним, пройдет и это. Я сам с годами стал таким же, как Олег, и только натура заставляет меня скрывать мрак и страх в душе. Но ведь мне 53, а он был много моложе тогда. (...)

Есть какая-то параллельность в судьбах, какая-то похожесть всех наших блужданий, попыток найти себя.

Мы представляем читателям «Столицы» главу из сборника «Олег Даль», готовящегося к выпуску в издательстве АРТ, — «Актер. Режиссер. Театр». Это первое и единственное в России специализированное театральное издательство. Вероятно, сегодня не лучшее время для подобных начинаний, однако театральные кризисы еще не означают упадка литературы о театре. Надеемся, что АРТ сумеет нас убедить в этом.

Я понимал поиски Олега, его разочарования — тормозившийся лермонтовский спектакль, неосуществленная идея с Кортасаром... Интересно, что теперь, в конце 80-х, на встрече со зрителями выяснилось, что есть еще люди, помнящие наш телеспектакль «Удар рога», а главное — роль Даля. Мне прислали записку: «А вот Вы собирались ставить «Преследователя» Кортасара?» Я ответил: «Так я же собирался с Далем, а его нет». Не говоря уже о том, что это была идея Олега.

Часто он любил повторять: «Давай организуем лесной театр», — «А что это такое?» — «Будем в лесу играть, как джазмены». — «А кому мы там будем играть — птичкам, что ли?!» — «Ну вроде того». Сиречь — для себя.

Творить для себя, независимо, творчески. «Покой и воля...» Творческая воля, творческий покой, к которым мы все так стремимся. И независимость — Пушкин говаривал, что слово-то ерундовое, но уж больно сама вещь хороша. (...)

Да нет, не может быть лесного театра. У всех театров свои законы. Я думаю, что вся его жизнь — тут он близок с Высоцким, — жизнь на разрыв аорты и неприятие порядков вокруг. Всей этой муры с наградами, званиями, всех этих ярлыков, мерок, параметров, всего того, что раздражает любого интеллигентного человека. Что ни говори, а это вносит ужасный раздор в нашу и без того непростую актерскую среду. Нет, Олег никому не завидовал. Может быть, как у Высоцкого — трогательная мальчишеская обида, почему он не член Союза писа-

телей. У Олега — это боль от непонимания и невнимания. (...) Я играю на разрыв души Васю Пепла, я выкладываюсь в Эгючике, а меня можно заменить за одну ночь; или рву сердце в Зилове, а он никак не доползает до экрана ЦТ; я помогаю режиссуре своей индивидуальностью, приношу какие-то мысли и идеи — и вот тут-то недооценка всего этого приобретает совершенно особый смысл. (...)

Конечно, Олег забывал обо всех этих «отметинах». Особенно когда наступала редкая гармония в творчестве, все уходило на задний план. А когда приходилось репетировать плохую пьесу, когда он чувствовал, что перерастает режиссуру, тогда ему делалось сначала скучно, а затем невмоготу. Он резко менял адреса театральной прописки и начинал все заново.

В общем, понятно — не хватало вот того самого «А-а-а...». Если бы это было, наверное, он жил бы и по сей день. Но, с другой стороны, не нам судить. Каждому свой предел.

А говорить о его профессиональных достоинствах просто смешно — они неоспоримы. И есть свершенность. О нем помнят люди. Нет такого зала, где бы мне не задали вопроса про Даля. Значит, он жив. А те награжденные и перенагражденные, которых величали при жизни великими, — где они теперь, кто их помнит? (...) Я многое о нем знал — как он читает стихи, как он музыкален, какой он разнообразный актер, его режиссерские идеи. Я знал, что он художник. Я не всегда понимал его как человека — перепады его состояний. Но, глядя на него, мне хотелось отогреть его душой. Сказать: плюнь на все, давай поулыбаемся, давай поговорим, может быть, чего-нибудь и придумаем. Так вот — легко, безответственно. Для этого надо было только сделать рукой — «А-а-а...».

Благодарим Елизавету Даль и издательство АРТ за предоставленные фотоматериалы.

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ДЕТИ ИЗ ЛАМБАДЫ — СПЕЛ И КАТАЙСЯ

1989 год в музыкальном мире можно смело назвать годом ламбады. Ее мелодия звучала тогда повсюду: по радио, телевидению, на молодежных дискотеках. Стоило услышать лишь первые ее аккорды, как сразу же возник образ далекой страны, побережье, утыканное кокосовыми пальмами, и, конечно, танцующие дети — белокурая девочка и смуглый мальчуган. Кто же они в жизни?

Роберта и Чико знакомы друг с другом давно, как принято говорить, с самого раннего детства. Впервые они повстречались на бразильском пляже. Вот что рассказывает Роберта: «Там все друг друга хорошо знали. Когда мы с Чико познакомились, ему было 4 года, мне — 7 лет. Подружились мы быстро». Правда, жили они тогда довольно далеко друг от друга, а тут еще отца Чико должны были послать работать в другой город. И чтобы не разлучать детей, родители Роберты предложили, чтобы Чико временно пожил у них: в то время они владели небольшим ресторанчиком на пляже Транкосо, а мать Роберты, кроме того, преподавала в школе. Но она должна была на время оставить работу, чтобы больше времени проводить с детьми. А тут как раз известный антрепренер Оливье Лорсак решает пригласить Роберту и Чико для танцевального сопровождения в группу Каома.

Но только танцевать им недостаточно. «Для нас танцевать и петь так же важно, как и дышать. Это наша жизнь. Там, где мы жили, не было ни кафе, ни кинотеатров, только лишь специальные площадки для танцев и пения. Поэтому мы хотели бы показать частичку нашей страны, нашей жизни», — говорят они. После ламбады были и другие удачи: новый видеоклип «Лицом к лицу», в котором приняли участие все школьные друзья Роберты и Чико, был записан первый сольный диск с новым «хитом» — песней «Рожденные с надеждой».

Их кумиры — Мадонна, Элвис Пресли и, конечно, Тина Тернер, которую именно Чико научил танцевать ламбаду. На заработанные от продажи своих песен деньги Роберта купила коша, пять собак, лошадь, попугая, морской скутер (чем-то напоминающий водный мотоцикл), прекрасный «Шевроле», за рулем которого она пока ездит тайком, т.к. из-за возраста она не может еще получить водительских прав. Что касается Чико, то для себя он купил небольшой спортивный самолет и музыкальный центр последней модели. Не забыли они и своих родителей: для своих Роберта купила дом, а Чико — даже два (для папы и для мамы). Да, как хорошо быть молодыми, красивыми, богатыми и знаменитыми!

Журнал «Подиум хит», Франция

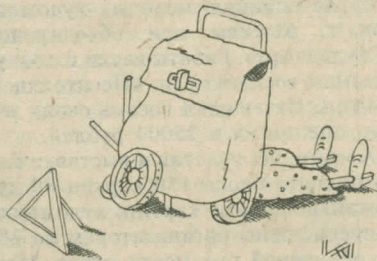

Рис. А. Казачкова

ТЕЛЕФОН С ФИЛЬТРОМ

Канадцы смогут в ближайшее время воспользоваться телефонным аппаратом, который позволит им по желанию не поднимать трубку. Не откликаться на звонок абонента, чей номер будет появляться на небольшом экране. Использование такого рода телефонных аппаратов в Оттаве и Квебеке в течение полугода позволило значительно сократить нежелательные телефонные контакты. В том числе — притормозить телефонное хулиганство, поскольку авторы подобных звонков опасаются, что их лишат права пользования телефоном.

«Суар», Бельгия

ПОДЕРЖАННЫЕ АВТОМОБИЛИ ТАМ УЖЕ МАЛО КОГО ИНТЕРЕСУЮТ

Популярность подержанных автомобилей идет на убыль. На одной из придорожных стоянок, где они продаются, продавцы от нечего делать отработывают технику игры в гольф.

Как только автомобиль — какой бы он ни был — совершил свою первую поездку, это уже подержанный автомобиль — поэтому, естественно, подержанных машин больше, чем новых.

Салоны подержанных автомобилей все больше напоминают салоны, где выставлены новые автомобили. В то же самое время средняя цена на подержанную машину стала выше, так что важнейшее преимущество подержанного автомобиля по сравнению с новым — цена — в значительной степени утрачено.

В результате гораздо более высокий процент подержанных автомобилей в последнее время идет не на продажу, а на металлолом. Точных данных на этот счет нет, однако, по некоторым подсчетам, количество машин, ежегодно попадающих под пресс, составляет в Японии около пяти миллионов. В Токио единственный завод, где производятся такие операции, — «Ариаке Когьо». «В последнее время число автомобилей, поступающих к нам для переработки в металлолом, значительно увеличилось, — говорит президент «Ариаке» Кендзи Окава. — Мы работаем с утра до ночи, но не в состоянии переработать все автомобили. В прежние дни машины, которые поступали к нам, были действительно изношены до полной непригодности, но теперь попадает множество автомобилей, которые вполне могли бы служить и дальше. Рано или поздно города будут просто забиты машинами и не будет никакой возможности освободиться от них».

«Пацифик Френдз», Япония

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Художники продолжают уезжать. День ото дня множится число независимых галерей, дающих «нечленам» возможность выставляться и зарабатывать на жизнь. Художникам теперь не обязательно быть «по совместительству» дворниками — их не привлекут за тунеядство.

Но они уезжают, и это вполне понятно, если обратиться к опыту нашей жизни в целом и к опыту проведения художественных выставок последних лет — в частности.

Жил-был художник один...

Звали художника Владимир Игаев. Домика, правда, не имел — только комнату в коммуналке. Ну и холсты, конечно.

Судьба — классическая, как у всякого уважающего себя советского художника, «нечлена», из «поколения дворников и сторожей»...

В 1974 году сокурсники (дело было на математическом факультете пединститута) затащили его на факультет общественных профессий. Отделение рисунка и живописи — «вторая профессия учителю для проведения кружковых работ». «Здесь тебя научат рисовать», — заверили друзья.

Володя воспринял шутку всерьез и не только научился рисовать, но и стал художником. Что касается «основного места работы», то из школы Игаев, согласно традиции, ушел последовательно в грузчики, дворники, кровельщики и т.д. В общем, работал там, где много свободного времени и мало платят.

Пытался в свое время поступить в Суриковский институт и в молодежное объединение МОСХа. Однажды снизошли, объяснили, почему не берут: «Вы же карандаш в руки взяли в 20 лет — чего же вы хотите?»

С тех пор Игаев ничего особенного не хотел — успокоился и писал: кое-что — на продажу, а хорошие вещи — для себя. Покупали его картины, естественно, иностранцы, которых мало интересовало, с трех лет он рисует или с тридцати трех...

Правда, одна картина Игаева все же попала в «официальную» галерею. Пришлось только замазать свою фа-

милию и подписать работу именем друга, «члена».

«Ветер перемен» принес Игаеву участие в нескольких выставках, но кардинальных перемен в судьбе не произошло. Единственное — перестал дворничать и сторожить и вот уже два года занимается исключительно живописью.

Добрые дяди

Какой русский художник не любит выставляться в Италии? Особенно, когда тебе обещают каталог, выпущенный «там», и часть валютной выручки — если твои работы будут проданы.

Когда знакомый художник рассказал Игаеву о возможности поучаствовать в коллективной выставке на Апеннинах, Володя взял шесть лучших работ и понес организаторам столь замечательного мероприятия — в Ассоциацию молодых художников г. Москвы при объединении «Студия-Арт». Работы взяли и с энтузиазмом воскликнули: «Несите еще!» В итоге Игаев сдал восемь своих работ, оценив их в 25000 рублей.

А всего для участия в выставке было принято около 150 картин 80 художников. Кроме картин, художники «перечислили» организаторам по 2% от оценочной стоимости работ. Игаев, к примеру, заплатил 500 р.

Довольные друг другом, художники и добрые дяди (в частности, руководитель Ассоциации Андрей Щепетильников) разошлись, а выставка гордо и смело поехала в Италию, в славный город Таранто.

Было это весной прошлого года. Своих картин художники с тех пор не видели.

Приключения русских в Италии

Неприветливо встречала родина классического наследия посланцев Советского Союза. На границе таможенники предложили им уплатить пошлину в размере 8 миллионов лир. Мелочь, конечно, но неприятно, да и денег нет.

Тут надо пояснить, что выставку с итальянской стороны организовыв-

вал большой друг Советского Союза Пьетро Канато, глава филиала общества «Италия-СССР» в г. Таранто. Канато пообещал взять на себя таможенные расходы, а также отправку картин обратно в Москву.

Итак, 8 миллионов... В посольстве на звонок Щепетильникова отреагировали хладнокровно: «Выкручитесь сами». Помогли представители общества «Италия-СССР» из близлежащего города Триеста. Сначала снизив с помощью приглашенных экспертов сумму пошлины до 6000 лир, а потом и заплатив эти деньги.

В Таранто все происходило не менее весело. Тов. Канато организовал выставку не в самом городе, а в «предместье», в культурном центре металлургического завода «Илва». Так что работами наших художников любовались почти исключительно заводчане, причем тягу к высокому искусству испытали лишь немногие из них.

К тому же Таранто оказался закрытым городом, и через пару недель Андрея Щепетильникова и других членов нашей делегации оттуда попросили. Пьетро Канато пожелал им счастливого пути, а также заявил, что ввиду коммерческого провала выставки раздача слонов производиться не будет (имелся в виду каталог). И еще: он в силах оплатить доставку груза только до братской Венгрии.

Возмущенные до глубины души, но подгоняемые бдительной кустрой «наши» отбыли в Рим и далее — на Родину. «Прочь из проклятой Италии», — как сказал в разговоре со мной А.Щепетильников.

«Груз следует медленным багажом...»

А на родной земле надеялись и ждали молодые (и не очень) художники. Щепетильников, как мог, успокоил их, объяснив, что итальянцы вероломны, в искусстве ни черта не понимают и вообще: хоть дома и плохо, но в таких гостях — не лучше. Было также объявлено, что часть работ все же удалось продать.

Авторам этих работ выплатили их оценочную стоимость. Один из участников выставки, Сергей Клиников, сообщил мне, что получил за свою проданную на Апеннинах картину 400 рублей.

В то же время Андрей Щепетильников в официальной беседе со мной заявил, что в Италии не было продано ни одной работы: «Мы на это не имели права».

«Несовпадения», конечно, по меньшей мере странные, но не в этом суть. «Груз следует медленным багажом», — сообщил художникам Андрей Щепетильников и предложил подождать месяц — другой.

Минуло полгода, и к этому времени Володя Игаев ждать устал. Он как раз получил приглашения из Австралии и Франции, и ему очень хотелось показать иностранцам те самые восемь своих лучших работ, «следующих медленным багажом».

И мирный художник Владимир Игаев, который, по собственному признанию, вот уже несколько лет не читает газет, подал на Ассоциацию молодых художников в суд. Заплатив при этом госпошлину в размере 2500 рублей (10% от иска). Не вдаваясь в судебные подробности, скажем: в итоге Игаеву ответили — «На «нет» и суда нет». Картин ведь в наличии не имеется, а ответчик представил копии проездных документов и телексы «с мест», где итальянские и венгерские официальные лица видели груз...

Мистика

А с грузом все это время происходило нечто невообразимое. Послушаем Андрея Щепетильникова:

— Мы думали, что имеем дело с цивилизованными людьми. Три месяца спокойно ждали официальной весточки из Будапешта: «Ваш груз прибыл — забирайте». Не дождавись, послали запросы в Италию и в Венгрию. Из Италии сообщают: груз благополучно миновал все промежуточные пункты и пересек границу еще в июне. Венгры пишут: груз не прибыл.

Тогда мы обратились в советско-венгерское СП, попросили их выяснить судьбу груза по своим каналам. Нет его, ответили нам. И вдруг совсем недавно то же СП сообщает: груз лежит на таможенном складе уже бог знает сколько, и таможня собирается пустить картины с молотка. Нам удалось через различные организации уговорить их подождать. Теперь венгры требуют около трех тысяч долларов за хранение груза. Денег у нас нет — ищем спонсора.

Кстати, в Выставочном зале Дома художника нам сообщили, что не мы первые попали в такую ситуацию. Одна из советских экспозиций третий год не может выехать из Германии...

«Кто виноват, что ты устал...»

Виноватых в этой истории нет. Или

пруд пруди — смотря какой выбрать ракурс.

Нехорошо поступил вероломный итальянец тов. Канато, неправы и алчные венгерские таможенники, и безответственное советско-венгерское СП, давшее неверную информацию, и не разбирающиеся в искусстве итальянские металлурги, и, наконец, Ассоциация молодых художников, в деятельности которой имеются неясности и «несовпадения».

Художник Владимир Игаев, потевший «на этом деле» 8 лучших работ и три тысячи рублей, считает, например, что вся экспозиция благополучно продана в Италии, а все дальнейшее — лишь спектакль. Фактов у него, правда, нет, но есть богатый опыт, позволяющий делать подобные криминальные предположения. Володя рассказал мне несколько историй, похожих одна на другую: художники сдают свои работы на выставки, а потом картины бесследно исчезают.

Сергей Клинков, еще один участник триумфальной тарантской выставки, поведал, что такое случается с ним не в первый раз. Не так давно он участвовал в выставке на Солянке. Из Москвы работы поехали в Минск — по договоренности с каким-то кооперативом. Кое-что, конечно, потом вернулось, но несколько хороших работ «канули».

— Отношения с организаторами всегда строятся только на честном слове, — рассказывает Сергей. — Почти все документы, которые при этом составляются, — филькина грамота. А что делать? Мы вынуждены

принимать их условия игры. Тут «или-или». Можно, конечно, сидеть со своими работами дома...

...Дома со своими работами уже сидели — это было. В то время Система не считала их за художников — ну разве может быть творцом человек без образования, впервые взявший в руки кисть в 20 лет? Не считают их художниками и сегодня.

Теперь они — способ заработать, и только. «Несите еще!» — радостно говорят доверчивым художникам, большинство из которых нет дела ни до политики, ни до взаимоотношений наших организаций с западными партнерами.

Но вот, скажем, Володя Игаев — тот больше не понесет. Даже если (надежда умирает последней) его работы еще существуют, являются собственностью нашей страны и он их когда-нибудь получит. Все равно не понесет. Подустал Игаев от Системы.

Володя с гордостью показывает письма из Франции, приглашение в Австралию. И с грустью — поэтический искусствоведческий отзыв об одной из своих канувших работ: «Картина находится как бы в полости кристалла...»

Что ж, философски замечает Игаев, если и не увижу своих картин, то хоть иностранцы полюбуются — в Италии, Венгрии или еще где-нибудь. А если уеду, авось, увижу какую-нибудь свою работу. Приятно все же: заходишь в гости, а на стене — «Игаев»...

М. Д.

Фото Б. Кремера

Валерий ЛЕВЯТОВ

НО СТРОВОК ПЕЧАЛЬНЫХ НЕ СМЫВАЮ...

«Интересно, что вы станете печатать, когда напечатаете всего Набокова?» — этот вопрос, брошенный не то с трибуны литсборища, не то со страниц одного из печатных органов писателей «заединщиков», повторялся в истекшие пять лет гласности неоднократно, единственно лишь взамен Набокова подставляя имена Солженицына, Бродского, Шаламова, Гумилева, Домбровского, Ходасевича.

Вопрос бросался как бы шутя, но угроза все равно сквозила: дескать, скоро, братцы, кончится ваше время — и опять начнется наш вечный зев...

Но вот — не сбывается же их прогноз! Потому что речь идет в данном случае не о некоем штрафном списке, не о дюжине бумагомарак, преступивших закон, — но о Литературе, живущей вопреки всему, поверх барьеров. Дело не в границах и не в статьях уголовного кодекса. Дело в насильственном искажении контекста общественной мысли, в искривлении линии судьбы Российской словесности на карте XX века. И посему в се, что стало в этом веке достоянием сам- и тамиздатов, предметом судебной экспертизы, ключьями чистого воздуха, долетающими до нас сквозь треск и грохот эфирных глушилок, — в се это, до последнего звука, должно вернуться к нам сегодня в полном объеме. Ей-же Богу, требование Солженицына — издать его книги такими тиражами, чтобы их мог прочесть каждый гражданин СССР, — это его категорическое требование двухлетней давности сегодня уже вовсе не кажется ни максималистским, ни эксцентричным.

Валерий Левятов печатался в «те самые годы» в «Посеве» и «Континенте», «Надеждах» и «Границах». Его приглашали для бесед, требовали отречься от этих публикаций. Он не отрекся, объяснив, что для писателя каждая публикация — радость. Его вызвали свидетелем по делам во времена уже не Брежнева — Андропова и Черненко.

1

Витька Барахло сидел четыре раза — два за воровство и два за хулиганство. Перед четвертым — напоследок женился.

Надьку на Пятницкой знали. Не один из пятницких малолеток приобретал, общаясь с ней, необходимый жизненный опыт за бутылку красного. Вот именно что за бутылку красного. Выпивала она эту бутылку, и ей становилось все равно.

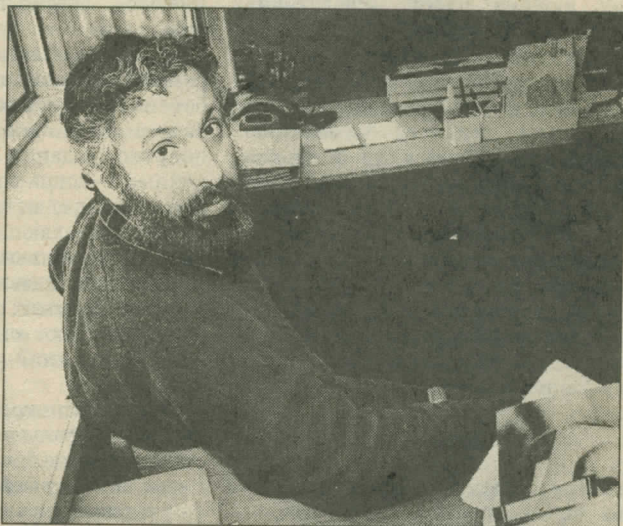

Фото Э. Кудрявицкого

Тех, кого ему предлагали осудить, он именовал горячими патриотами — и эти слова так и были занесены в протоколы допросов. Эта почти детская, почти гайдаровская честность слышна и в прозе Левятова.

Мы отобрали для публикации рассказ, который не появлялся ни в тамиздате, ни в самиздате. Это — элегия; но именно в мягкой, тихой интонации, в какой-то мудрой недосказанности, нам кажется, и заключено достоинство и этой вещи и всего, что написал Левятов. Это рассказ о жизни, которую сломали. Но это не обвинение сильным мира сего, сломавшим не одну чужую жизнь, а печаль о собственном согласии на то, чтобы эту твою бесконечно прекрасную жизнь — сломали.

Хочется верить, что писательская судьба Левятова не сломлена и что этот поздний его литературный дебют на Родине — лишь начало какой-то новой книги...

М.П.

Не думаю, чтобы Витька ничего не знал. Конечно, знал. Не в лесу Надька жила. Но...

Первого мая, кажется шестьдесят пятого года, собрались мы у меня, вроде бы для солидарности, а на самом деле, кто третий, кто пятый год обмывая свое возвращение из армии. Женщины с нами не было ни одной, потому что мы уже были в той стадии питья, когда вино и женщины — две вещи несовместные. Потому что это только так говорится, что где бабы, там и вино; то есть, хотя и верно это

говорится, но до поры. А когда вином начинают заниматься серьезно, совсем серьезно, тут уж не до баб, не до чего, ибо до ревности любит дух, живущий в нас. И мы уже, кто раньше, кто позже, кто больше, кто меньше, кто понимаем и ухмыляясь, кто не понимаем и ухмыляясь, всасывались в эту стадию. То есть я-то, начинающий писатель, просто изучал жизнь, но это я сейчас так красиво говорю — тогда между нами не было никакой разницы, кроме разве цинизма. Они-то делали все это просто, а я — с идеей! Я был как бы Сусловым нашего двора. Суслов — идеолог пьянства, смешно, правда?

Ладно. Сидим мы, поем (может, и правда пели, а иногда так называют, когда пьют), вдруг вваливается Витька, красиво, как Чацкий, мы даже не слышали, кто ему дверь открыл. Ну мы охнули, его сразу усадили и стакан в зубы. Он потеплел, как будто простудился, и всех нас звал выпить одеколону.

— Вить, что за дела?! Ты что-то непонятное такое говоришь, сам видишь — насчет водки мы вроде не обижены...

— Нет! Барахло — скот, но не подлец! Что ж, вы меня угощаете, а я как свинья? Не так дело. Вот у меня рупь, пойдем — два флакона, а больше у меня нет.

Еле-еле мы его успокоили. Но он все бормотал, всхлипывая:

— Это что ж, за красивые глазки? За красивые глазки не делают. Вот у меня рупь, больше нету. Было время, и Витька угощал, а сейчас у Витьки нету... Утомленный, но шагая бодро, возвращался с лагеря домой...

— А где твоя Надюха? — спросил я.

— Нету Надюхи. Комната пном пень, ключ с собой унесла и третий день дома, говорят, не ночует... А я что?

Постепенно одни разбрелись, другие отключились, а мы с Витькой вышли на улицу.

У газировочного автомата стояли ребята, человек десять, и рассказывали друг другу всякую похабщину, а сыр во рту держали, смакуя и прихлебывая. Очередь внимательно вслушивалась в их разговор.

Витька, квадратный, но маленький, подпрыгнул, стакан выхватил, ополоснул и мне подал, как джентельмен джентельмену, и я стал пить. Они в первую минуту потерялись от такой наглости в разные стороны, а потом сомкнули свои умы, нас за шивороты и поволокли за метро. И надели нам на головы урны.

Ощущение не интересное. Мне такого никогда испытывать больше не приходилось, хорошо бы, чтоб и не пришлось, особенно если у вас у самого — кодла.

Ну, приструнились мы во двор. Во дворе голо — ни травинки. Из гавриков наших, даже если их растолкать, какие сейчас солдаты? Крикнули мы Машке, она нам тесак дала из продмага. У Витьки тесак, а у меня что? Я за отверткой сбегал. Прибежали мы за метро, они, конечно, нас там не дожидаются, хоть и уговор был. Так, одного вахлака встретили, вроде из тех, не прозили его, а дали просто по роже, что он упал. Встает, сопли кровавые по лицу размазывает:

— За что вы меня, ребята?

Ну, мы ему объяснили, что за то-то и за то-то, а он нам в оборотку:

— Да вы, видно, ошиблись, посмотрите на меня внимательно.

Мы смотрим — а может, и правда ошиблись, кто теперь разберет? Разве их всех, фокусников, запомнишь. Но почему, с другой-то стороны, он «видно» сказал? Если ошиблись, так ты точно скажи!

Но все равно стало нам его жалко, и мы для компенсации его ко мне потащили и стакан дали, слив туда разную

пересортицу. Он успокоился, выпил, поблагодарил, умылся и ушел облагороженный...

Ну, вышли мы, как после обтирания до приятной теплоты. Это всегда так бывает у людей. Мне кажется, что нам обычно не так уж важно кому мы отплатили, обидчику или нет, а важно то, что отплатили, при себе не задержали, пустили в оборот...

А когда выходили из ворот, чуть не врезались на таран в Надюку.

— Позови ее, — попросил Барахло.

Я ее догнал:

— Девушка!

Она вялой трусцой подошла ко мне. Дескать, я спать хочу, и ты, парень, поменьше базарь...

Фонари у ней мерцали под обоими глазами и даже по сравнению с обычной Надькой она была разболтанная, как расшатанный велосипед.

Витька подошел и сурово встряхнул ее.

— А! — сказала она сквозь сон, но в то же время как бы с вызовом отвечая этим «А!» на его встряхивание: «Не боюсь я тебя, презираю тебя».

Они ушли...

2

В Москве Витьку не прописывали, и он жил тихохонько у Надюки, а на хлеб зарабатывал в Домодедове на каких-то временных работах, то ли аэропорт Домодедовский строили, то ли еще что, не помню, но «ксив» с пропиской там не просили.

Жили они с Надькой в одном из переулков за метро, где по вечерам темно и ходить боятся. И жили неплохо. Единодушно жили.

Другие — шумят, а Надюка, наоборот, с утра на подвиг посылала.

— Вот у нас посудка, дружочек, есть и банка с краской. Иди, сдай посуду, продай краску, купи хоть красенького нам с тобой поманенечку.

Витька артачился, чтобы она не думала, но потом шел. Приятно ему было заботиться о женщине, как будто она в лодке сидит, а он пиджак снял и гребет сильными рывками. Расшибал нос до крови — но приносил. А без нее никогда не пил.

Бывало, встретит меня:

— Пойдем.

— У меня только двадцать копеек, Барахло!

— Ну конечно, если у тебя только двадцать копеек, куда ж там тебе пить.

Мы брали красенького или беленького, или того и другого вместе.

— У меня будем пить? — первое время предлагал я.

— Нет, пойдем лучше ко мне, у меня Надя болеет, надо ее малость подлечить.

Надюка работала в столовой на Пятницкой у радиомагазина, посудомойкой, поесть домой приносила, а об остальном они не заботились.

Я и сейчас, хоть давно уже Ремарка и всех его товарищей разлюбил, а все ж иной раз призадумаясь: кто сейчас на Руси не американец?

Ведь сейчас работяги пить-то пьют, а красот не забывают. Дома все от лака блестит, ботинки заставляют снимать, стенка, сервант, цветной телевизор. Книжки все полюбили читать, подписные издания: вот вам Чехов, вот Тургенев, а вот и Алексей Толстой.

А идеалисты-то, которыми Россия славилась — только пьяницы ежедневные, профессиональные, которых со

всех работ выгоняют, — вот кто только у нас о завтрашнем дне не думает. Одинокие рабочие магазинов, посудомойки и одинодушные парочки, вроде моих друзей.

Маленькое ихнее гнездышко состояло из четырех стен, старой кушетки на трех ножках, стула да еще Витькиной картины на стене — озера, на котором танцуют маленькие лебеди. Когда я приходил, мы с Надькой садились на кушетку, а Витька супротив нас на стуле.

Он всю жизнь пил за один глоток. Когда был помоложе — за один глоток стакан, сейчас — только лафетник. Надька это учитывала. Выцеживали мы с ней наши стаканы, а Витька тем временем вливал в себя свой лафетник, а еще в бутылке оставалась его доля.

— Витя, плесни мне еще маненечко, — ласково просила Надька, и Витька по простоте плескал.

Надька вообще была расторопней.

Бывало, уснет Витька пьяный и жизнерадостный. Под столом — бутылка, а в ней граммов сто пятьдесят, завтра на опохмелку, а Надька ночью встанет, как мышь, порыскает, порыскает, найдет — и выпьет. А утром у Витьки болезненно, но с нежностью в голосе спросит:

— Витюша, у нас там ничего не осталось?

— Вот то-то и оно, что осталось, глупышка! Нагнись — не поленись, посмотри под столом. Я не то, что ты! Я еще вечером об утре думаю — как вставать будем?

Надька не ленилась, нагибалась и смотрела.

— А там ничего нет, Витюш, только бутылка пустая.

— Ну как так нет? Как — нет? Я ж знаю, что есть. Посмотри получше! — с тревогой в голосе.

— Правда, нет, смотри сам, уж если б было, неужели б я не почувяла?

Витька стремительно встает и видит — нет.

— Когда ж ты успела?

— Ты что? Я не пила! Как, без тебя? Ты что! Нахал какой-то!

— Кто ж выпил? Кошка что ль?

— Не знаю. Может быть, тебе приснилось? Ты чего-то все бурчал во сне.

Витька превращался в застенок и все-таки под конец заставлял ее сознаться. Но делала она это хорошо.

— Подумаешь, там и было-то всего пятьдесят грамм, стоило из чего разговор подымать.

3

Мы с Барахлом в этот период особенно сошлись.

Ну, во-первых, мы здесь остались поблизости друг от друга. Другие ребята давно разъехались, а только наезжали со всех концов Москвы. Даже бывало, что Чайник и Манюня приезжали в двенадцать ночи с вечерней смены, чтоб выкурить по сигарете на родном воздухе и ехать домой на Выставку.

А во-вторых, оба мы грустили об неудавшейся жизни и считали, что нас среда засосала.

Я был, как утверждали, прирожденный журналист. Так, как они — Аграновские, Песковы — пишут, я мог левой ногой написать, без всякого напряжения. Многие, кто этим на хлеб зарабатывали, жизнь мечтали протитутить посвятить и под конец, как большого счастья, которое не каждому тысячному дается, достигнуть того уровня, который у меня-то был от рождения, шутя, балуясь. Я не хватаю.

Так почему я никем не стал? Ни Аграновским, ни Песковым, ни даже Владиком Вторишным из «Вечерки», полковничьим сыном, рожу которому когда-то бил?

Резонный вопрос.

Я с самого начала знал, что придется становиться сволочью.

Сначала я надеялся, что сволочью пробуду недолго, быстро получу разрешение ею больше не быть. Но оказалось, что сволочью нужно становиться «всерьез и надолго», потому что потом, когда надумаешь и даже будешь иметь право возвратиться в несволочи, ну хоть не полностью, но все же, — будет уже поздно, ты уже перестанешь различать.

Вот я и отказался, верней, побоялся и продолжал окупаться в народ. А тут еще писательство поманило — «Куррица не птица, журналист — не писатель»...

И Витька тоже. Он ведь как начинал? Его еще мальчишкой Батя натаскивал, он подростком уже в хлопцах ходил, а это для своего возраста масть хорошая — камер-юнкер. В общем, все предвещало головокружительную и блестящую воровскую карьеру.

И вот не стал он авторитетным вором, и никаким не стал, и постепенно рассыпался в обыкновенного мужичка маленького роста, пусть и уголовного профиля. А это что ж — не считать же каждого, кто за кражу сидит, вором. Да и по отсидкам видно его запустение. Я ж говорю: первые две — гордая кража, вторые — обыкновенная, пошленькая хулиганка. Что тут причиной, не знаю. Как всегда, наверно, какая-нибудь невыразительная случайность, которая на самом деле вовсе и не случайность, но согласитесь с Пушкиным: быть камер-юнкером в тридцать шесть лет — уже и досадно и на шутовство похоже.

И так он тоже, как и я, ломал голову и не мог понять, на чем споткнулся, ведь начинал он так хорошо...

4

Сколько веревочку ни вей, а она кончится.

Поменялись они на Домодедово. Витька, когда уезжал, зашел ко мне, звал с собой, но у меня сидел двоюродный брат с заманчивой женщиной, с интересом разглядывавшей меня, и уехать было просто неудобно. Хорошо хоть не поленился, адрес записал.

После этого больше я встречал Надьку, когда заходил в столовую. Если я пропивался, а это случалось почти всегда через три-четыре дня после полочки, она выносила мне первое, второе и третье.

Наконец, в конце лета я собрался к ним поехать вместе с Толькой Голубятником.

Надька красила полы.

— А Витьку в совхоз послали, на сенокос, позавчера только уехал. А я вот полы крашу, придет — не узнает.

И была она вся приподнята и просвечивалась, как яйцо через скорлупу. Как будто они еще не женаты, а вот придет Витька — и свадьба.

— Надь, мы за бутылкой сходим, магазин у вас где?

— Да я-то не пью!

— Ну так мы выпьем.

— Конечно, конечно. Вот Витька жалеть будет, что вы не застали...

Только был из тех, кто когда-то на Надьке половые опыты проделывать начал. Хотя она, может быть, его и не помнила.

— Серж, давай?

— Да ты что? Это ж мы Витьке подлость сделаем!

Он растерялся и задумался...

— Не понимаю, при чем здесь Витька? — сказал он, хорошо подумав. — Мы ж не его будем, а ее...

Т.С.Т.

Рис. П.Стуенко

Я не нашелся, что ответить.

Выпили мы с ним, она нам закуски хорошей принесла, и Толька стал похахатывать и руками разные фокусы выделывать.

— Не надо, Толь, что ты? Не надо! Сереж, скажи ему!

На лице ее появилась жалобность, как будто ее били ремнем, но в этой жалобности была уже и покорность.

Я выключил свет и захлопнул дверь.

5

...И в метро не поправился.

— Сейчас, Новокузнецкая, — сказал один.

— Да иди ты на фиг, болтает — чего сам не знает! — ответил другой.

— Сейчас, Новокузнецкая, Новокузнецкая сейчас! Сейчас — Новокузнецкая! — задалдонил болван.

Поезд выехал на перрон.

— Видишь, Новокузнецкая, я ж тебе говорил?

— Да, да, да! Отстань.

— Товарищ, правда, сейчас — Новокузнецкая? — не уни-
мался болван.

— Пошел!.. — сказал я.

Они мелкой рысцой потрусили за мной.

У метро стояли Юрка с Женькой.

Коротким, резким тырчком я разбил ему нос.

— Милиционер! — крикнул второй.

Но Женька с Юркой подхватили этого, с носом, под руку, стараясь не измазаться.

— Вот, старшина, хулиганит, — сказал Женька — член партии.

— Товарищ старшина! У меня нос разбит, как же, дескать, я могу хулиганить? — защищался болван.

— Вот потому он у тебя и разбит, что вы вдвоем напали на этого незнакомого мне товарища, а товарищ, не будь глуп, и оборонился, — убедительно сказал Женька.

— Ведите его, — подумав, сказал старшина, а второго взял на себя.

В отделении дежурный не поверил было, что человек, у которого сейчас из носа красное знамя полощется, мог двадцать минут назад напасть вдвоем на человека, у которого этого знамени и след не ночевал, хотя так и может быть, но — психологически...

Но Женька замахал партбилетом, и в голосе у него появились нотки, угрожавшие разорвать струну. Мусору стало стыдно.

6

На другой день пришел ко мне сочный, душистый Толька...

«Ну, руку пожать-то можно, конечно, это уж так принято между ребятами», — подумал я и первый протянул руку. Замолчали. Закурили...

И где он научился так молчать? Я никогда не выдерживал его молчания.

— Трояк есть, — сказала я устало, лишь бы что-то сказать.

— Одна звенеть не будет, две звенят не так! — с готовностью протянул Толька и вышвырнул мне в ладонь пригоршню мелочи, как Пугачев в толпу. Мы пошли в две ступеньки.

7

Почему я не дал ему по роже? Боялся? Нет. Я его как-то и ногами лягал, когда он меня удерживать хотел, чтоб я с пар-

нем не дрался из компании, в которой мы оказались случайно. Нет, не боялся я его. Мы были мужчины. Мы были настоящие мужчины, трус не играет в хоккей! И двум настоящим мужчинам, потомкам Стеньки Разина, прилично ли было портить отношения из-за пустяков? Да хоть бы и не из-за пустяков. Пусть там она новую жизнь хотела начинать, пусть в душе у меня все помутилось, пусть у нее никогда и не было старой жизни, которую выскребывать надо, пусть! Но как тут скажешь: «Толька! Я тебе не позволю этого делать!» — как скажешь? За что угодно удобно было дать ему по роже — за то, что разлил не так, что поздоровался плохо, что денег мне не смог занять, брюки испачкал, да мало ли... но только не за это. Это была б измена полу, всему, что с детства считалось удаль и казачество, считалось — наше дело такое, а их такое, и было молодцу не в укор. Мы еще захватили то время, когда по блатному закону, который и для нас был святыней, может, только для нас и был, если ты идешь с дамой под ручку и какой-то ухарь подойдет и даст ей по глазу, ты не имеешь права поднять руку, потому что вы — люди, а она б... не по склонностям, а по сути, будь хоть она девственницей и заслуженной учительницей, а это у них в крови. Так можно ли портить из-за б... отношения двум уважающим себя идалго?

Если б я ему сказал, вышло бы все равно, что «не надо ругаться матом» сказал.

А как наберешься сказать такое?

И вот я с ним пошел, и пришел, и выпил.

А потом он играл на гитаре, а я пел «Нас провожают пароходы совсем не так, как поезда». Я любил, когда меня просили спеть.

8

А потом я женился, а другие все наши женились до этого или совсем спились, и Толька остался один. Первое время он порывался ездить ко мне, но потом чего-то почувствовал и отстал.

9

А потом его скинули пьяного с поезда, где-то на перегоне у «Бирюлева-товарного», где я сейчас живу. Сколько их было и как это было, сопротивлялся ли он или готовно обмяк и сдался, так и осталось никому не известно.

За месяц до этого умер Алик. Что они пили на работе, тоже неизвестно, только, когда ребята отработали и пошли в раздевалку, он лежал на полу мертвый.

Толька рыдал над ним в крематории, насилу оттащили.

— Следующий я буду! — повторял он одно и то же.

Это была наша последняя встреча. Я тогда думал, что водка в нем говорит. Но не прошло месяца, его скинули.

10

И теперь нет никого на земле, кто был бы еще виноват. Я теперь один. Много на душе накопилось дряни, заросла, все забыл. А это помню. И теперь уже знаю, что никогда не забуду.

Слышал я, что Витьку опять посадили. Надьке тоже дали год. Год этот давно прошел, но никогда больше она не появлялась ни в Москве, ни в Домодедове. И сколько б я теперь ни делал добрых дел, все равно — не заглажу.

— Серж, скажи ему!

А я не сказал... не сказал.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ СССР И КУВЕЙТОМ БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ, НО ТОЛЬКО НЕ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

Чрезвычайный и Полномочный посол Кувейта в Советском Союзе Абдель Мохсиналь-Дуэйдж дал интервью корреспонденту «Столицы».

— У Кувейта немало друзей в Советском Союзе. Многие из них поддерживали и поддерживают вашу страну. Но остается впечатление, что голос в защиту Кувейта во время иракской агрессии мог бы звучать гораздо сильнее и значительнее влиять на формирование советской политики...

— К сожалению, многие из тех, кто бывал в Кувейте, просто отмалчиваются. Я думаю, что сейчас мы должны посмотреть, кто же наш истинный друг. Почему никто из них не написал правду о нашей стране: диктатура у нас или демократия?

Я лично считаю, что сотрудники арабской редакции Информационного агентства Новости (ИАН), которые приезжали в Кувейт, предали нашу дружбу. Они полностью встали на сторону Ирака. После оккупации Кувейта многие сняли маски, и мы увидели кто есть кто. Всякий раз, когда они приезжали в Кувейт, они произносили хвалебные речи. Александр Смирнов из ИАН был большим другом Кувейта. Я слышал, как он говорил прекрасные слова о Кувейте. Но затем он написал статью в «Советской России»... Как можно так поступать, если всего месяц назад ты был моим лучшим другом? Кто велел тебе так поступать? Другой пример — Расул Гамзатов, один из лучших друзей Кувейта. Он говорил, что наша страна для него как бриллиант, как звезда.

И что же — ни разу с начала оккупации я не слышал, чтобы он поддержал нас. Он влиятельный человек, и его слово было бы весомо. А что делало в этот момент Общество советско-кувейтской дружбы?

Но у нас есть и настоящие друзья: такие, как Александр Бовин, Виталий Коротич, — это чистые люди. Александр Бовин не был в числе друзей нашей страны; когда он туда приехал, он даже никого там не знал, но, вернувшись из недельной поездки, он написал правдиво о том, что увидел и узнал. Просто потому, что он порядочный человек. И таких людей немало.

— Что вы можете сказать по поводу проиракского настроения некоторых советских средств массовой информации? В частности, относительно того репортажа программы «Время», в котором не без подтекста рассказывали о том, что якобы в послевоенном Кувейте первым делом принялись за восстановление дворца эмира. При этом особый упор делался на то, что во дворце — позолоченные краны...

— Да, в Кувейте есть дворцы, но они принадлежат не эмиру, а народу. У многих кувейтских семей дворцы более роскошные, чем дворец эмира. Дворец эмира был построен около шестидесяти лет назад — до открытия нефти, и эмир решил сохранить его в первоизданном виде. Там

нет золотых кранов. Дворец Дасман, где эмир был рожден и где он сейчас живет, построен из земли. И я думаю, что ваши нынешний и предыдущий послы в Кувейте прекрасно об этом осведомлены. Другой дворец — Сейф был построен в начале этого века и сохраняется до сих пор как символ простоты. Я не хочу сказать, что мы бедны. Напротив — мы богаты. Я просто хочу сказать, что у нашего эмира нет не только принадлежащего ему дворца — у него нет даже собственного самолета. Для своих поездок он пользуется самолетами кувейтской авиакомпании.

Что касается шейха Саада — наследного принца и премьерминистра, — то у него есть дворец Шааб, принадлежащий еще его отцу. Шейх Саад реконструировал его и превратил прекрасный дворец. Это так, но для Кувейта в этом нет ничего сверхъестественного: в Кувейте у каждого — дворец. А те, кто не хотят жить во дворцах, могут вкладывать деньги в бизнес. Никто в Кувейте не страдает от того, что наш эмир живет во дворце. Более того, в настоящее время эмир не живет во дворце — он управляет страной с виллы своих друзей.

А теперь я бы хотел задать вопрос руководителям программы «Время» и коммунистической партии: на каких машинах ездят они — на «Жигулях»? И могут ли простые советские люди пользоваться такими же машинами, как они? А какие у них дачи?

В Кувейте есть советские дипломаты, советские журналисты — почему они не расскажут правду о том, что там происходит? О том, например,

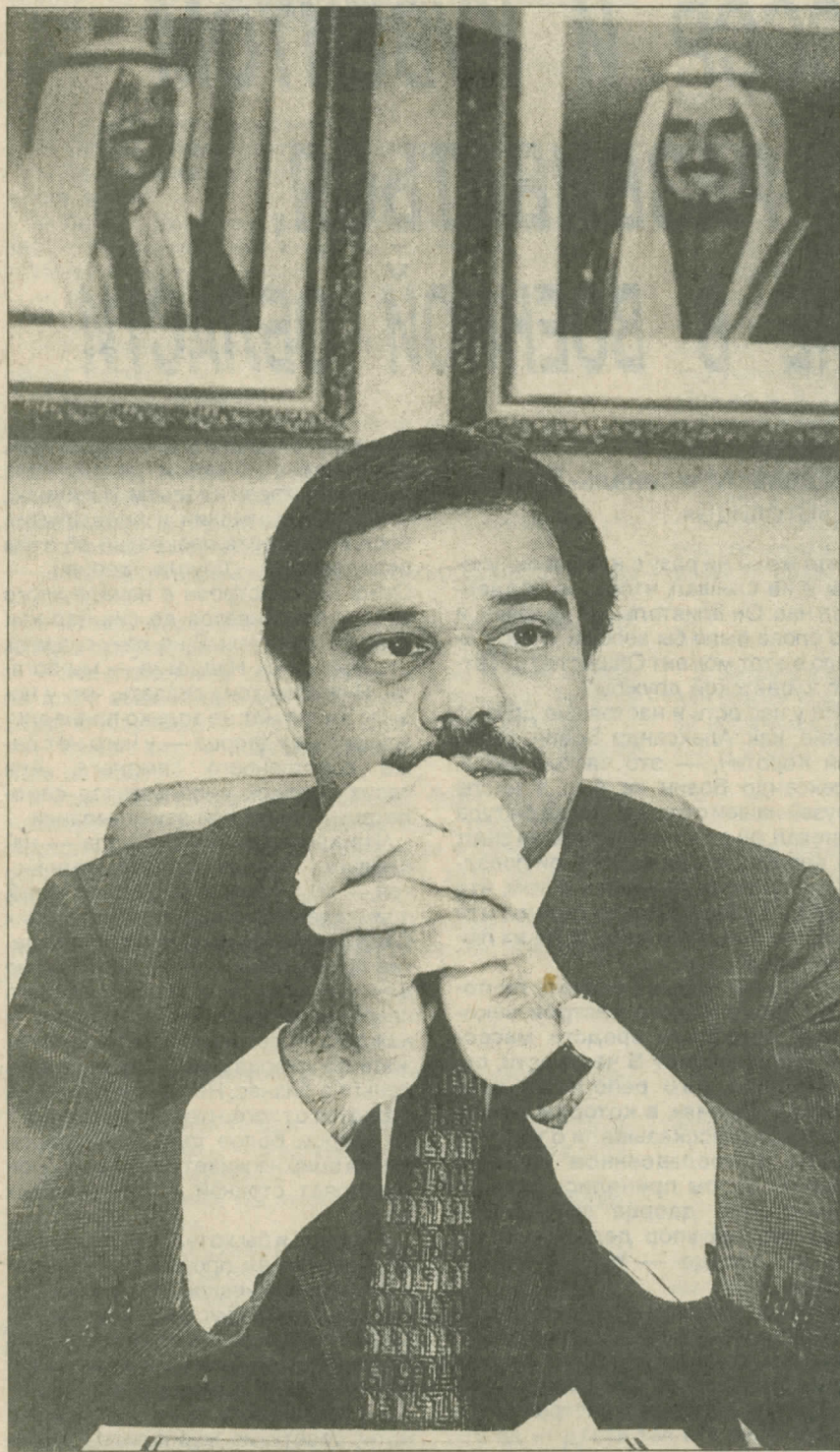

Фото Э.Кудрявицкого

что главная наша задача сейчас — потушить нефтяные пожары, а не ремонтировать дворец эмира?..

— Известно, что Кувейт закупал вооружение у СССР. Осуществлялось ли сотрудничество в этой области во время агрессии?

— К сожалению, нет. Нам были нужны запчасти к военному оборудованию советского производства. На наш запрос, направленный еще в сентябре, мы не получили ни положительного, ни отрицательного ответа. И только в апреле официальные советские инстанции наконец сказали, что запрос будет удовлетворен. Я же ответил им, что уже слишком поздно. Зачем мы приобрели это оборудование? Чтобы обеспечить оборону своей страны. Мы заплатили за него в твердой валюте. Контракт, заключенный с советской стороной, предусматривал поставки запчастей. Это полностью соответствовало бы вашей внешней политике, которая была направлена на достижение освобождения Кувейта, о чем заявляли и ваш президент, и Министерство иностранных дел, и ваш представитель в ООН. Теперь же мы отказались от запчастей, так как они нам больше не нужны.

— Может ли это отрицательно отразиться на сотрудничестве между нашими странами? На предоставлении Кувейтом займов Советскому Союзу?

— Я думаю, что это не повлияет на отношения между нашими странами. Советский Союз за годы перестройки очень изменился, и мы не можем этого не замечать. Такие страны, например, как Куба и Йемен, выступали в поддержку Ирака; и в вашей стране есть определенные круги, которые стоят на таких же позициях. Но поверьте — это никак не повлияет на развитие наших отношений. Мы хотим укреплять отношения с СССР, так как заинтересованы в успехе реформ. И если бы у власти в вашей стране были противники перестройки, они вели бы себя по-другому по отношению к агрессии Ирака.

Мы заинтересованы в успехе перестройки, поскольку она ослабляет позиции арабских коммунистов. Эти люди очень опасны, ибо они даже не понимают, что такое коммунизм, но используют этот лозунг для противостояния Западу и Америке. Это самые ограниченные люди во всем арабском мире. Ни у кого из них нет даже хорошего образования. Многие не закончили школы, а если бы вы знали, как они получают высшее об-

разование — на скорую руку отхватывают ученые степени в советских вузах. Они не годны ни в науке, ни в технике, ни в архитектуре, ни в медицине... Они в состоянии только писать статьи в своих газетах. Это все последствия «холодной войны». И сейчас, когда «холодная война» закончена, эти люди должны уйти в прошлое — начиная с Саддама Хусейна... Арабские коммунисты были очень расстроены тем, что был смещен Чаушеску, и, поверьте мне, они будут счастливы, если что-то произойдет с перестройкой или Михаилом Горбачевым. Они первыми поднимут бокалы с шампанским.

— Итак, сотрудничество с Советским Союзом будет продолжаться. Каковы будут приоритетные направления? Чему вы намерены отдавать предпочтение?

— Что касается экономической сферы, то мы рассчитываем на СССР в восстановлении страны. В настоящее время мы сотрудничаем с советскими экспертами, которые помогут в тушении нефтяных пожаров. Советские нефтяники работают у нас уже тридцать лет, и у нас никогда не было с ними проблем. Я лично отстаиваю идею привлечения советских специалистов к восстановлению тяжелой промышленности: строительству газопроводов, нефтеперерабатывающих заводов, дорог и т.д. По-моему, такое сотрудничество очень выгодно для вас — вы зарабатываете валюту; нельзя же ограничивать сотрудничество только предоставлением займов.

Что же касается сотрудничества в военной области, то я против этого. Я не хочу ни критиковать, ни поддерживать подход ваших военных к этому сотрудничеству. Ведь мы предлагаем не орешки, а миллионы долларов, и если нам не удастся с выгодой потратить их здесь, то мы потратим их в другом месте.

— Кувейтский эмир в скором вре-

мени должен посетить Советский Союз...

— Да, эмир вскоре приедет сюда. Ему очень хочется поблагодарить советских людей за их поддержку в трудное для нашей страны время. Кроме того, он надеется, что визит завершится подписанием двустороннего соглашения, которое станет основой развития наших отношений. Соглашение должно носить только деловой, а не идеологический характер, отвечать интересам наших народов, закрепить сотрудничество в экономической, образовательной, культурной и других областях, основанное на взаимном доверии и честности.

Ваша страна намного больше нашей, но вы тоже можете учиться у нас: например, как монархия работает на благо народа.

— Намерен ли эмир встретиться с руководством России и Балтийских государств, а также с представителями демократических организаций и движений?

— Эмир будет гостем президента — Михаила Горбачева, а гость, как мы говорим в Кувейте, «находится в руках хозяина». Конечно, эмир может встретиться с кем угодно, однако он не будет обсуждать внутренние проблемы Советского Союза. Если, к примеру, Ельцин или президент Литвы захотят встретиться с эмиром, они встретятся. Я думаю, люди поймут, что мы не США, не Великобритания, не Франция — мы не будем заниматься вашими внутренними проблемами.

— Будет ли Кувейт развивать прямые связи с республиками?

— Если это не будет противоречить советскому законодательству, то я не вижу никаких препятствий.

Беседавал Виталий ЕРЕНКОВ

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ «СТОЛИЦЫ»!

Я со своими скромными возможностями воюю с нашей хусейновщиной в так называемом личном качестве. Поэтому я приветствую публикацию в вашем еженедельнике статьи В.Еренкова «Наши» и Хусейн» («Столица», № 10, март 1991). Эту тему ни в коем случае нельзя закрывать или оставлять. У нас, к сожалению, немало сторонников или, точнее, носителей хусейновщины. Публика эта многолика и разношерстна. Здесь мы видим и народных депутатов СССР В.Алкниса, Е.Когана, Н.Петрушенко, и главного редактора «Военно-исторического журнала» В.Филатова, и профессора Э.Волгодина с его печально известным «Арабским узлом», и писателя А.Проханова и многих других. В этой компании есть фигуры и покрупнее, которые на наших глазах предпринимали отчаянные попытки спасти Саддама Хусейна от заслуженного возмездия. Весьма примечателен и подбор печатных изданий, активно выступавших, по существу, в защиту диктаторского саддамовского режима. Здесь мы видим «Советскую Россию», «Голос Родины», «Молодую гвардию», «Домострой», «Гласность» и, наконец, новую газету «День», в которой безымянный аналитик (см. «День», № 2, февраль 1991) писал буквально следующее: «США... столкнулись с серьезным инициативным противником. Ставка на «блицкриг» провалилась. Саддам Хусейн в очередной раз подтвердил репутацию талантливого и энергичного руководителя». Вдумайтесь в этот панегирик диктатору, «талант» которого направлен на кровавое подавление своего народа, на геноцид по отношению к курдам. Думаю, что Сталинщина и хусейновщина — это явления одного порядка.

А.С. АНУЧКИН-ТИМОФЕЕВ,
быв.сотрудник МИД СССР,
кандидат исторических наук

*Редакция еженедельника «Столица»
и газеты «Частная жизнь»
требуются распространители на договорных условиях
в Москве и других городах.*

*Участники движения «Демократическая Россия»
— сотрудничество с нами в ваших интересах.*

Телефон 928-10-34

ПОСЛЕДНИЙ ОТПУСК У «НАШИХ»

«СОВЕТИКО» НЕ ВСЕГДА ОЗНАЧАЕТ «СОВОК»

Вам никогда не доводилось побывать в шкуре настоящего интуриста? Не «совка» на загнившем Западе, а наоборот? Когда можно испытать чувство гордости за себя самих, более высокоразвитых. Когда можно позволить себе жалость к аборигенам и легкое, грешное, но приятное чувство превосходства. Когда необычность природы, климата и исторического колорита приправлена острой экзотикой друг о другом менталитета. Изолированный комфорт в гостях у радушного социализма — нет острее удовольствия. И недоступнее для гражданина Советского Союза.

А мне, представьте, повезло. Из страны официально дозволенной демократии и гласности попасть в страну неотступного (в смысле официальной установки «Социализм или смерть!») социализма. И, признаюсь, чувство превосходства было так близко, так возможно... и так глупо было бы оно...

Куба, любовь моя! Честное слово, без песен. Не нужен мне берег кавказский и Ялта теперь не нужна. Чего всем остальным своим соотечественникам искренне желаю. Без малейшей издевки. Право же, где еще сегодня полноценно отдохнуть советскому человеку, как не на сказочном острове, за 10000 верст от Колыбели Революции, где рай на земле попережку со сном наяву; где «сове-

тико» значит «дорогой»; где ты в гостях и почти как дома; где море алмазной чистоты и океан солнца; где можно совершить экскурс в собственное прошлое (совсем ли — прошлое?), а можно плюнуть на политику и наслаждаться воздухом свободы от издержек цивилизации; где развитой промышленностью в атмосфере не пахнет; где атомную электростанцию строят земляки, спецы советские, это надолго, а значит, риск и опасность кубинского Чернобыля реальны, но еще ох как далеки...

И есть первые попытки дружить без идеологической смазки. Раньше мы занимались не экономическим сотрудничеством, а революционной взаимовыручкой. Теперь, когда они — одинокие путники к коммунизму, а мы замешкались на перепутье, пришло, оказывается, время сводить счеты: сколько они нам сахара недодали, да сколько мы им литров нефти и тонн гаек перепоставили. Дстойное, словом, занятие для властей предержажших. А в эту пору частный бизнес перестроенного происхождения ищет собственные ходы в заповедные края Острова ради того, чтобы «советико туристо» стал нормой на берегу Карибского моря. Наша фирма, научно-технический центр «Технология», ведет переговоры с национальными туристическими предприятиями Кубы о создании совместного предприятия, которое нам, советским, поможет почувствовать

себя иностранцами на курорте. Иными словами, закладывает первые кирпичики в новострой будущей разумной дружбы. Подключайтесь, все остальные земляки-владельцы «стройматериала». Бог с ней, с политикой, если там круглый год лето и ананасы свежие.

Я уже знаю, каково быть интуристом. Я в Союзе не умею нищим подывать. Не тот у меня уровень самосознания, что ли. Недостаточно высокий, не слишком абстрагированный от протянутой ладони. Когда же на остановке вечно долгожданного в городе Гаване автобуса тебя теревит белоzubая, чернолицая ребятня, ангельски-нахально заглядывая в лицо, тогда горсть мелочи — уже не милостыня, самому себе подарок. И ты уже улыбаешься как-то с достоинством, картинно-щедро, и непривычно терпеливая очередь на автобус пропускает тебя, нездешнего, вперед. И прыгая на разбитом сиденье, ты удивляешься запущенности, ослепительности и ободранности ИХ колониального наследия, ИХ оригинальной архитектуры. И шепчешь про себя: бедные, как плохо ОНИ живут... И смотришь сверху вниз на советские кругом машины, на сплошные «Жигули», «Москвичи» и «Волги», на проржавевшие до бесстыдства «Чайки» и крепкие, как породистые скакуны, «кадиллаки» и «линкольны» батистовских времен.

Доезжаешь, наконец, до ВДНХ Кубы. Недоумеваешь, где же хотя бы одно кубинское достижение. Вспоминаешь, что «все вокруг советское, все вокруг мое». Листаешь книгу отзывов, где твои земляки, директора совхозов-тезок «Заветы Ильича», приветствуют и восторгаются единственной на другом континенте страной социализма. И натыкаешься на запись некоего А.Павленко, директора той самой частной фирмы, что помышляет об экспорте советского туриста на Кубу: «Дорогие друзья! Ваши достижения — это приветливый и жизнерадостный кубинский народ. Прекрасная природа, щедрая земля и удивительное море. Ваш выбор — это счастье конкретного человека, это общество, в котором конкретный человек имеет возможность пользоваться высокими достижениями цивилизации. Сделайте этот выбор, пока не поздно. Желаю успеха».

Захотелось написать свое: «Врачу, исцелися сам». Только кому адресовать? Так приятно было не вникать, культивировать в себе гостя, иноземца, постороннего...

НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ, ЗА КАНАДЦЕВ ЗАМУЖ

А проблема выбора, между прочим, остро стоит и перед капиталистами. По-своему, конечно. Здесь же, в тропическом социализме, выбирают кратчайшие тропы в светлое будущее. Исправляя по дороге ошибки, но категорически «не кокетничая с капиталистическими механизмами». К лету ждут съезда народных избранников. Депутаты будут искать способы сохранения достигнутых Кубой успехов и устранения недостатков — в новых условиях мировой системы разочарования в идеалах социализма. Как сказал первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Главкомандующий Фидель Кастро Рус, «нам нечему учиться и мы не отступим ни на пядь от избранного пути, когда власть исходит от народа». Так что выбор предстает лишь по части тактики, стратегия здесь — дело решенное.

Карточки на все практически товары — это тактика. По-испански они называются красиво: «либретто». Сценарий такой: отстоял очередь, если хватило — отоварил, нет — жди следующего месяца. И никаких мук с выбором. Зато никто не голодает. Пусть мяса почти не «выбрасывают», фрукты на рынке — не ежедневная норма, хлеба без очереди не возьмешь, но тебе твердо гарантированы твои пять фунтов риса, 2 фунта масла в месяц и курица на неделю. А в нынешнем году удался урожай картошки, и ее сколько угодно в свободной продаже...

А в отеле для зарубежных гостей на южном берегу Острова, где построен кусочек западной жизни на доллары (не лишенной, правда, всего разнообразия социалистической экзотики, например, перебоев с водой и электричеством), инструктор тургрупп, француз по происхождению, канадец, объездивший полмира, рассказывал нам о канадских «больных вопросах». Как-то его мама отравила отца в супермаркет за хлебом. Он там пробыл четыре часа (на Кубе в очереди за хлебом теряется не более получаса). В магазине, оказывается, было столько сортов хлеба, что проблема выбора по-канадски актуализировалась для родителя нашего друга Лорана до предела. Не выходите, девочки, замуж за канадцев, предупреждал нас милый инструктор, — у вас будет вечная го-

ловная боль, потому что так обстоит дело со всем: с сырами, с мясом, с вещами и овощами.

И уговорил ведь, речистый...

«ВИВА ФИДЕЛЬ» И БУТЫЛКА РОМА

Мне почти все понятно (то есть узнаваемо) в городе Гаване. Почему при полном отсутствии всякого присутствия на прилавках магазинов так поголовно нарядно одеты дети. Кубинцы слишком близко к сердцу приняли-переняли наш лозунг о «нашем будущем». Им не плевать на завтрашний день страны, им нужны надежные строители его. И сегодня у них есть черный рынок, где можно купить все эти платица для маленьких невест да кроссовки для миниатюрных мужчин.

Понятно и почему у них медицина «на уровне». Фидель недаром констатировал: «Наш народ сегодня один из самых здоровых в мире». Потому что, словами того же Фиделя Кастро Рус, кубинцы — «народ-борец, воин, интернационалист, герой», а такой народ не имеет права не быть здоровым. И даже недостатки в этой стране повернуты так, чтобы служить здоровью. Скажем, нет на Кубе автомобильной промышленности. Народ по большей части обходится без личных машин и дышит чистым воздухом. Хотя «трудящиеся» из таких ведомств, как Революционные Вооруженные Силы и МВД, вполне могут по символической цене — несколько сот песо (средняя кубинская зарплата 200 песо) — приобрести автомобиль в бессрочное «служебное» пользование. Однако это не характерно.

На Острове — нефтяной кризис по причине развала СЭВ. Нехватка бензина. С транспортом беда: в автобус не сесть, такси не поймать. И брошен клич по стране: к 2000 году всем перейти на велосипеды. Выход оптимальный во всех отношениях. Способ передвижения плюс физзарядка.

Загадка этой страны для меня — в другом. Почему народ ее — один из самых жизнерадостных в мире? Час проторчать в ожидании автобуса на жесточайшем солнце, и потом с любезнейшим видом проталкиваться, работая локтями, расточая улыбки.

Помойки, свалки, вонь на змеиных улочках. Полуразрушенные обитаемые дома старой Гаваны. Полное впечатление вчера окончившейся гражданской войны. И музыка, ламбада день и ночь напролет.

Темнеет — и все средневозраст-

ное население Гаваны в вечерних нарядках. Дisko, бары, рестораны, кабары — в веселье дефицита не наблюдается. Как и в бодрящих напитках. Ром — самый доступный, дешевый, нелимитированный товар.

«Тропикано!» Да простят меня товарищи по социализму, но кажется мне, что именно в этом лучшем в Гаване кабаре — весь характер, темперамент, выплеск души кубинского народа. Поют, без конца чередуясь на сцене, и такими сочными голосами, что возникает мысль об исключительном таланте нации — все многонациональное застолье в зале подхватывает-подвывает и двигает в такт бедрами на стульях. Вокруг сцены, под открытым небом, под знойными пальмами и лимонной луной горячо от рома, от танцев, от любви друг к другу и к жизни, что так бывает хорошо. И когда, кажется, душа уже отлетела в рай, а тела вообще не стало — над «Тропикано» проносится «Вива ФИДЕЛЬ!». И как тут удержаться, не закричать в один голос, когда пошла такая пьянка...

«Тропикано». Символ тропического социализма... не понимаю, зачем он ИМ здесь сдался... жить бы да радоваться природному изобилию света и тепла. Но нет — в любой деревне — лозунги, портреты Кастро, бюсты героя революции Хосе Марти. «РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ!», «МЫ ПОБЕДИМ!». Кого? Сами себя, неунывающих?

Впрочем, я умолкаю. Мое дело здесь ино...странное.

Аэлига ЕФИМОВА

КРАСКИ УЛИЦ ИГОРЯ РЕБРОВА

Суета-маета городских улиц. Кишит народ. Дома, как прочные убежища от усталости. Куда-то вдаль, в продолжение привычного быта, уводят трамвайные линии.

В картинах Игоря Реброва городская улица скользнет по тебе, случайному прохожему, своим посторонним взглядом и снова заспешит по делам. Да и не всякий сам зацепится глазом за эту суматошную толчею — она и в жизни-то надоела. Но если все же остановишься у полотна, заглянешь в переулочек, помотришь в нарисованное небо — и с этой улицы уже не уйдешь. И со струн трамвайных проводов польется тихая мелодия, а за углом окажется не молочный магазин, а большой бумажный кораблик, чтобы плыть к синему морю. И люди такие свободные: хочешь — лети, хочешь — иди. И кто здесь только не живет: гномики и великаны, средневековые рыцари и современные девушки. Бродишь по улицам города Реброва и узнаешь свои несбывшиеся мечты, сладкие взрослые сны...

Фантазии? Конечно. На то он и художник, чтобы напоминать наш настоящий адрес: во Вселенной, на краю Земли. Все боремся, строим, ломаем, опять строим. А человеку не хватает человеческого.

Ребров — философ. Нет, он не создал новой теории общественного развития. Он даже не знает, к какому из известных направлений причислить свое творчество, и каждый раз мучительно ищет название картины. И не находит. Ребров — философ цвета, формы.

В официальных кругах его работы социально «взвешивают», употребляя вместо гирьки каноны родного соцреализма. А друзья-экстрасенсы утверждают, что в его картинах реализован довольно мощный биоэнергетический заряд, искусство психовоздействия линий, объемов и пятен. Однако превращать свои картины в вереницу цветочных пятен или голых

абстракций художнику не хочется, как и запечатлеть уличные демонстрации. Он пытается отвлечься от предмета изображения, не отказываясь от него. Его картины — не для прагматиков, а для романтиков. Почитателей, похожих на него самого.

Как и у всех независимых людей, у Реброва есть свои «бэики». Начались они еще в школе. Рассерженные учи-

теля даже отказывались переводить мальчишку в третий класс, советуя родителям сводить сына к психиатру: мол, просто патологическое непослушание. Сводили. И перевели в следующую класс. Но, видно, доктор все же просчитался в своем «диагнозе». Болезнь, именуемая самостоятельностью, прогрессировала и обострилась на пятом курсе МЭИ, когда Игорю вдруг до чертиков надоели чертежи и ЭВМ. В 20 лет он взялся за кисти и поступил в педагогический институт на художественно-графический факультет. Но и там не вышел из него учитель рисования: заплесневелые школьные методички были ему не по нутру.

Перепробовав себя в разных жанрах и направлениях, Ребров «застрял» где-то между экспрессионизмом и абстракционизмом. Так он сам считает. Выработал собственный стиль, в котором писал и разную «битцевскую» мелочевку, и многофигурные композиции, и оформительские изыски. Московский горком графиков принял его под свою крышу, он участвовал в престижных выставках, даже в ЦДХ. Но невзлюбил и их. Потому что «просачиваться» туда чаще всего надо через чей-то субъективизм и амбиции. Впрочем, и свободный до полного безобразия Арбат его не привлекает.

Ребров бежит от толпы. И возвращается к ней только в своих городских пейзажах. Окружает нелюбимую толчею морем, дарит ей крылья, словом, спасает от повседневноности.

Он считает, что картины у художника оставаться не должны, иначе заболешь накопительством. Его живопись и графика расходятся по частным лицам, уплывают за рубеж, где пользуются спросом. Правда, самые близкие сердцу полотна он все же припрятал у матери: если кому-то понравятся, не сможет отказать...

Галина ЕМЕЛЬЯНОВА

